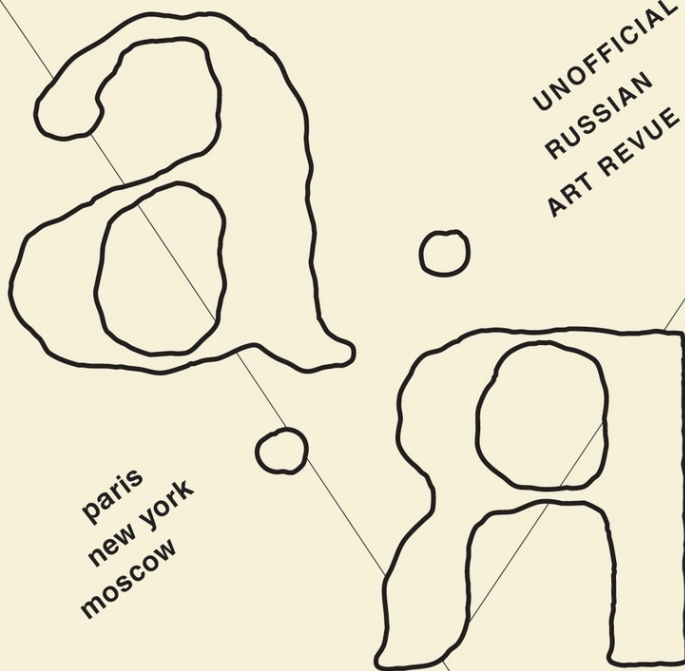

UNOFFICIAL
RUSSIAN
ART REVUE

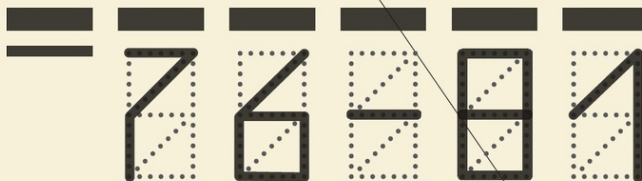

paris
new york
moscow

(A-YA)

ПЕРЕПИСКА
ХУДОЖНИКОВ
С ЖУРНАЛОМ

ТОМ 1

Игорь Шелковский

**Переписка художников с
журналом «А-Я». 1976-1981. Том 1**

«НЛО»

Шелковский И.

Переписка художников с журналом «А-Я». 1976-1981. Том 1 /
И. Шелковский — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-1056-9

Журнал «А-Я» — уникальный журнал неофициального русского искусства, выходивший в Париже в 1979–1986 годах. Это неподцензурное издание не только познакомило западного зрителя с творчеством русских андерграундных художников, но и создало язык новой художественной критики. Редакторы — Александр Сидоров (псевд. Алексей Алексеев, Москва) и Игорь Шелковский (Париж) — готовили журнал по переписке, обмениваясь материалами через границу полулегальными способами с помощью добровольцев. На страницах журнала впервые публиковались работы людей, ставших классиками неподцензурного искусства: Вагрича Бахчаняна, Эрика Булатова, Ильи Кабакова, Комара и Меламида, Дмитрия Александровича Пригова, Владимира Сорокина и многих других. В сборник вошла обширная редакционная переписка участников журнала, которая позволяет читателю увидеть жизнь советского подпольного искусства изнутри, в процессе его становления.

ISBN 978-5-4448-1056-9

© Шелковский И.

© НЛО

Содержание

1976	25
Шелковский – Сидоровым 09.76	25
Шелковский – Романовской и Шимесу 30.09.76	28
Шелковский – Романовской и Шимесу 04.10.76	29
Нусберг – Шелковскому 05.10.76	30
Шелковский – Нусбергу 11.10.76	31
Шелковский – Косолапову 15.10.76	32
Шелковский – Сидоровым 17.10.76	34
Сидоровы – Шелковскому 20.10.76	35
Шелковский – Орлову 22.10.76	36
Шелковский – Романовской и Шимесу 22.10.76	37
Герловины – Шелковскому 23.10.76, Москва	38
Косолапов – Шелковскому 26.10.76	39
Шелковский – Романовской и Шимесу 27.10.76	40
Висенс – Шелковскому 28.10.76	41
Шелковский – Сидоровым 03.11.76	42
Шелковский – Косолаповым 03.11.76	43
Шелковский – Герловиным 04.11.76	44
Шелковский – Щенникову 09.11.76	45
Орлов – Шелковскому 15.11.76	46
Чуйков – Шелковскому 22.11.76	47
Шелковский – Мелконяну 22.11.76	49
Шелковский – Чуйкову 28.11.76	50
Шелковский – Романовской и Шимесу 28.11.76	53
Шелковский – Герловиным 11.76	54
Соков – Шелковскому 05.12.76	55
Шелковский – Сидоровым 12.76	56
Герловины – Шелковскому 23.12.76, Москва	57
Орлов – Шелковскому 24.12.76	59
Шелковский – Чуйкову 27.12.76	60
Шелковский – Романовской и Шимесу 12.76	63
Шелковский – Герловиным 12.76	64
Косолапов – Шелковскому 12.76	66
Сидоров – Шелковскому 12.76	67
1977	68
Шелковский – Чуйкову 11.01.77	68
Шелковский – Герловиным 16.01.77	69
Шелковский – Романовской и Шимесу 22.01.77	70
Шелковский – Сидоровым 22.01.77	71
Шаблавин – Шелковскому 13.01.77	72
Герловины – Шелковскому 03.02.77, Москва	73
Сидоров – Шелковскому 07.02.77	74
Есян – Шелковскому 02.77	75
Шелковский – Щенникову 12.02.77	76
Шелковский – Сидорову 14.02.77	77
Герловины – Шелковскому 12.03.77, Москва	78

Шелковский – Чуйкову 13.02.77	79
Nicole N. – Шелковскому 15.02.77	80
Соков – Шелковскому 17.02.77	81
Косолапов – Шелковскому 02.03.77	82
Шелковский – Костаки 20.03.77	83
Щенников – Шелковскому 03.77	84
Шелковский – Орловым 03.04.77	85
Косолапов – Шелковскому 06.04.77	86
Соков – Шелковскому 28.04.77	87
Сидоров – Шелковскому 29.04.77	88
Шелковский – Романовской и Шимесу 01.05.77	89
Шелковский – Орлову 17.05.77	90
Шелковский – Герловиным 24.05.77	91
Шелковский – Чуйкову 25.05.77	92
Шелковский – Романовской 26.05.77	94
Шелковский – Сидорову 05.77	95
Косолапов – Шелковскому 21.07.77	97
Герловины – Шелковскому 07.77, Москва	98
Шелковский – Чуйкову 29.08.77	99
Шелковский – Максимову 08.77	100
Шелковский – Герловиным 09.77	101
Шелковский – Сидоровым 07.09.77	102
Косолапов – Шелковскому 22.09.77	103
Щенников – Шелковскому 30.09.77	104
Шелковский – Чуйкову 10.10.77	105
Мелконян – Шелковскому 11.10.77 (с французского)	106
Шелковский – Громову 09.10.77	107
Шелковский – Герловиным 21.10.77	108
Чуйков – Шелковскому 31.10.77	109
Шелковский – Косолапову 10.77	111
Чуйков – Шелковскому 10.77	112
Шелковский – Сидорову 10.11.77	113
Шелковский – Чуйкову 15.11.77, Венеция	114
Герловины – Шелковскому 02.12.77, Москва	115
Есяня – Шелковскому 06.12.77, Москва	117
Шелковский – Есяню 07.12.77	118
Шелковский – Сидорову 08.12.77	119
Сидоров – Шелковскому 14.12.77	120
Шаблавин – Шелковскому 17.12.77	126
Чуйков – Шелковскому 17.12.77	127
Соков – Шелковскому 18.12.77	128
Косолапов – Шелковскому 18.12.77	129
Шелковский – Сидорову 19.12.77	131
Сидоров – Шелковскому 26.12.77	132
1978	134
Борис Орлов – Шелковскому 22.01.78	134
Шелковский – Герловиным 22.01.78	135
Чуйков – Шелковскому 25.01.78	136

Шелковский – Чуйкову, Сидорову, Есяну, Герловиным, Сокову 01.78	137
Шелковский – Чуйкову 05.02.78, Лоди	140
Соков – Шелковскому 21.02.78	141
Шелковский – Сидорову 24.02.78	142
Шелковский – Орлову 25.02.78	145
Орлов – Шелковскому 13.03.78	146
Есян – Шелковскому 16.03.78	147
Косолапов – Шелковскому 18.03.78	148
Шелковский – Сидорову 21.03.78	149
Шелковский – Сокову 23.03.78	150
Шелковский – Сидорову 23.03.78	151
Шелковский – Герловиным 23.03.78	152
Соков – Шелковскому 30.03.78	153
Орлов – Шелковскому 05.04.78	154
Чуйков – Шелковскому 12.04.78	155
Герловины – Шелковскому 21.04.78, Москва	156
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Игорь Шелковский

Переписка художников с журналом «А-Я». 1976-1981. Том 1

Любите искусство в себе, а не себя в искусстве.
К. С. Станиславский

В середине 1970-х годов идея самиздатского журнала по искусству висела в воздухе. Помню, как в Абрамцеве, среди зелёного раздолья, мы говорили об этом с Сашей Косолаповым. Всё упиралось в технические возможности, вернее в отсутствие таковых. Напечатать тексты в пяти экземплярах на пишущей машинке, вклеить несколько чёрно-белых фотографий – и всё? Что может дать читателю такое самодельное любительское издание? Не говоря уж о том, что издателей будут ждать кары, вплоть до тюрьмы и лагеря – Алик Гинзбург сидел в лагере за самиздатский журнал поэзии под названием «Синтаксис». Фраза, которая повторялась в десятках интеллигентских домов и в течение десятилетий: сейчас надо быть особенно осторожным.

В 1976 году я стал эмигрантом. И в Париже приспособился к совершенно новой для меня жизни. Примерно за год до этого в Москве я познакомился с бизнесменом из Швейцарии Жаком Мелконяном, он нашёл меня через Георгия Дионисовича Костаки, у которого было несколько моих скульптур. Бизнесмен был тоже отчасти коллекционером, я представил его моим друзьям-художникам. При встрече уже в Париже он высказал идею, что неплохо бы издавать журнал по подпольному искусству. Сказал, что в Москве он обсуждал эту тему с художниками и все были в восторге. И что он взял бы на себя материальную сторону дела. Кто мог бы стать редактором? Я согласился на эту работу, и с этого дня началась подготовка первого номера совершенно ещё никому неизвестного издания. От первого разговора до выхода первого номера прошло два года. Это было время напряжённой работы по подготовке текстов, иллюстраций, комментариев, поиску названия и самого образа журнала. Московским редактором стал Александр Сидоров (псевдоним в журнале Алексей Алексеев), организатором материалов в Нью-Йорке был Александр Косолапов. Среди сочувствующих в Европе были Игорь Голомшток, Олег Прокофьев (Лондон), Ирина Баскина, Сергей Есаян, Виталий Стацинский, Олег Яковлев (Париж), Михаил Кулаков (Рим).

Создавался дизайн журнала (макет первого номера). Основные материалы присылались из Москвы. И с первых же шагов возникла проблема: как пересылать их, через кого? По государственной почте могли посылаться лишь новогодние поздравительные открытки, которые, кстати сказать, не всегда доходили. Свирепствовала цензура тоталитарного государства, перлюстрация писем была в порядке вещей. Швейцарец настаивал, что вся связь должна идти через него. Нас это настораживало: мы бы целиком зависели от одного человека. А одну ниточку всегда легко перерезать. Во-вторых, я вскоре убедился в непостоянстве его интереса к делу, неопределённости, медлительности, оттягивании очередных шагов. Нужны были дополнительные каналы.

Надо было искать людей, направлявшихся в Москву. Ещё лучше, циркулирующих между Москвой и Парижем (или любой столицей свободного мира, дальше можно было пересылать письма по обычной почте). Желательно, чтобы эти люди были, как говорят французы, мотивированными, то есть желающими помочь и понимающими, что представляет собой наше государство и каково живётся в нём художникам и вообще людям творчества. Кто не имел убеждённости в своей правоте, обычно отказывались, не желая подвергаться хоть малейшему риску. Нахождение письма или рукописи во время обыска на границе могло быть чревато лишением визы и ломкой карьеры.

Я до сих пор благодарен всем студентам-славистам, которые, направляясь на стажировку в Москву и возвращаясь на каникулы в свои страны, прятали в своей одежде маленькие клочки бумаги, исписанные мелким почерком (чтобы больше вместились). Сейчас это кажется непонятным, но тогда представлялось, что легче послать письмо на Марс, чем в столицу родины Москву.

Естественно, переписка с Нью-Йорком, Лондоном, Тель-Авивом или Римом никакого труда не представляла, письма летели быстро. Обсуждаемые в них проблемы были более сиюминутными, актуальными, чем в общеохватывающих письмах из Москвы.

Пользовались ли мы в то время телефоном для контактов с Москвой? Почти нет, так как телефонные разговоры прослушивались, приходилось говорить малопонятными намёками. Разговор надо было заказывать заранее оператору, и часто он прерывался на самом интересном месте. «Большой брат» царил над всеми.

Прогресс науки и техники привёл к резкому исчезновению бумажных писем. Тексты теперь посылаются по интернету и через минуту достигают адресата. Возможно, этот массив почтовой корреспонденции – одно из последних письменных свидетельств ушедшей эпохи.

В отличие от других литературных жанров, письма обычно пишутся по деловой или светской необходимости. В нашем случае первое преобладало, и никто из авторов, конечно, не думал о какой-то их публикации хотя бы и в отдалённом будущем (тридцать лет достаточный срок для рассекречивания архивов).

Ценность этих писем в их спонтанности. Почти для всех художников это была пора блужданий, надежд, стремлений к цели, ещё во многом неясной, зависящей от жизненных обстоятельств. Разрывались дружеские и творческие связи, кто-то уезжал, кто-то оставался. Эмигранты стояли перед стеной неизвестности, неясности своего будущего. Оставшихся мучил вопрос: настанут ли в стране хоть какие-то перемены и когда?

На этом фоне протекала работа над журналом от первого до последнего номера. Вопреки ожиданиям, в письмах почти нет тем и споров эстетических (какое искусство хорошее, более правильное), тех споров, которые велись тогда по московским подвалам и чердакам (зато об этом многие статьи, присылавшиеся в журнал их авторами-художниками). Тем не менее у читателя этого сборника есть возможность проникнуть в закулисную и более интимную часть тогдашней художественной жизни.

Письма, публикующиеся в этом сборнике, разумеется, не все, писавшиеся тогда – 30–40 лет назад, а те, что сохранились у авторов или их адресатов. Тем не менее их общий большой объём вынудил издателей сделать некоторые сокращения: в основном за счёт текстов, которые можно назвать «техническими»: где писалось, что из писем дошло до адресата, что нет; какими путями они посылались, а также той части писем, в которых сообщались семейные новости. Некоторые письма исключены по требованию их авторов или наследников (Гундлах, Кабаков, Немухин), некоторые, потому что их содержание примерно совпадает с другими, печатающимися.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто принимал участие в этом проекте:

Леонида Бажанова (художественного руководителя ГЦСИ, 1994–2016), давшего проекту старт.

Сотрудников и волонтеров ГЦСИ, которые в 2012–2013 гг. занимались расшифровкой и набором текстов.

Инну Крымову, Ирину Алпатову, много сделавших для того, чтобы книга увидела свет.

Художника Игоря Макаревича, художника и историка советского неофициального искусства Георгия Кизевальтера, искусствоведов Екатерину Андрееву (Государственный Русский

музей), Сирье Хелме (директора Art Museum of Estonia), а также Галину Ельшевскую и Юлию Лебедеву,

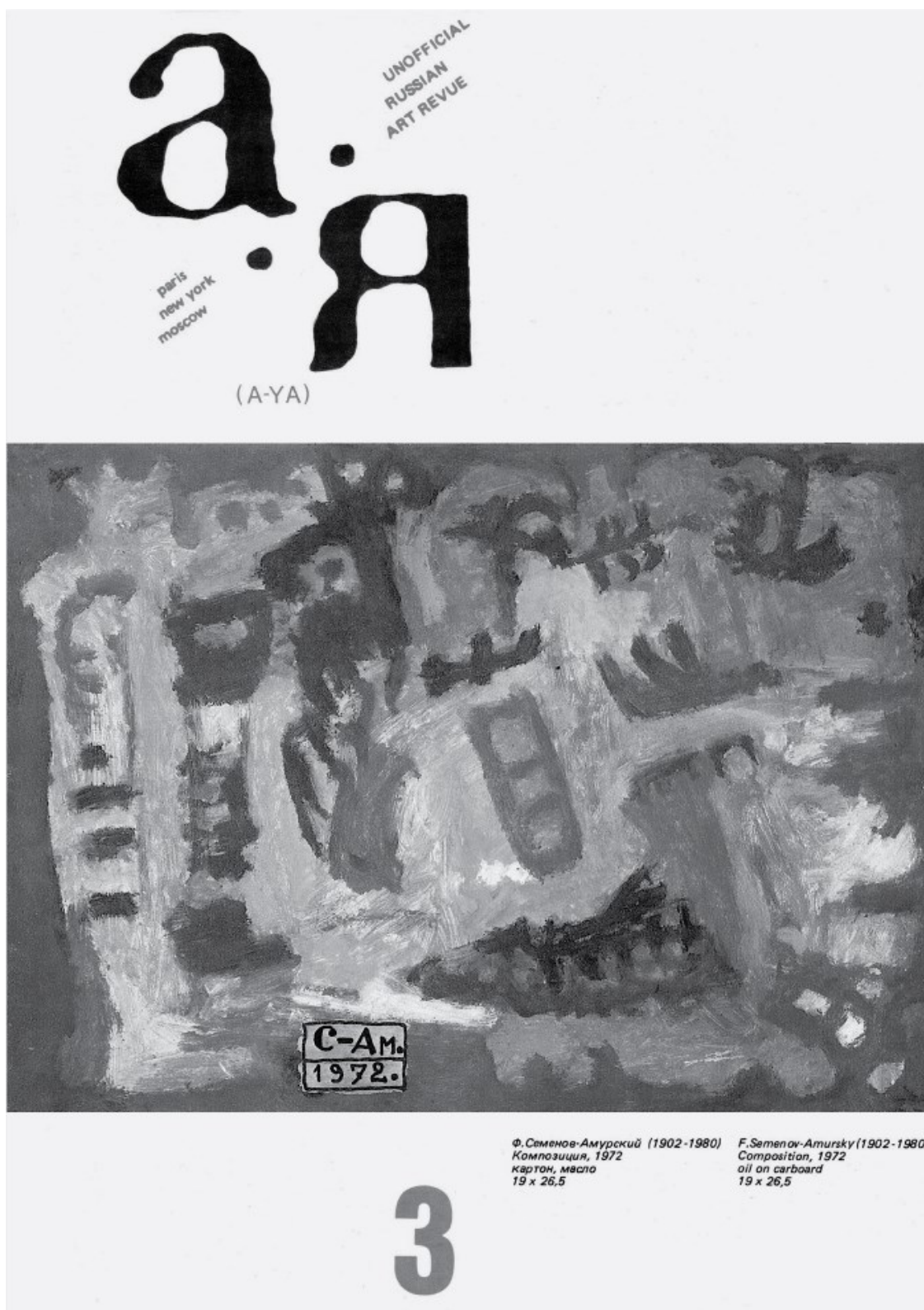
Игорь Шелковский

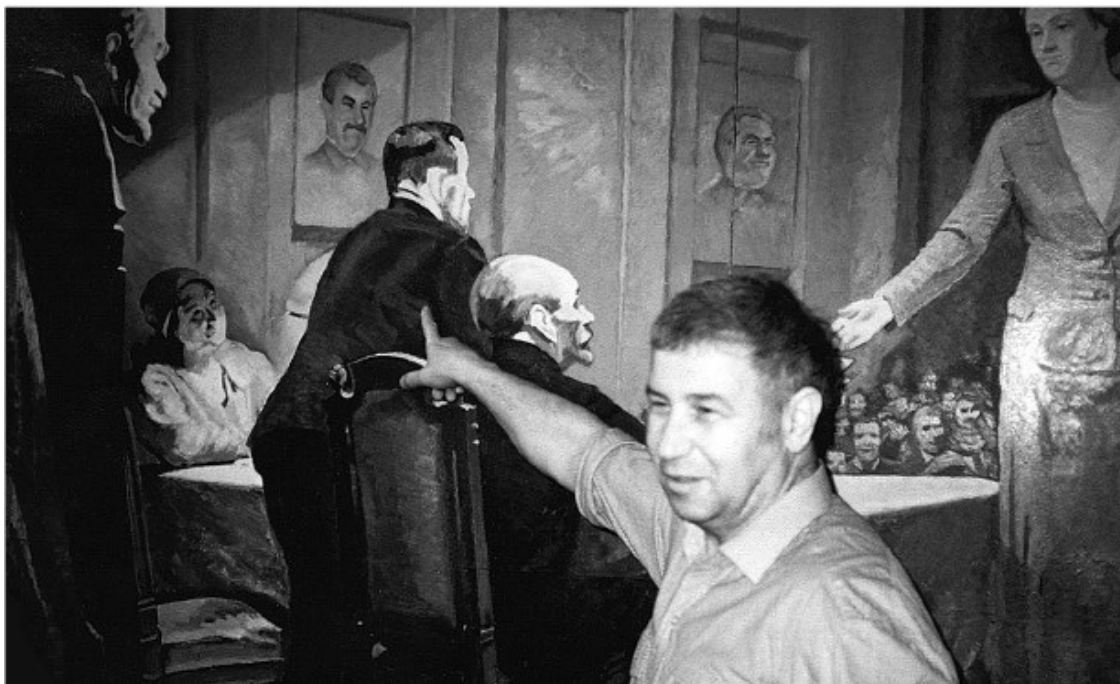
Обложка первого номера. 1979

Обложка второго номера. 1980

Обложка третьего номера. 1981

Илья Кабаков. Москва, 1980-е. Фото Г. Кизевальтера. Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

Из серии «Перформанс». В мастерской Симоны Сохринской: Дмитрий Пригов, Всеволод Некрасов. 1980-е
Фото Юрия Рыбчинского. Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

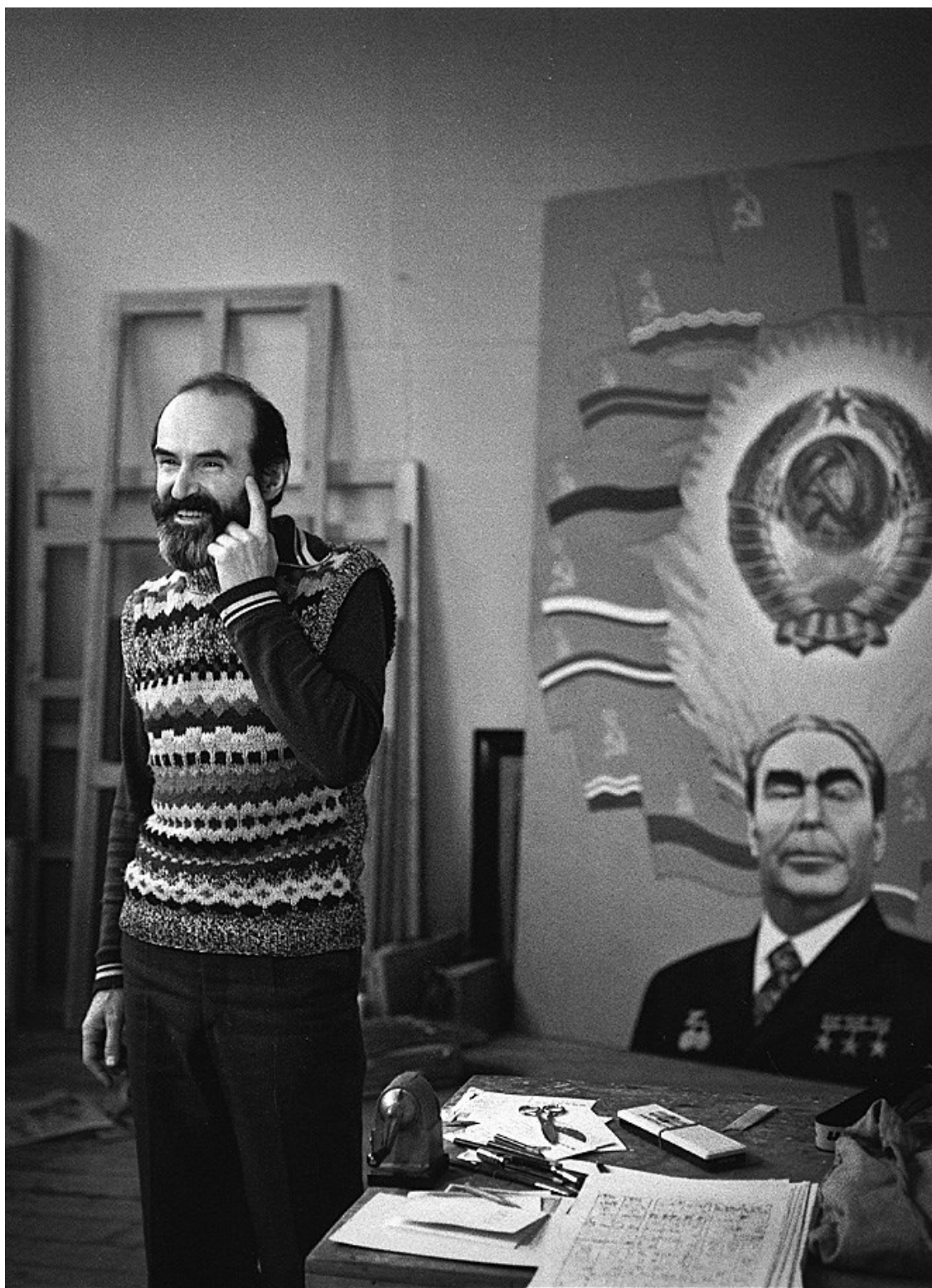
Никита Алексеев. Из серии «Любишь меня – люби и мой зонтик»
Москва, 1984. Фото Г. Кизевальтера
Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

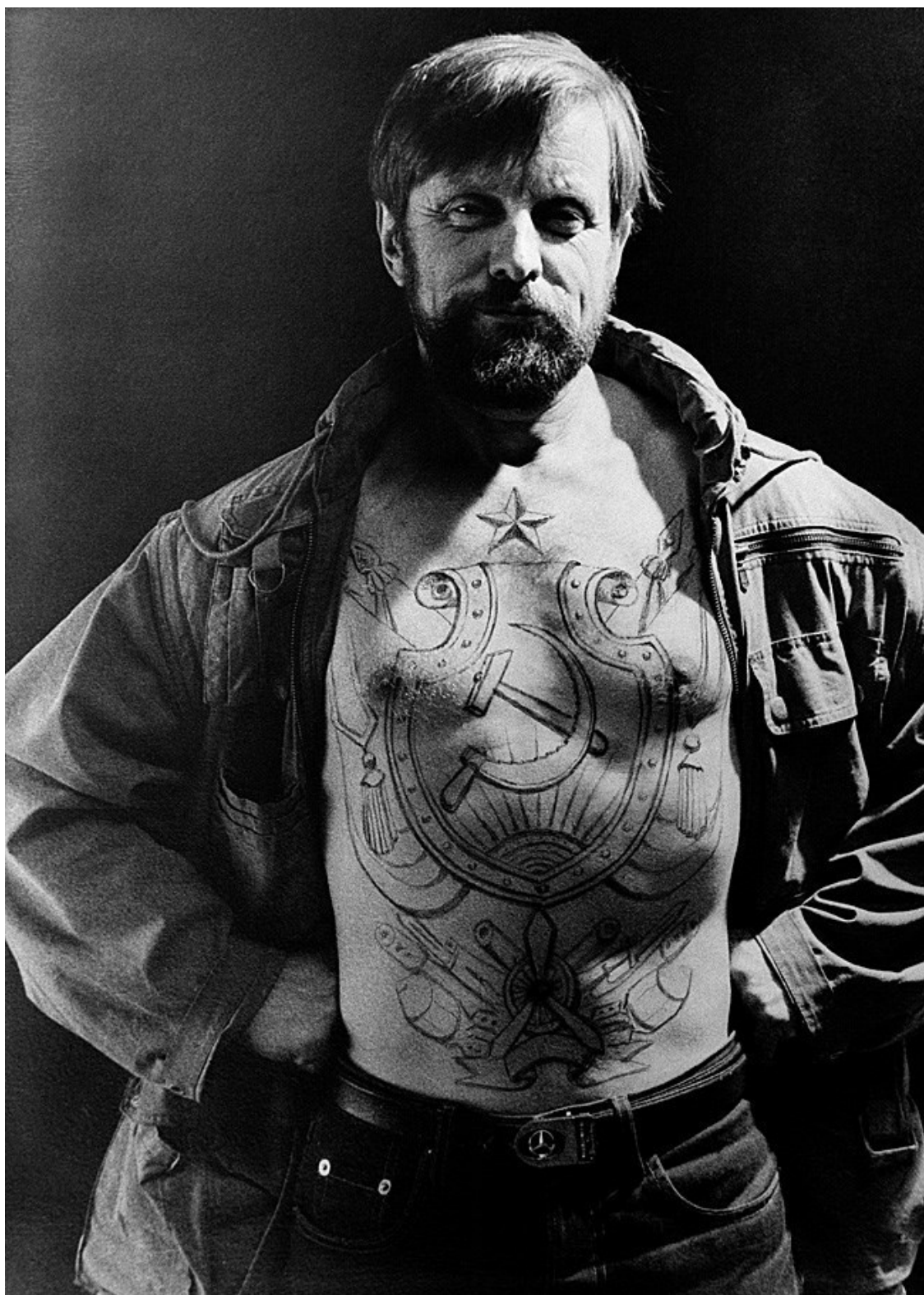
Андрей Монастырский. Из серии «Любишь меня – люби и мой зонтик»
Москва, 1984. Фото Г. Кизевальтера
Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

Иван Чуйков. Из серии «Художники московского авангарда». Конец 1980-х
Фото С. Румянцева. Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

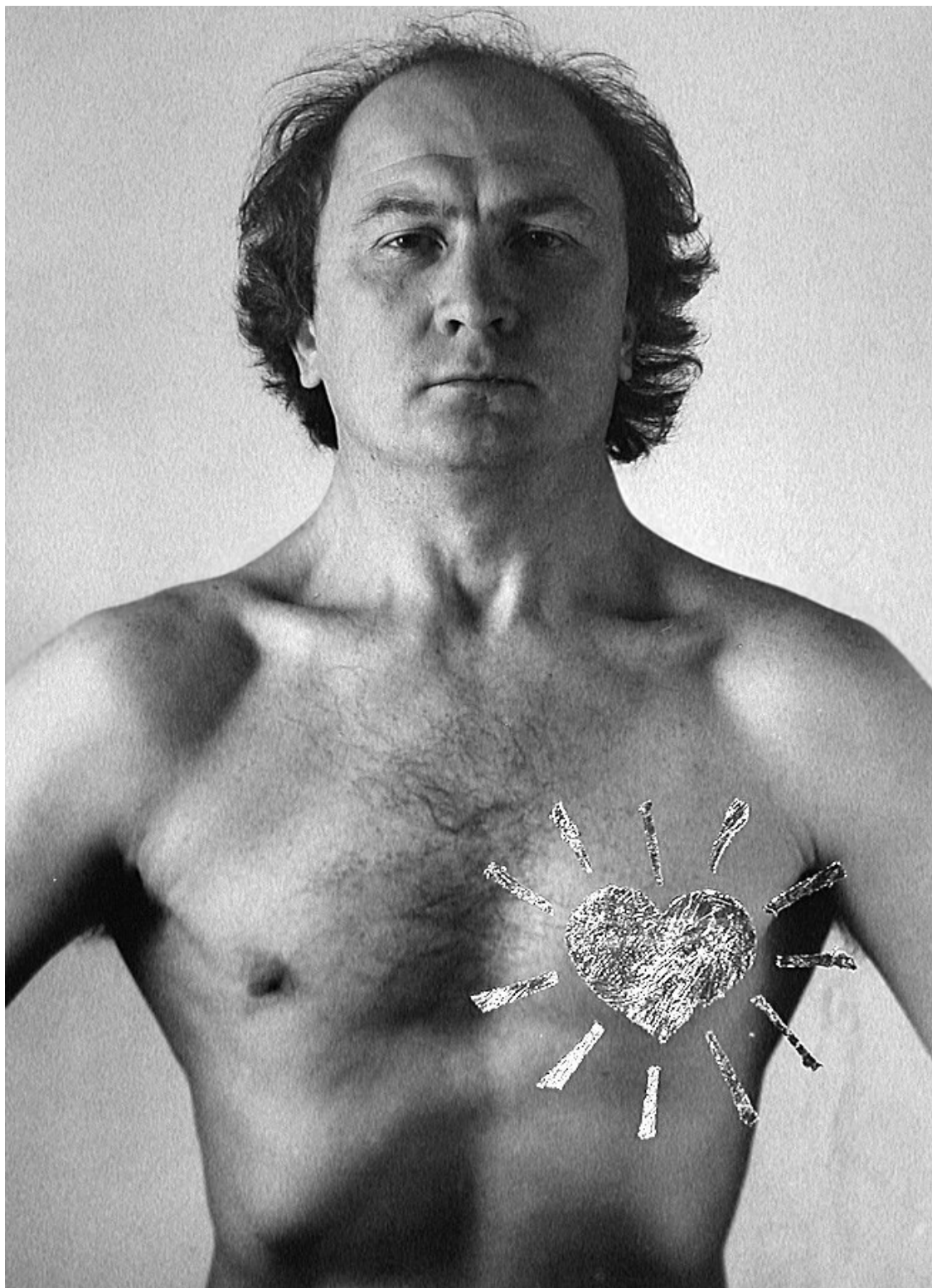
Эрик Булатов. Из серии «Художники московского авангарда». Конец 1980-х
Фото С. Румянцева. Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

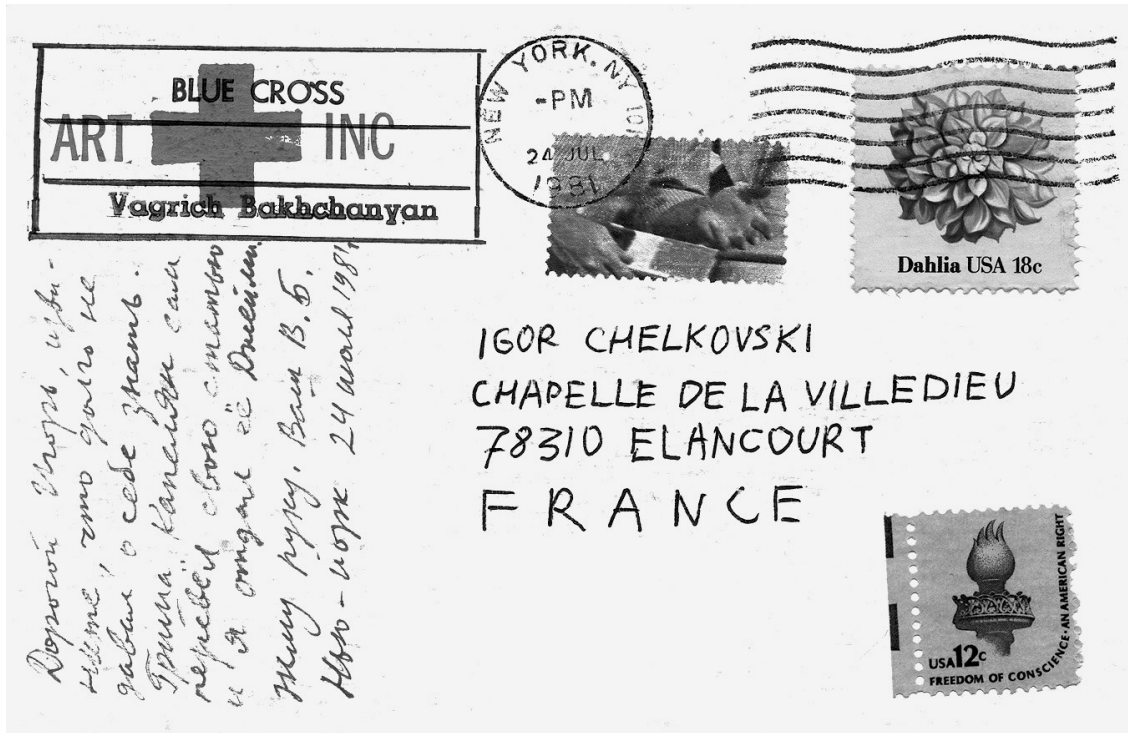
Борис Орлов

Из серии «Автопортреты с татуировками»

Москва, 1995. Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

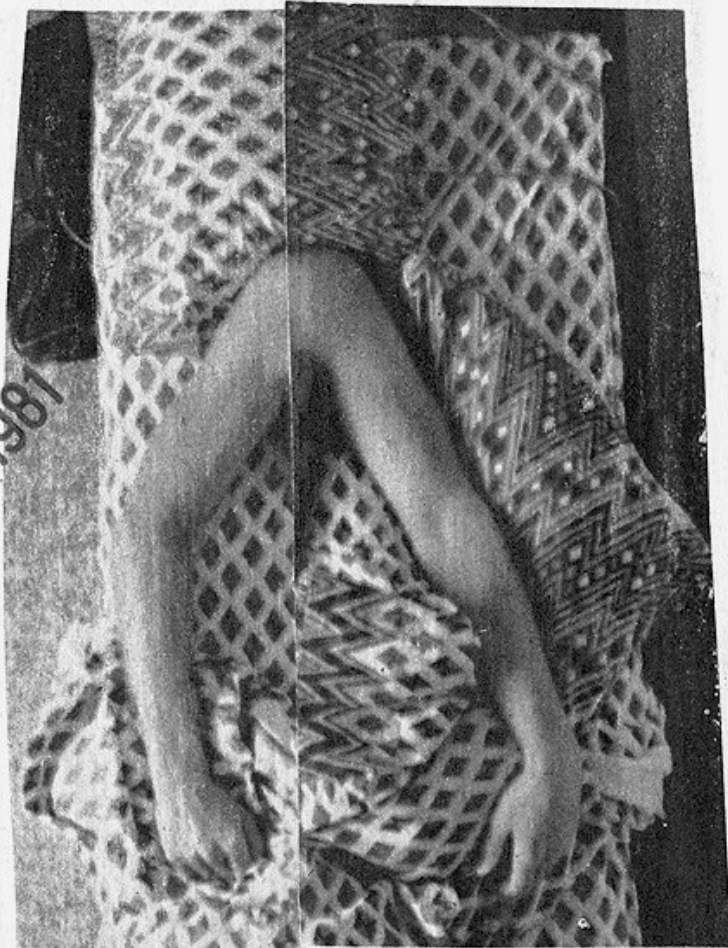
Леонид Соков
Золотое сердце. Май 1976
Собрание Мультимедиа Арт Музея, Москва

ARMnews

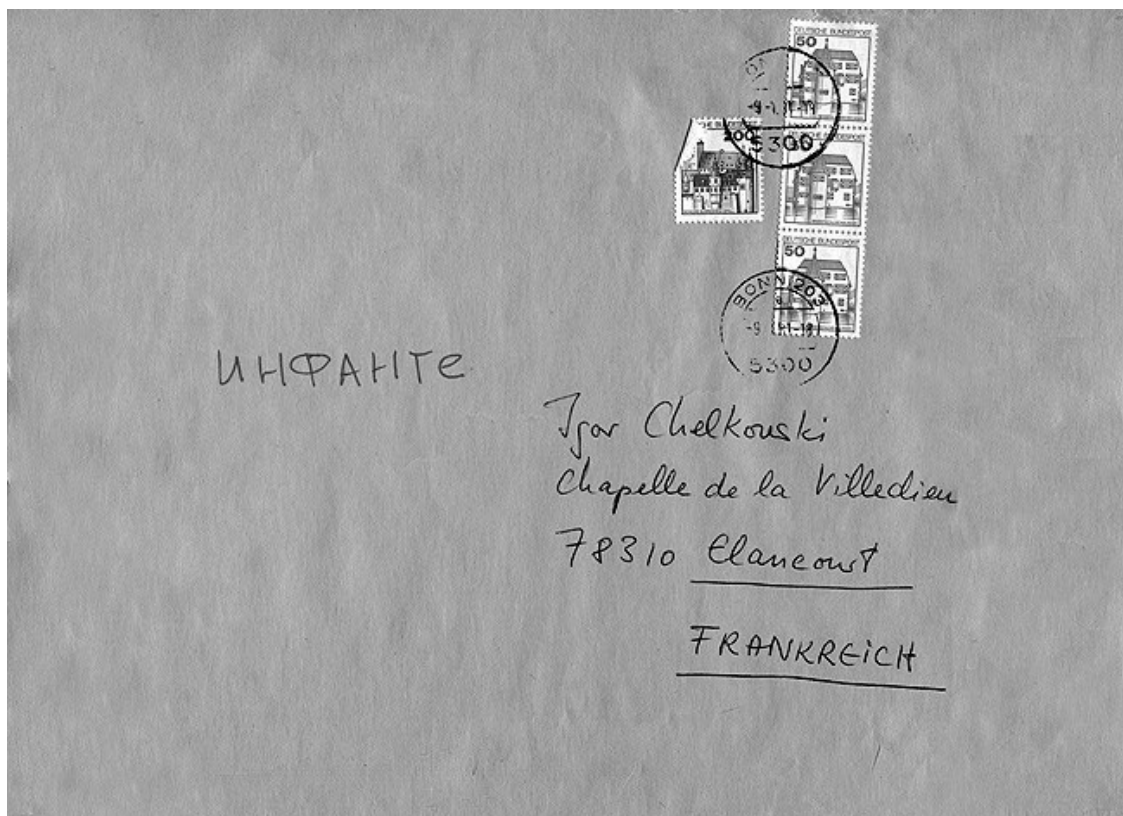
POST CARD MAGAZINE

PUBLISHED AND EDITED BY VAGRICH BAKHCHANYAN

Bakchanyan

1/1

Переписка Игоря Шелковского с Вагричем Бахчаняном и Франциско Инфантэ. 1981

THE 'VASARI' DIARY

Nonconformists

With its premier issue last year, *A-Ya* earned the distinction of being the first magazine of unofficial Russian art to reach both Eastern and Western audiences in 60 years. *A-Ya* (*a* and *ya* are the first and last letters of the Cyrillic alphabet) is published twice-yearly in Paris, in both Russian and English, and is distributed illegally in the Soviet Union. According to its editor-in-chief, Igor Shelkovsky, the journal has already encountered opposition from the KGB and other state authorities. Shelkovsky announced these developments in a press conference held recently at New York's Freedom House, a human rights organization that publicizes dissident cases in repressive regimes throughout the world.

In *A-Ya*'s first issue, the exiled Soviet writer Andrei Siniavsky made the following statement regarding the Beaubourg's exhibition "Paris-Moscou, 1900-1930": "Now the Soviet power promotes [the early 20th-century] avant-garde, that it itself has crushed, into a Parisian exhibition. What led it to do so? Business has to prosper. One needs prestige, foreign currencies. Then one goes on bargaining over the corpses of murdered artists."

Construing the passage as an explicit political attack on the state, the KGB used it to justify an interrogation of several contributing artists. The authorities also searched the apartment of Aleksei Sidorov, the magazine's Moscow editor, and confiscated a file on the history of dissident art. While artists continue to work under oppressive conditions inside the Soviet Union, Shelkovsky expressed the hope that *A-Ya* will continue to flourish as an important means of intellectual exchange between emigré artists and artists still living in the U.S.S.R.

Unofficial or nonconformist art (as distinguished from art that subscribes to socialist realist doctrine) does not necessarily possess overt political content. But because unofficial artists form the cultural opposition, noted Shelkovsky, the term "dissident" is often applied to their work.

Prior to *A-Ya*'s appearance, most exhibitions of unofficial art occurred in artists' studios, and there was limited opportunity for contemporary Russian art to be seen abroad. With over 100 pictures covering the achievements of at least 25 living artists, the magazine has, in effect, taken the place of exhibitions in the West. Shelkovsky sees *A-Ya* as inheriting the legacy of the Russian avant-garde, and the periodical has published historical essays on leading figures of that movement, such as Kasimir Malevich and Pavel Filonov.

According to Alexander Kosolapov, an emigré artist who is the magazine's U.S. representative, major subscribers in this country are libraries, museums and Slavic

Alexander Kosolapov and Igor Shelkovsky of *A-Ya*, the new Russian unofficial art magazine.

departments of universities, but *A-Ya* is also available to individuals. Its third issue will include a French text, and subsequent issues may add German translations. Efforts are underway to increase distribution among Western countries, including Great Britain, Italy and Israel.

A one-year subscription (\$18) is available through: A. Kosolapov, *A-Ya*, 504 East 81st Street, New York, N.Y. 10028. A single issue is \$10.

Williams goes to the Getty

The J. Paul Getty Museum in Malibu, California, has announced the appointment of Harold M. Williams to the posts of president and chief executive officer. Williams, who recently resigned from the chairmanship of the Securities and Exchange Commission, is expected to assume his new responsibilities in the late spring. Stephen Garrett will remain the museum's director.

Williams, 53, received a B.A. from the University of California at Los Angeles and graduated from Harvard Law School in 1949. After practicing law in Los Angeles in the early '50s, he served as an executive at Hunt Foods, Inc. Prior to his appointment at the SEC, Williams was dean of the Graduate School of Management at UCLA. His museum experience stems from his chairmanship of the finance committee of the Norton Simon Museum in Pasadena. Praising Williams' achievements at the museum, Simon noted: "He was with me for some 16 or 17 years, and he's a very competent man. He knows the Los Angeles establishment very well, and he's a cultured, sensitive person." Williams, who is in the midst of winding up business affairs in New York, could not be reached for comment.

Ensclosed in a narrow canyon overlooking Santa Monica Bay, the Getty Museum is housed in a re-creation of a first-century Roman villa. Its holdings in Greek and Roman antiquities and 18th-century French decorative arts are particularly noteworthy, and its collection of Renaissance and Baroque

works has paintings by Rembrandt, Raphael and Rogier van der Weyden.

As chief executive officer, Williams will oversee the activities of a private institution that has greater financial resources at its disposal than any other museum in the United States. Getty, who died in 1976, made the museum his principal beneficiary; his estate, which is expected to be settled within the year following protracted legal wrangling among executors, the Getty family and the federal and state governments, is currently valued between \$750 million and \$1 billion. Most of that money is tied up in Getty Oil stock, which is expected to yield annual interest of approximately \$100 million. Because of its nonprofit, tax-exempt status, the Getty Museum is required by federal law to spend what it receives in dividends each year.

While no formal agreement has been reached among the trustees, plans for a widely expanded range of activities are being discussed. According to Norris Bramlett, trustee and secretary of the museum, art-historical research, publications, conservation and educational programs and a new museum wing are primary areas of future development. Additional operations, says Bramlett, may include "other branches of the museum, maybe a J. Paul Getty School of Fine Arts, maybe a research library and so forth. We have no definite plans, but if the estate holds together—as it appears it will—we'll have far more to spend than is required just to run the museum."

No one else was buying

During the early 1950s a visitor to the Cedar Bar in New York's Greenwich Village might have encountered Jackson Pollock, Robert Motherwell, Willem de Kooning and other members of the New York School of painting. In those days it was a school that had few admirers and even fewer buyers. One early supporter, however, was Chicago art lover Muriel Kallis Steinberg Newman, who had herself studied painting

Выставка «Новые тенденции в неофициальном русском искусстве». Эланкур. 1981

1976

Шелковский – Сидоровым 09.76

Дорогие Алик, Лида!

За последние дни не имел ни одной свободной минуты, чтобы сесть за письмо. Столько впечатлений, столько всяких событий и такое множество деталей, что я стараюсь всё это на первых порах хотя бы удержать в памяти, чтобы потом описать в письме.

Начну с настоящего момента. Сегодня воскресенье, раннее утро, солнце, мы в горах на высоте полутора или 2-х километров. Ночевали в доме двухсотлетней давности, прекрасно сохранившемся и функционирующем. Мы – это Христиан, его жена Марианна, их дочка Христина, гостящая у них девушка из Турции Шугета и я, свалившийся на них как снег на голову. (Забыл ещё упомянуть о собаке по кличке Волье.) Добирались сюда сначала на машине, которую вёл Христиан. Ехали по прекрасному шоссе и на невероятной скорости. Так здесь ездят все. Лишь на опасных местах, поворотах шоссе стоят ограничители скорости 80, 100 (не выше ста!). Заехав в горы, оставили машину у ресторанчика в селе и продолжили подъём по канатной дороге. Забрались очень и очень высоко в кабинке, напоминающей кабины чёртова колеса в парке Горького. Потом долго шли вверх и оказались совсем уже на небе, и открылись вокруг все горы с пастбищами, лесами, с сёлами где-то внизу. Шли по хребту, под ногами трава, душистые цветы на низких стеблях, затем немного спустились вниз к дому. Шугета говорит по-турецки и по-английски, я говорю по-русски и немного по-французски, Марианна говорит по-немецки, по-английски и по-французски, Христиан говорит на всех перечисленных языках. Вот так и объясняемся. Вечером поужинали при керосиновой лампе и пели песни.

А сегодня утром я проснулся от перезвона колокольчиков на коровах, которые окружили дом, тёрлись о стены, лизали брёвна. Вышел на порог, коровы ласковые, соскучившиеся по людям, лизут руки, жуют штаны. Дом стоит (точнее висит) на таком крутом склоне, что ходить около него трудно, но коровы привыкли – бегают вниз-вверх.

Вот видите, стоило мне уехать, и я пишу всё не о том.

А начну я теперь со своего отъезда. Поезд тронулся. Спутники по купе – молодая высокая хохлушка, едущая к своему мужу в Карл-Маркс-Штадт, и шофёр из Херсона, говорящий с сильным украинским акцентом, по взглядам почти русский шовинист, по национальности – немец. Она – Нина, он Эдвард Августович. О чём-то весело проболтали весь вечер, и я лёг спать на свою третью полку с чувством, будто еду в Симферополь или Новороссийск. <...>

Утром проводник принёс декларации. Почему-то очень волновавшиеся, мои соседи по купе стали их заполнять. Я тоже. Кое-как справились. На основные вопросы: не везёте ли наркотики, опиум или приборы для их использования, дружно ответили, что не везём. Проводник сказал, что в Бресте поезд будет стоять полтора часа, можно выйти погулять, и мы с Августовичем воспользовались этим, оставив девушку на всякий случай в купе. Разбрелись по вокзалу: я пил кефир, он сдавал советские деньги в сберкассу, поезд после перестановки на другие колёса должны были подать с Варшавской стороны вокзала. <...> В купе вошёл таможенный служащий, взял мою декларацию. «Вот вы пишете 2 скульптурно-декоративные работы. В каком магазине покупали?» «Ни в каком, это мои собственные. Я художник». Ушёл, поезд тронулся.

«Когда же смотреть будут?» – волновались мои спутники. «Вот сейчас, немножко отъедем», – успокаивал их я. Ехали дальше. Проехали реку, платформу с польским пограничником. Не заметив никакой границы (кажется, это всё же река), оказались в Польше. Поехали по заскирдованной Польше. Аккуратные полоски полей. Всё убрано, снопы в ровных кучках,

перелески. Иногда кажется, сейчас объявят: «Софрино, следующая – Калистово». Но есть и что-то новое – на станциях двухэтажные вагоны пригородных поездов. <...>

Польша хватило на день пути. Незаметно прошла гедеэровская граница, отмеченная лишь появлением пограничников и штампом в паспорте.

К вечеру в окошке показалось Беляево-Богородское – поезд подходил к Восточному Берлину. Была уже ночь. <...>

Несколько долгих остановок на больших пустых вокзалах. Показался Западный Берлин. Рекламы, огни, широкие автобаны, ныряющие под пути. Проехали кладбище с зажжёнными свечами, рядом едет двухэтажный автобус. Ложимся спать. Нас уже двое, девушка вышла, кажется, во Франкфурте-на-Одере. Франкфурт-на-Майне будет на следующий день.

С утра смотрю Западную Германию. Первые впечатления: дома только что покрашены, чистые блестящие стёкла. Много цветов везде: на окнах, в палисадниках, гаражах, огородах. Открываем окно – запах свежей травы, иногда сена. Необычайное – свалки автомобилей. Как будто заботливый родитель сгрёб в кучу детские игрушки: ярких красных, жёлтых, зелёных цветов машинки, слегка подбитые. Вообще ото всего – ощущение повышенной цветовой интенсивности. Иногда производит впечатление необычной высоты и формы труба из красного глянцевого кирпича в чёрную искру на синем фоне неба.

Входит чиновник в форме с белым кожаным верхом фуражки, усатый. Смотрю на лица пассажиров пригородных поездов во Франкфурте-на-Майне: в моде усы. Лица загорелые. Вот часто повторяющийся плакат – реклама сигарет: симпатичный молодой человек с пышными усами. На электровозе бордового цвета с чёрной отделкой – Мопассан.

Поезд идёт на юг. Больше солнца, света, показались горы, поросшие лесом, виноградники. В вагоне, кроме меня, семья советского дипломата. Купе почти пусты. Не заметил границу со Швейцарией.

И вот конечная остановка. Я в Базеле, и мне нужно самому думать, что делать сейчас по выходе из вагона и вообще в этот день и дальше. <...>

Нахожу почту. Пытаюсь дозвониться в Москву. Все поочерёдно заказанные номера не отвечают. Дозваниваюсь лишь до Серёжи [Есяна], разговариваю с Верой, прошу её позвонить вам. Она удивлена: «Откуда ты звонишь?» «Из Базеля».

Звоню Лизе в Цюрих. Такое же удивление. Ещё многих предстоит мне удивить в этот день. Обстоятельства обстоятельствами, но здесь не любят неожиданных визитов.

Пока всё. До свидания. Целую всех.

Игорь

Алик, поскольку я сейчас очень ограничен временем, то основные большие письма я буду писать тебе, а уж ты знакомь с ними всех наших общих друзей. Все письма будут пронумерованы, и копии их будут оставаться у меня, так что ты сообщай, если будет пропуск в номерах, какое письмо ты не получил, я вышлю его повторно.

Я буду стараться писать обо всём подробно, поскольку мне кажется, что это важно. Мы все там, в Москве, неточно представляем как здесь. Дело даже не в том: лучше – хуже, а просто неточно или вообще не представляем.

Например, мои представления, связанные со словом «галерея», были совсем иными, чем это оказалось на деле, по крайней мере в Цюрихе. Здесь это и по виду и по размерам – небольшой магазин, скорее книжный, в котором кроме книг, открыток (а этого такое изобилие!) по искусству, есть ещё эстампы картинок и иногда скульптура во дворе.

Кстати, в одной из галерей я увидел почти что работы Бори [Орлова] (металл, проволока, гипс) и рельефную графику почти как у Димы [Пригова]. В галереях есть обычно в продаже современные классики: Пикассо, Брак, Матисс, Дюфи, есть новые – Христо и др. Макс Билл делает очень красивые литографии.

Эту страничку письма я пишу в ожидании пригородного поезда. Более-менее научился ездить на них. Внутри они напоминают самолёт: алюминий, пластик, комфортабельные туалеты с бумагой (!) и бумажными полотенцами. Кстати, в маленькой Швейцарии всё очень просторно – вагоны, тамбуры, места в вагонах.

Кроме того, нужно знать, какую кнопку нажать, чтобы войти в вагон и выйти из него.

Шелковский – Романовской и Шимесу 30.09.76

Дорогие Марина и Павел!

Привет вам из Парижа, из того самого, настоящего! Получил две ваши открытки очень окольными путями и неожиданно, потому что адрес дал случайный, вы не должны были писать по нему. Чтобы я знал, что вы получаете мои письма, следите за нумерацией и сообщайте, что получили, что нет. Я не пишу «общих» писем, просто как-то лень одни и те же события описывать в каждом письме сначала до конца. Читайте друг другу те письма, что подлиннее. Рекомендую вам тоже ставить номера.

Проблемы Лимонова не внешние, а внутренние – я на таком же дне, что и он (а в цифрах – на большей глубине), но счастлив. Во-первых, потому что всегда был на дне, во-вторых, потому что считаю, что дело не в этом, важно внутреннее состояние. А в Париже кто только не голодал, всем шло на пользу, не то что в Москве.

Написать мне вам нужно столько, что не знаю, с какого конца приступить. Теперь у меня есть адрес, хоть и не собственный. Пишите.

Вчера бегу по улице, обхожу столики кафе, слышу сзади: «Игорь, Игорь!» Не может быть, чтобы меня. Оказалось: друг [Владимир Слепян], с которым не виделись 20 лет, он все эти годы здесь. Проговорили весь вечер в каком-то тихом тёмном ресторанчике.

Шелковский – Романовской и Шимесу 04.10.76

Дорогие Марина и Павел!

Вы подали хорошую мысль писать не письма, а открытки. Они будут быстрее доходить, поскольку облегчается работа третьего читателя, кроме того, при теперешней интенсивной жизни легче писать коротко, чем длинно, подробно. Собственно, это и будут длинные письма, но разбитые на эпизоды.

Интересную особенность ощущаю я здесь. Мне не кажется отсюда, что Москва очень далеко. Мы как будто смотрим в бинокль с разных концов. Вы – в тот, где всё видно маленьким и отдалённым (я это помню по себе), а я теперь всё московское воспринимаю как тут вот, рядом находящееся. Кажется, вот перейду пару улиц и попаду в Просвирин переулок, только пока не очень хочется. Это как тесный башмак или обруч на голове. Пока с ним ходишь – привык и не замечаешь. А как только снял – сразу чувствуешь облегчение: ах, так вот в чём было дело! Ведь всё это требует напряжения: то, что мы видим, слышим, воспринимаем ежедневно. Я уже не говорю про радио и пр. Каждое утро в мастерской я просыпался от того, что кто-то под окном матюгался или били ребёнка. Здесь этого нет и в помине, отношения между людьми совсем другие.

А город красив так, что и слов нет, в любое время дня и в любую погоду. Ничего ещё не пишу об искусстве – рано.

Нусберг – Шелковскому 05.10.76

Игорь, ну хорошо, что ты всё-таки написал, т. к. я уже начал НЕ хорошо думать о тебе... (я больше всего не люблю в людях: трусость, отсутствия способности ЦЕНИТЬ и БЫТЬ благодарным, и НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ). ПОНИМАЕШЬ?!..... Ну, ладно, всё-таки – написал. Я, естественно, рад (да и не сомневался – ты помнишь, что я тебе говорил на этот счёт?), что ты остался во Франции, но, старик, будь принципиален, не иди на «компромиссы» – против совести... ради нужды и пользы – т. к. это начало нравственного разложения; тот же Шемяка [Шемякин] – наглядный пример служения «дьяволу», под личиной: «служу людям и искусству» (я не столько против него, сколько против такой ПОЗИЦИИ людей, тем более если они обладают ещё – как Шемякин тот же – и способностями, и мастерством, и энергией и умением привлекать...).

Игорь, пойми меня, пожалуйста, правильно... Для меня жизненная позиция человека (нравственный облик) гораздо важнее, чем ум, талант и умение! Знаю, что ты уже влился в эту – готовящуюся – выставку и активно сотрудничаешь и с Зелениным, и с Шемякиным.

Естественно, как это обойти (я тебя... понимаю), и с Глезером. Почему ты мне об этой подготовке, о выставке (сроки, каталог, открытка, длительность её, сколько будет работать, объём работ и др.) – ни слова?! ПОЖАЛУЙСТА, найди часок – полчаса, и опиши подробно, и как можно скорее. МОЖЕШЬ ТЫ это сделать или нет?!

Е. Терновский мне написал, что V. Maximov и др. друзья занимаются моим делом. Конечно, я верю В. Максимову – он крепкий и серьёзный, не мелочный человек, т. е. не мельчит. Но как всё медленно! Рогойский звонил опять госпоже Татищевой – она отказалась помочь (при мне он говорил с ней), якобы то да сё и пр. Смешно! Как будто она не понимает – думаю, что не понимает, – что речь идёт об увеличении всей предстоящей выставки почти на... ТРЕТЬ. Как В. Максимов «отреагировал» на эти рыжие слайды из Альпбаха, что ты передал ему?! Как тебе показался, Игорь, Е. Терновский?

Был ли у тебя разговор с Шемякиным обо мне или о тех работах – в основном питерских художников, которые я хотел бы представить на эту выставку? Был. Расскажи.

Сколько работ взял у тебя Шем. на выставку, а?!

Что с каталогом, когда последний срок подачи работ, когда точно открытие – вернисаж?!

Какое произвели впечатления кинетисты (сразу хочу напомнить тебе, что то, чем занимаются они – эти западные, в принципе не то, совсем не то, чем занимаюсь я и ты (разве не так?)) на тебя? Мы занимались примерно этим же в 1961–1965 годах, понимаешь?! Они делают «CINETIK ART».

Понимаю, каково тебе на 10 франков в день... Ну, вот, может быть, после выставки что-то купят и у тебя, а?

Сколько человек и кто состоит в оргкомитете этой выставки, кто отбирает работы и по какому принципу?! ПОЖАЛУЙСТА, Игорь, будь добр и любезен, ответь мне (для простоты и скорости) прямо по моим вопросам, и сразу же... МОЖЕШЬ?!

А о единстве и коллективной – дружной работе – меня ли призывал и укорял, а?! СМЕШНО! Но делать это надо с чистыми помыслами и действительно для людей, и уж потом, может быть, конечно, ЛЮДИ-МИР... тебе (мне, тебе, другому...) ВОЗДАСТ, понимаешь?! Воздастся... ЖДУ срочно ответа. Обнимаю тебя – ЛЕВ.

Шелковский – Нусбергу 11.10.76

Дорогой Лев!

Чёрт тебя побери, усомнись хоть немножко в своём всезнайстве и не будь столь категоричен. Очень многие здесь как сбесились – чуть чего сразу засучивают рукава: я ему набью морду, – и это довод людей, считающих себя интеллигентными. Ты всё время пишешь: я знаю, что ты... и т. д. и т. п. Ничего ты не знаешь.

Не возмущайся своим положением и не думай, что тебе никто не хочет помочь.

Ты сможешь быть в Париже 18 октября. Так мне сегодня сказала Эмилия Алексеевна (Татищева). В прошлую пятницу было принято решение о тебе. К концу недели его перешлют, и если будет задержка, то сообщат по телефону в Вену так, чтобы ты смог получить визу и купить билеты.

Последний срок подачи работ на выставку – 28 окт. У тебя останется на все твои дела ещё десять дней.

Теперь о выставке.

Я не «влился» и не «активно сотрудничаю». Зеленина я пока ещё не видел. С Глезером познакомился два дня назад. Ездил в Монжерон, посмотрел всё, что там собрано, принял участие в семейном обеде, где поговорили о том о сём.

Мишу Шемякина видел два раза. Второй раз совсем коротко, а в первый мы немного побеседовали, и он даже подарил мне свой альбом с дружеской надписью.

Выставка будет в Palais des Congr  ¹ в начале 3 (?) ноября. Кто именно, сколько участников там будет, я не знаю. Я сначала хотел дать 2 работы, но Шемякин сказал, что лучше немного больше, так что, наверное, будет 5. Он на этой выставке художественный директор или что-то в этом роде, а кто оргкомитет и есть ли таковой, я не знаю. Когда я принёс для каталога свою фотокарточку (паспортную) и данные, то оказалось, что уже поздно. Каталог – большой и дорогой – уже запущен в издание, и все опоздавшие будут в каком-то дополнительном списке. Вот и всё, что я пока знаю об этом деле.

Глезер говорит, что эта выставка важна как подготовка к следующей, в Лондоне², где всё будет поставлено на ещё более серьёзную ногу и помещение будет полностью музейным.

Может быть, на этой неделе по другому поводу увижу Глезера, Шемякина и Зеленина, но тебе уже написать не успею, приедешь, сам во всё включишься.

О тебе Шемякин сказал примерно так: хорошо, пусть даёт работы, мы их повесим на выставку. С Терновским ещё не знаком, так как никто нас ещё не познакомил. В синематеке случайно видел Синявского, но не решился подойти и заговорить с ним. Познакомился с двумя хорошими людьми: Аликсом Рабиновичем (композитор, музыкант) и с Николаем Бокковым (литератор, работает в «Русской мысли»).

¹ Выставка в Palais des Congr   во Франции «La Peinture russe contemporaine» проходила в Париже со 2 по 21 ноября 1976 года. В экспозиции были представлены работы 62 авторов. К выставке был издан каталог.

² Выставка, организованная Глезером (точнее, Музеем русского искусства в изгнании, Монжерон) совместно с лондонским Институтом современного искусства (Institute of Contemporary Art), – «Unofficial Art from the Soviet Union» – проходила в Лондоне с 19 января по 27 февраля 1977 года. 51 участник. Был издан каталог.

Шелковский – Косолапову 15.10.76

Дорогой Саша!

Очень был рад получить твоё письмо и очень радуюсь тому, что у вас всё благополучно. Это очень приятно слышать, особенно на фоне того, что приходилось слышать и здесь, и в Москве.

Эмиграция во главе с Лимоновым развела такой скулёж, что уши вянут и руки опускаются. В Москве уже вообще все в панике, во-первых, потому, что каждое слово читают через увеличительное стекло, во-вторых, потому, что любят это состояние: быть в панике. А вот на днях разговаривал здесь с эмигрантом-художником: уехал в апреле и уже всё забыл, из-за чего уезжал, брюзжит комсомольским голосом. Так же как там все слишком идеализируют Запад, так же здесь все начинают идеализировать прежнюю жизнь и слюни разводить. У меня сейчас было бы не меньше поводов для жалоб (какой-то я здесь полуголодный, и раковина ежедневно засоряется тараканами). Но это всё пустяки, в общем, я решился на этот шаг, очень доволен, что это сделал, и воспринимаю всё как должное, даже счастлив.

Как ты видишь по письму, я не в Цюрихе, а в Париже. Рассказывать всю историю во всех подробностях было бы слишком длинно, а вкратце произошло следующее. Моя жена прислала в Москву телеграмму, что хочет со мной развестись. Совершенно неожиданно и именно в тот момент, когда у меня были на руках все документы для выезда, кроме швейцарской визы.

Я собирался уехать через месяц – полтора, хлопотал насчёт вывоза работ, размышлял, что мне нужно взять с собой, как распорядиться остальным и пр. Пришлось бросить всё, добиться визы, купить билет и пуститься в приключения, которые продолжаются и по сей день. За два часа до выезда на вокзал мой приятель купил мне чемодан, в который мы побросали что под руку попало. Все удачливые моменты с документами воспринимались как что-то нереальное, и только где-то после Западного Берлина я действительно поверил, что, кажется, уеду.

Неделю пробыл в Швейцарии у своего друга, затем (кончилась виза) уехал в Вену и после трёх недель жизни в Вене смог перебраться в Париж. Здесь я под опекой Толстовского фонда, который оплачивает мне комнату и даёт 10 франков в день на жизнь (8 фр. – вход на выставку, 2 фр. – билеты на метро туда и обратно).

Живу в Клиши (в том самом, где «тихие вечера») в заведении, громко называемом «Hotel de l'Avenir» (будущее). Видел бы ты это будущее.

Знакомлюсь со здешними русскими. Был у Максимова, Шемякина, Глезера, Коли Бокова, очень рад, что познакомился с Аликом Рабиновичем. Когда-то мы чуть-чуть виделись в Москве. Но здесь всё по-другому, лучше.

Ещё в Вене встретился со Львом Нусбергом, скоро он будет здесь, в Париже. Он мне показался симпатичен со своими замашками русского барина, выехавшего за границу (прилетел с борзой). Кроме того, он изрядно боевит.

Говорят, в Москве он производил худшее впечатление, но мы, наверное, все в Москве были хуже.

Париж настолько многообразен, что мне трудно говорить что-то определённое, я сейчас похож на слепого, ощупывающего слона, наверное, через какое-то время сложится более-менее ясная картина, но не сейчас.

Первое знакомство с французской культурой не вызвало страстного желания вратать в неё.

Посещение парижских галерей вызвало разочарование и мысль: всё в прошлом, хотя в Москве я обо всём имел довольно правильное представление и почти ни в чём не ошибся.

Иногда мне казалось, что последняя интересная выставка, которую я видел, была в Москве, в мастерской Лёни Сокова в мае.³

Но, повторяю, это первое и субъективное впечатление. В общем, здесь легко дышится. Париж, несмотря на то что это очень старый город и бедный (в сравнении со Швейцарией), всё же очень и очень красив.

Я здесь много хожу по улицам и понемногу осваиваю парижское метро.

Русских художников здесь значительно больше, чем я думал. Сравнительно недавно приехал Эдик Зеленин и уже заключил контракты с галереями. Как-то в Монжероне у Глезера собралась такая компания бородачей, что как будто не уезжал из Москвы. Кто-то даже предложил скинуться по рублю. Время было позднее: палатка закрыта.

Видел здесь две керамические работы Саши Нежданова, и они мне очень понравились.

В ноябре в Palais des Congr   организуется выставка русских художников.

Затем такая же выставка, но более тщательно подготовленная, намечается в Лондоне.

Глезер очень активен. Строит планы развертывания музея в изгнании. Я пока здесь новичок и лишь ко всему присматриваюсь.

Буду рад каждому твоему письму, тем более с информацией о жизни художников. Большой привет Люде, желаю вам успехов и всего хорошего. Игорь. <...>

³ В мае 1976 года в Москве прошла серия «квартирных» выставок (в квартирах Аиды и Владимира Сыч  вых, Н. Каминир, И. Реновой, М. Чернышова, в мастерских М. Одноралова и Л. Сокова). Эти экспозиции предварили выставку в залах Союза художников на Беговой улице, которая прошла в августе того же года. В экспозицию у Сокова вошли работы В. и Р. Герловиных, И. Чуйкова, С. Шаблавина, А. Юликова, И. Шелковского и самого Л. Сокова.

Шелковский – Сидоровым 17.10.76

Дорогие Алик, Лида! Здравствуйте!

Не знаю даже, с чего начать. Алик, ты моя половина, оставшаяся там, юридическая и материальная, поэтому начну сразу со всех деловых вопросов.

Ты помнишь, как мы собирались. Похватили что под руку попало, и вот теперь я живу с тем, что попало, и, слава Богу, что хотя бы взял то, что взял (одежду, например, перочинный нож, маленький словарь и т. п.). В поезде я забыл зубную щётку и пасту, так что была проблема всё это купить плюс ещё ножницы, потому что я оброс. И дело не только в том, что в Вене я не знал языка и здесь тоже пока стесняюсь много говорить, дело в другом, в деньгах. Здесь всё, конечно, есть и всё сравнительно доступно, но не для меня сейчас. Ежедневно я имею сумму (причём ни за что, даром, поэтому и грех жаловаться), которая, очевидно, является прожиточным минимумом, т. е. на наши деньги примерно 1 р. 50. В Москве я и жил именно на такие деньги, особенно в досильвин период, и мне всегда их хватало, хотя нельзя сказать, что я не был стеснён этим обстоятельством. Например, пригласить гостей, даже на чай, – это уже несколько обременяло мой бюджет. <...> Но это было в Москве, где я всё знал и где у меня была в совершенстве отработанная техника такой жизни (геркулес, пшённая каша с подсолнечным маслом, творог, хлеб, молоко, квашеная капуста – всё сравнительно недорого). Другое дело здесь, где мне всему надо учиться заново, а на это требуется время. Что касается еды, то тех денег, которые я получаю, вполне достаточно, если обедать дома. Но здесь много всяких других статей расходов, которые несколько отличаются от московских. Например, транспорт, почта, телефон, бумага. Я получаю в день 10 франков, а дорога в Монжерон стоит 6,40, билет в музей или на выставку 6, 8 или 10, открытка с маркой 1,5. Разговор по телефону с Москвой – что-то около 23 франков. (Вот почему я и не звоню и пишу сравнительно редко.) (Впрочем, всего послал около 50 писем и открыток.) <...>

Итак, я начал свою жизнь заново. Естественно, что мне пришлось её начать с нуля. В Москве у меня постепенно накопились и нужные мне инструменты и книги, пластинки. Здесь мне ещё предстоит всё это как-то заводить. Но сейчас для меня даже самая маленькая покупка – невероятное дело.

Если бы не наша спешка, то можно было бы собраться более основательно и взять с собой хотя бы минимум инструментов, красок. У меня нет ничего, поэтому всё, что ты сможешь мне переслать, будет кстати. <...>

Конечно, вас всех интересует, как у меня дела. А я отвечу вам на все вопросы сразу: а никак. Я ничего не знаю о своём будущем: о том, на что я буду жить через несколько месяцев, когда смогу начать (и смогу ли – нужны деньги) творчески работать. Я не хочу торопиться, потому что это (торопливость) чревато своими опасностями. Пока что я пользуюсь тем, что у меня есть какая-то минимальная поддержка, и стараюсь понемножку присматриваться, узнавать, что к чему, знакомлюсь с городом. <...>

Я теперь на собственном опыте понимаю, каково быть иностранцем в чужом городе (в любом – в Вене, Париже, Цюрихе). Всякие мелочи, на которые не обращаешь внимания дома, здесь могут разрастись до большой проблемы (хотя бы монета для телефона). Поэтому будьте трижды внимательны ко всем приезжающим (хотя вы и так это знаете), объясняйте как можно подробнее, показывайте на карте, как куда проехать и пр. пр. Если б я здесь (и в Вене) не встретил такого отношения, мне было бы очень трудно. <...>

Обнимаю вас всех. Игорь

Сидоровы – Шелковскому 20.10.76

Дорогой наш Игорь! Сегодня утром получили твою парижскую открытку – красивую, пятую. Она путешествовала десять дней. <...>

Мы с Аликом просто счастливы от того, что душе твоей хорошо. Сегодня же он встречается с твоей новой знакомой. С Фёд. Вас. [Семёновым-Амурским] перезваниваемся, старик совершенно счастлив предстоящей выставкой, заготовил приглашения, но она отодвигается на ноябрь⁴. Работы прекрасно оформлены, и зазвучали ещё сильнее. Взяли все за исключением 2-х.

Алик Щ. [Щенников] был у нас. Путешествие его не состоится ввиду того, что отказался он играть роль Штирлица. А вообще, у них бродят и крепнут мысли и выливаются в решение, которое в своё время предприняла наша Татьяна Св. [Светлова, эмигрировавшая в США].

Милый Игорь! Ощущение такое, что ты где-то совсем близко. Мы все тебя очень помним, любим, беспокоимся. Мастерская твоя обнищала – нет твоего духа. Зато он переселился к нам. Книжный шкаф заполнен твоими книгами, на стенах – твои работы. Грустно будет с ними расставаться. <...>

Твои Алик, Лида

⁴ Выставка Фёдора Васильевича Семёнова-Амурского была открыта в Москве, в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) 11 ноября 1976 года.

Шелковский – Орлову 22.10.76

Дорогой Боря!

Ну вот я и в Париже. Уже целый месяц. Впечатление такое, что наконец-то я дома. Все абрамцевские, наилучшие московские ощущения у меня сохранились в самом свежем виде. Париж им не противоречит. Это город настолько тёплый, мягкий, обаятельный, что не чувствуешь совсем, что ты в другой стране, с другими людьми, языком.

Жизнь построена разумно, разнообразно.

Маленький отель, где я живу сейчас, находится на узкой улочке, напоминающей Сретенские переулки, только все на холме, покатошь в сторону захода солнца. И вокруг такие же узкие улочки. <...>

Пока. Привет всем.

Шелковский – Романовской и Шимесу 22.10.76

Уезжая, обретаешь Родину. Почти все чувства, которые я должен был бы испытывать сейчас здесь, я испытал летом, в июле, когда приехал навещать вас в Переславль-Залесский. Вы уехали в Москву накануне. Был солнечный день, ярко-голубое небо, почти ещё раннее утро (где-то около восьми). Я пошёл походить по городу. Вспоминал, как когда-то нас с Аликом Анистратовым здесь арестовывали, возили на мотоциклах в местный КГБ. Да и сейчас подозрительно смотрят, может, одет не так, может, потому что с бородой, хотя должны были бы привыкнуть – художников здесь много бывает.

Что мне до этих людей, зачем я сюда приехал? Ведь я уже был здесь в самые мои хорошие времена, я всё это помню, всё это во мне осталось и живёт, зачем я ещё раз перенёс самого себя сюда. Просто потому, что подвернулся случай с машиной? Лучше бы остаться в мастерской и работать, так много нужно сделать.

Прошёлся по валу в сторону озера – солнце, ветерок. Хорошо. Ну а что мне-то до этого, ведь я не просто растение, которому этого достаточно, ведь сейчас везде хорошо: на берегу моря, на берегу Волги, Камы, в Крыму, хорошо везде, где есть солнце и голубое небо. Вот чайки сидят на лодке. Красиво. Но я ехал сюда не за этим, я ехал повидать вас, ваши работы, поговорить обо всём, что мне до этих чаек?

Купил книгу «Переславль-Залесский» за 8 рублей и спохватился, что денег осталось или на обед, или на обратную дорогу. Да и то, хватит ли на билет, забыл, сколько стоит автобус. А что будет, если не хватит? Куда обратиться, к кому? Я здесь никого не знаю, все чужие, с опаской на меня поглядывают. Вот ситуация – я один, без денег и в чужом городе. Что делать? Простояв изрядное время в очереди в кассу, добрался автобусом до Загорска, под раскаты грома доехал до Абрамцева, скоренько добежал до дома – уже были первые капли дождя – достал ключ из-под клеёнки, открыл свою сырую комнату. С сильной головной болью лёг спать на влажную постель и проспал два часа. За это время ливень кончился, я поел каких-то консервов, напился чаю и поехал в Москву.

Герловины – Шелковскому 23.10.76, Москва

Милый Игорь!

<...> В нашем первом письме не будет никакой информации, а только положительные эмоции, накопившиеся за всё это время (пишу письмо я, Римма, а женщинам это прощается).

Дня через два-три мы напишем тебе обстоятельное письмо о житье-бытье здесь и одновременно вышлем посылку с бумагой и пастелью (краски не принимают).

Вчера Алик Сидоров получил от тебя последние новости и был у нас. В течение всего этого времени мы с тревогой следили за твоей «траекторией», догадываясь по описаниям ландшафтов о твоём состоянии. <...>

Жаль только, что ты не можешь сейчас работать, но я думаю временно. Во всяком случае, мы все здесь постараемся сделать всё возможное, чтобы помочь тебе как можно скорее. <...>

Любящие тебя Римма и Валера

Косолапов – Шелковскому 26.10.76

Здравствуй, дорогой Игорь!

Очень разволновались твоим письмом. Спешу ответить. Письмо твоё понравилось. Не переживай, всё устроится и будет хорошо. Я в тебя очень верю. Не слушай тех, кто скулит. Жить здесь или там, сравнения быть не может. С Лимоновым я знаком. Он, извини за резкость, недоумок, инфантильность мышления усугублена личной драмой. Хотя парень и не плохой. Можно ли принимать их всерьёз. Очень часто люди здесь впадают в шоковое состояние, от неудач, разорванности контактов, и теряют трезвость мышления. Я это наблюдаю часто. Поэтому первая заповедь должна быть следующая: полное спокойствие, никакой паники. Не контактируй с людьми, ей подверженным, т. к. она эпидемична. Это мой опыт. Идеальной системы нет, но жить в клетке или на воле есть разница. А для художников жить и работать здесь единственно возможное и приемлемое условие для творчества. Но там, как сам знаешь, довольно неустойчиво в смысле политики, условия жизни неплохие. (Я был в Италии 6 месяцев.) 1-й город в мире по современному искусству – это Нью-Йорк, но, как он сказал, условия здесь тяжелее, многих этот город ломает, и этот город для сильных, что ли, духом.

Теперь мои впечатления. Я счастлив, что я в Нью-Йорке. То, что я увидел здесь за 11 месяцев, превосходит всё то, что я видел за предыдущие 20 лет. Это столица мирового искусства. Оно очень и очень серьёзно здесь. И мне много приходится здесь переосмысливать и набирать. Но условия жизни здесь не лёгкие. Хотя здесь есть «велфер», т. наз. социальная помощь. Он даёт прожиточный минимум, квартиру, но не более. От искусства здесь жить трудно. Многие американские художники сочетают работу для заработка с искусством.

Но есть и профессиональные заработки. В целом здесь постепенно все устраиваются. Мне лично очень повезло, т. к. Люда нашла работу по профессии – её заработок покрывает все наши жизненные расходы. Но для приобретения хороших материалов и оборудования я всё же ищу небольшой заработок.

Те русские художники, которые здесь есть, проявляют себя плохо. Я не хочу сотрудничать по национальным признакам. На первом месте должно быть искусство. Уровень русских (и Шемякин, и Зеленин), которые сейчас здесь, очень низок. Здесь они ничего не понимают. Это искусство не современное и очень салонное, чего здесь, в N. Y., терпеть не могут.

Если бы ты увидел галереи здесь, ты бы сказал, что русские должны работать и работать, чтобы дорасти до мировых стандартов. Лично я никуда не лезу, хочу сделать хорошие работы с учётом американского урока. Моё мнение, что года 2-3 надо посвятить только работе и поискам, а не лазать и прыгать в поисках контрактов и галерей. Нам многому надо учиться. Но Европа есть Европа, это цитадель культуры и тысячелетняя культура. Это не 200-летняя. В Америке культура очень избирательна, а массовая культура тяжела и уродлива, ну как в Китае и России. <...>

Шелковский – Романовской и Шимесу 27.10.76

Сегодня сюда прорвалось родное знакомое: «Заканчивайте разговор!» За эти месяцы я уже отвык от такого тона, здесь никто так не разговаривает. Дело не в словах, слова обычные, формальные, дело в тоне. Пахнуло таким знакомым, здесь весь букет знакомых интонаций: раздражительность, брезгливость, зависть, злобствование, повелительность, категоричность. Французской телефонистке в голову не придёт разговаривать таким тоном: с какой стати? Гав, гав.

Что это – социальное или национальное? Если социальное, от образа жизни, то ведь в Прибалтике не совсем так (правда, у них было меньше времени, чтобы испортиться, там вежливы). Если национальное, русское, то неужели в Москве и во времена Гиляровского было так? Совсем не верится. Ведь чем Запад прежде всего поражает – здесь совсем другие отношения между людьми. Здесь даже запретительные надписи заканчиваются словом «спасибо».

Я всё ещё живу на улице, загибающейся в сторону заката. Но скоро переселяюсь и буду в самом центре. Недалеко от этого моста, что на открытке. Восполняю пробелы в своём образовании, смотрел разные фильмы, в том числе Куросавы, Феллини, был на балете Баланчина, сегодня иду слушать Брасенса. Очень доволен, что я не турист и могу не торопиться. Лишь месяц спустя побывал в Лувре.

Висенс – Шелковскому 28.10.76

Здравствуйтесь Игорь!

Наконец я пришёл к Серёже [Есяяну] в мастерскую, и он мне рассказал немного о Вас, а главное то, что я пишу вам письмо. <...>

Может, вы слышали, что у меня в июле месяце трагически погиб отец. <...> Это очень резко изменило всё моё мироощущение. И как ни странно, но теперь я, наконец, твёрдо знаю, чего хочу и к чему стремлюсь. А может быть, даже знаю, кто я есть!!! Как только я вернулся в Москву (я был, как я вам говорил, в Крыму, в Алушке). Игорь, дворник, сказал мне, что вы уехали, я очень расстроился. Так до сих пор, несмотря на то что пишу сейчас это письмо из Серёжиной мастерской, ничего про вас не знаю, т. к. хотел бы узнать это от вас. <...>

На этом кончаю и прошу прощение за плохое, с ошибками, сумбурное письмо.

Всегда ваш ученик

Висенс Андрей

Шелковский – Сидоровым 03.11.76

Дорогие Алик, Лида! Здравствуйте!

Пользуюсь случаем, чтобы быстро послать вам это письмо.

Итак, у меня теперь есть жилище и адрес <...>. Теперь я могу подумать о работе. <...> Жак [Мелконян] звонил из Лондона и должен был быть в Париже 2 дня назад. Но его нет, я не знаю, что случилось и очень за него беспокоюсь. Он человек очень точный и если бы просто задерживался, то известил бы телеграммой. Не знаю в чём дело. <...>

Официально выставка открывается сегодня. Вчера был коктейль для журналистов.⁵

Выставка – это примерно то же, что было в Москве на ВДНХ зимой⁶, только очень хорошо развешенное и в прекрасном помещении. Художники-шестидесятники – Рабин, Плавинский, Немухин, Харитонов, Зверев и т. д. + парижская группа «Санкт-Петербург» и несколько посторонних вроде меня.⁷

Ну, пока всё. До свидания.

Игорь

⁵ Речь идёт о выставке в Palais des Congres («La peinture russe contemporaine»).

⁶ 19–22 февраля 1975 года на ВДНХ в павильоне «Пчеловодство» проходила выставка живописных работ 26 московских «неофициальных» художников.

⁷ Группа «Санкт-Петербург» была создана художником Михаилом Шемякиным в 1964 году ещё в Ленинграде. В середине 1970-х участники группы О. Лягачёв, В. Макаренко, Е. Есауленко вновь встретились с Шемякиным уже в Париже и снова совершили попытку совместной деятельности.

Шелковский – Косолаповым 03.11.76

<...> Саша, совершенно с тобой согласен, что русское искусство, которое здесь в Париже, несовременно, салонно, как ни странно, провинциально. У многих художников, которых я видел, художественная мысль не идёт дальше того, как заработать какое-то количество франков, «сесть на контракт», работать с галерейщиком и т. п. От всего остаётся ощущение фальшивости, фальшивости их слов, их успеха и их искусства.

В разговорах фигурируют слова «сейчас» и «здесь», как будто это единственные мерки для художника. Например, я ему сказал, что сейчас здесь это не пройдёт. Он стал делать так-то, и вот у него купили столько-то.

Мы с тобой очень о многом думаем одинаково. Я тоже хочу начать всё сначала, хотя понимаю, насколько трудно это будет сделать.

Спасибо за приглашение, меня это очень поддерживает. Ещё одна семья, уже живущая в Нью-Йорке три года, зовут меня туда. Они не художники, им легче. Сейчас они уже покупают дом.

Пожалуюсь ещё на Лимонова. Если бы Лимонов высказывался в кругу друзей – это его личное дело. Но он шлёт письма в Москву, где они имеют широкое хождение. Письма почти политического характера. И в советских газетах их не печатают, может, только потому, что так они имеют больший эффект.

Там есть такие фразы, как «не связывайтесь с этими лагерниками», «Сахаров – наивный ребёнок», «Солженицын – бородатый миллиардер, вякающий от вашего имени», «в Нью-Йорке понимаешь марксистские законы классовой борьбы» и тому подобные перлы. В общем же – тон раздражённого обывателя, на что в Москве не хотят обращать внимания – ведь он же «настоящий поэт».

Шелковский – Герловиным 04.11.76

Дорогие Римма и Валерий, здравствуйте!

Получил сегодня прорву писем, накопившихся за ту неделю, когда мои знакомые отсутствовали. Прочёл и за голову схватился: какое же у вас представление о моей жизни? (Алику влетит.) Сейчас постараюсь всё уточнить. Я не голоден, мой голод относителен. Иногда я объедаюсь или кого-нибудь объедаю. Шутки ради даже придумал, что можно завести такую систему: четырнадцать знакомых, и навещать каждую семью раз в две недели. Но, во-первых, ездить надо в разные концы Парижа. Во-вторых, французскому не научишься.

Всё устраивается – это дело техники. За одни и те же деньги можно купить еды на весь день или только выпить чашечку кофе. Зависит где, когда. Почти всех русских видел и представлялся всем кругам, в том числе и музыкальным. Мне не нужна никакая помощь. На помощь вообще соглашаться опасно. Я в этом убедился ещё в Вене. Мне все хотели помочь, в конечном счёте меня охватила паника. Раздулся багаж, и до сих пор лежит несколько рекомендательных писем не использованных. Чтобы что-то просить (не просить же денег), надо знать что. Я ещё не знаю. Нужно время. Но у меня уже складывается программа на ближайшие шесть-восемь месяцев, причём материально обоснованная. Я снял недорогую комнату в самом центре на известной улице. Когда я называю адрес парижанам, они наклоняют голову и вытягивают лицо. Некоторые говорят: «О!»

Вчера вечером в Palais des Congres открылась выставка современного русского искусства. Мне не с чем сравнивать, но говорят, что приняли выставку очень хорошо. Разгоняли публику, как в Москве, путём тушения света – никто не уходил.

Шелковский – Щенникову 09.11.76

Дорогие Алик и Белла!

Вот я и в Париже. Всё очень просто, как будто так и должно быть. Уже снял комнату, самую недорогую и очень интересной конфигурации: с окошком маленьким, но смотрящим прямо в небо. Есть некоторая мебель: умывальник, матрац и полочки. Набил гвоздей для уюта (по Зошенко), перевесил полки, расставил кружки, банки. Знакомые подарили газовую горелку, на которой можно пожарить яичницу или сварить луковый суп из пакета. Ещё в Австрии обзавёлся маленьким кипятильником. Так что дом – полная чаша.

За стеной живёт студент-мексиканец, напротив – какие-то мексиканские старухи. Отопления нет, но, во-первых, ещё очень тепло, во-вторых, есть электрический радиатор на колёсиках. Если его включить, то очень быстро становится жарко и душно. Пол застлан толстым, зелёным сукном с обильными пятнами жира. Зато нет тараканов, которые были в гостинице «Avenir», где я прожил предыдущий месяц. Поднимаюсь я сюда по широкой, застланной ковром лестнице, затем два этажа по узким, скрипучим ступенькам. Улица, где я живу, находится в центре города, и квартал принадлежит к категории «картье шик».

Орлов – Шелковскому 15.11.76

Здравствуй, Сергеич.

Я получил две твои открытки, но письмо всё ещё задерживается.

В тот раз, когда ты звонил и я с тобой «разговаривал», я хотел сказать тебе что-нибудь приятное. Но в той обстановке так ничего и не получилось. Ты так далеко и настолько в другом мире (будто в потустороннем), что кроме как «ну как там?» и сказать-то нечего.

Алик ждёт ремонта, и мастерская пустеет. Пустеет она медленно, не разом и походит это всё на медленное умирание. Как знать, оживёт эта мастерская или нет, но с её смертью уходит из нашей жизни, может быть, один из самых дорогих для нас отрезков времени.

Помнишь? Новоселье с полуторачасовой речью Фёдора Васильевича [Семёнова-Амурского]. Читки Приговских Абрамцевских стихов, однодневные выставки-дебаты с «амурчатами» в присутствии изумлённо-грудастой Веры Джигирь, а симпатичнейший сокровенный человек Ионов шевелит бровями и, не скрывая, злится на меня. А дни рождения, а новые года, а сёстры Рогачёвы или Рочеговы? А Тамара Чапаева, которой мы сочиняли любовное письмо, ты стрижёшь её насмерть перепуганную. А наши прогулки от мастерской по бульварам. А Абрамцево, Переславль с армянами и всезаполняющим Сашей Кудрявцевым. А наши бега от Песталь, и её топления в Чёрном море из-за любви к «капитану». Да сколько всего щемяще-сладкого ушедшего в «запасники памяти». Я очень люблю тебя. Игорь, я так и не понял, за что ты подверг меня гонениям.

Я хотел бы услышать от тебя сравнительную характеристику нашего лучшего искусства и западного нынешнего. Косолапов пишет, что всё, что он делал в Москве, были «ошибки молодости». Я помню, как Саша резко менял вероисповедание (даже в религиозной сфере), и не очень серьёзно отношусь к его отказам. Не считаешь ли и ты своё искусство «ошибками молодости»? <...>

Игорь, напиши поподробнее о выставке. Кто из скульпторов на ней выставился. Как отзывалась пресса. И вообще как всё это выглядело на фоне французского искусства?

Всего хорошего. Желаю дальнейших успехов. Боря.

Чуйков – Шелковскому 22.11.76

Игорёк, дорогой, здравствуй! Поздно пишу тебе, но, с одной стороны, твой адрес узнали мы сравнительно недавно, а с другой, просто трудно, да и ни к чему писать пустые, безобидные письма. Вот, кажется, подворачивается оказия, и можно написать действительно то, что волнует и интересует.

Открытку твою из Парижа я так и не получил и теперь, видимо, уже не получу. Впрочем, это не так уж важно, надеюсь, что большое твоё письмо дойдёт – это существеннее. В открытках ведь ты ничего о себе не пишешь, и хотя мы кое-что о тебе знаем – это не из твоих писем.

Был здесь Жак [Мелконян], и все пять дней его визита в Москву мы виделись – то у меня, то у тебя, то у Есяяна. Очень надеюсь, что он тебе расскажет о нас, но вот дошли сведения, что вы до сих пор не виделись, жаль.

У нас, в общем-то, всё по-прежнему. Только художественная жизнь как-то скисает. Активные люди устали: кого купили, кто просто молчит – устал, кто уехал и т. д. А между тем общее чувство (по крайней мере, в нашей группе участников прошлой выставки) таково, что выставка просто необходима. Действительно, нужно ведь действовать, активничать, если уж высунулись – время идёт, и всё быстро забывается.

В декабре Горком⁸ устраивает большую выставку с многими вновь принятыми⁹. Видно, будет ужасный компот. Да и не в этом дело. Как показала выставка на Беговой¹⁰ – просто нельзя участвовать в официальной выставке, одно прикосновение всё губит.

Ребята (Римма, Валера [Герловины]) хотят параллельно организовать на квартире-салоне выставку. Я присоединяюсь, но как-то не очень уверенно. Действительно, квартирные выставки как-то выдохлись, а тут ещё эта параллельность. Была у меня идея выставки под флагом Парижской. Это уже звучит, но никак мы не успевали. Юра Рыбчинский – ты его должен помнить – хорошо сказал: «Ну что вы всё время за кем-то идёте, мне, как зрителю, просто скучно», – я его понимаю. И тут же он подал очень простую, но гениальную мысль: хватит уже коллективов. Давай, Иван, делай выставку, но не просто развесить работы, а всё организовать: привлечь ребят (его, Славу [Лебедева], Игоря Макаревича), мы, мол, с удовольствием, так чтобы получилось единое целое, на одну центральную общую тему – идею. Тут ещё привлекает то, что я мог бы реализовать один-два из проектов, которые невозможно и бессмысленно делать в мастерской.

Очень это заманчиво, да и видно то, что время коллективных, сборных выставок проходит, пора делать индивидуальные. Сам отвечаешь – сам получаешь, что сумел заслужить (и в смысле работ, и в смысле организации выставки). Вот только организатор и делец я никакой, так что если ребята заинтересуются и помогут – тогда сделаем.

Но очень важно решать это уже сейчас, так как важно, что именно показывать на сборных выставках, чтобы не разбросаться, да и нажимать некоторое время нужно будет очень целенаправленно, отсекая, хотя бы временно, все посторонние, даже и очень ценные идеи.

⁸ Горком (Горком художников графиков, Московский горком художников-графиков) на Малой Грузинской, 28, 1975–1991 годы – независимый профсоюз художников, графиков, фотографов и одноимённый выставочный зал на Малой Грузинской улице, 28, в Москве. В конце 1977 года в Горкоме была открыта секция живописи.

⁹ Выставка (первая выставка живописной секции Горкома) проходила в январе – феврале 1977 года. В ней участвовало 175 художников.

¹⁰ В августе 1976 года в выставочных залах Московского отделения советских художников на Беговой улице была открыта «Экспериментальная» выставка. В экспозицию были включены работы художников – членов МОСХа и неофициальных художников.

Вот такие у меня дела. После компоновки и выполнения заказа очень долго включался в работу. Сейчас работаю (ещё не совсем в полную силу), продолжаются чтения. Все ребята очень интересуются тобой, твоими делами. <...>

С Аликом [Сидоровым] держим довольно плотный контакт! Он мне очень понравился – я ведь его совсем не знал раньше.

Взял я твои работы на даче. Хозяйка твоя была очень трогательна: переживала за тебя и обещала, что всегда готова к твоему приезду.

На днях видел каталог вашей Парижской выставки. Грустно всё-таки. И так у нас всё отстаёт, а уж то, что доходит на Запад, отстаёт и от нас. Картина печальная. И всё-таки нашим художникам, живущим здесь, на такой презентативной выставке участвовать надо бы. Она ведь претендует на срез неофициального искусства. А вот нужно ли это было тебе, я не очень уверен. Мне кажется, что этот контекст «русского неофициального» – всё это подпорки, в которых ты не нуждаешься. Это, конечно, с художественной точки зрения. С точки гражданской, с точки зрения солидарности – здесь, конечно, другое. Впрочем, тебе виднее, но узнать твоё мнение по этому вопросу хочется.

Вообще, очень хотелось бы с тобой подробно поговорить – ведь теперь тебе многое видится по-иному. Очень интересно, что ты теперь будешь делать (art, я имею в виду, конечно). Естественно, меня в предположительном смысле интересуют и мои, предположительные, перспективы на Западе, если они тебе как-то представляются. Галя спрашивала об этом Жака – пришлось мне перевести (не буду, правда, отрицать, что и меня это интересовало), он нас не обрадовал... Ничего плохого он, конечно, не сказал, но общее впечатление от его слов было достаточно ясным и не ободряющим.

Я обещал ему довольно широкий показ наших худ. – он должен приехать уже чуть ли не на днях. Очень надеюсь, что вы всё же успеете повидаться до его отъезда в Москву.

Твой подарок – голова – стоит у меня на стеллаже – постоянное напоминание. Очень она меня радует, но если тебе понадобится, то напиши.

Да, это теперь серьёзная проблема – ты, вероятно, уже слышал тоже о новом законе о культурных ценностях, обкладывают со всех сторон.

Это собственно, второе моё письмо. После разговора с тобой по телефону и подвернувшейся okazji я переписал его заново. Сейчас перечитал то письмо и поразился: как можно было ничего, собственно, кроме мелочей, не написать. Это письмо, думаю, всё же лучше. Так что пишу уже целый месяц. За это время побывал на выставке Семёнова-Амурского. Он очень милый, видно, дядька, и художник хороший. Но как грустно: ему 75 лет – первая выставка (которая ещё как бы прозвучала 20 лет назад), а он радостен и счастлив! Не ему в укор это сказано, конечно. Но как грустно!

Ну, вот, Игорёк. Пиши нам, если есть возможность не по почте и, главное, подробнее о себе, о своих делах, а не только о выставках. Поверь, твои дела, твой процесс гораздо интереснее нам и волнуют нас гораздо больше. Обнимаем тебя, целуем крепко, желаем тебе хорошей работы и счастья: Иван, Галя, Женя.

Шелковский – Мелконяну 22.11.76

Дорогой Жак, извини, пожалуйста, за долгое молчание. Я был занят устройством и ремонтом моего жилища, но эти хлопоты уже подходят к концу.

У меня теперь складываются, как мне кажется, контуры моей предстоящей жизни на ближайшие шесть-восемь месяцев. Я снял самую дешёвую комнату и надеюсь, что смогу здесь жить и работать. В течение четырёх месяцев меня будут поддерживать фонды (ещё один месяц Толстовский, затем три месяца французская организация социальной помощи). С твоими деньгами (у меня ещё не разменяны те марки, которые ты мне дал) и с возможностью некоторых случайных заработков у меня будут средства на жизнь, на квартиру и даже на покупку необходимых инструментов и материалов. Мне не хотелось бы попадать в какую-либо зависимость от галерей по двум причинам: во-первых, потому что я всегда дорожил свободой в любом её проявлении, и, во-вторых, обращаясь сейчас к галереям, мне пришлось бы ссылаться на мои старые работы, в то время как моя жизнь изменилась, сам я, как художник, частично изменился, меня сейчас занимают уже несколько другие идеи, чем три-четыре года назад. Кроме того, примешивание к творчеству каких-либо коммерческих интересов на меня действует парализующе.

Буду ждать твоего приезда в Париж, желаю тебе успеха во всех твоих делах.

Шелковский – Чуйкову 28.11.76

Сначала долгое время у меня было ощущение, что последняя интересная выставка, которую я видел, – это наша выставка в мастерской Лёни Сокова. Те художники, с которыми я встречался в Вене, удивлялись, покачивали головами, когда я им показывал наши фотографии, и говорили примерно так: «Опять там, в Москве, что-то выдумали!» На вопрос, что такое Венская школа, объясняли – фантастический реализм: Hausner, Hutter и др.

Потом в Париже после абсолютно разочаровывающих галерей с различной коммерческой живописью попал на две грандиозные, безо всяких оговорок, интересные выставки. Первая называлась «Grands et Jeunes d'aujourd'hui» («Великие и молодые сегодня»), вторая FIAC (Интернациональная ярмарка современного искусства). На первой были представлены французские художники авангардных течений, на второй – художники всего мира, всё, что считается современным в искусстве, начиная с Шагала, кончая Уорхолом, который присутствовал сам на этой экспозиции.

Организована она была крупными европейскими и американскими галереями (их было около ста), которые показывали весь свой товар лицом. Билет стоил дорого, открыта она была всего неделю с двух дня до одиннадцати ночи. Я был на ней два раза и купил каталог, специально, чтобы при случае послать тебе. Но, к сожалению, он даёт представление о выставке на какую-то сотую долю. Репродукции даны с мало интересных работ, к тому же чёрно-белые, а вся выставка была зрелищем необыкновенно красочным.

Нет какого-то одного довлеющего направления. Примерно в равной степени значительности сосуществуют гиперреализм, сюрреализм, абстрактное искусство (в новой модификации – абстрактный иллюзионизм – к пятну подрисовывается аэрографом тень, как будто оно плавает в воздухе), концептуализм, кинетическое искусство, многие другие, ещё жив оп-арт.

Что меня почему-то поразило больше всего своей неожиданностью – шевелящаяся скульптура. Именно не движущаяся, а шевелящаяся. Весь объект разрезан на тонкие ломтики, и всё приводится в движение с эффектом волнообразного шевеления. А сюжеты – натуральные: женские груди, руки, одна рука с указательным пальцем сделана из прозрачной пластмассы, шевелится и светится изнутри – глаз оторвать нельзя. Такие бы возможности да в Москве!

Всё описать невозможно, поэтому упомяну то, что поразило и запомнилось. На тонкой проволоке висит цилиндрок льда. Под ним большой диск с раскалённой серединой. Цилиндрок тает, выделяет каплю, которая падает на диск с шипением, брызгами и паром.

Чёрный квадрат из металла в другом квадрате и третьем. Когда становишься напротив (приспособление под полом), то всё начинает выдвигаться на тебя и обратно с какой-то музыкой, странной и непонятной. Называется «Карнавал».

Один американец лишил проблему пространства следующим образом: изображение (яркое, в стиле комиксов) рисуется на оргстекле, и каждый лист помещается за другим на некотором расстоянии. Первый план, затем второй и так далее. Иногда они сознательно слегка спутываются. При пустяковости изображения всё выглядит очень эффектно, как картина в раме.

Работы Тэнгли нужно видеть в движении. Так они ничего не говорят, но когда нажимаешь ногой на кнопку и они начинают крутиться, пищать, дрыгаться, то здесь и раскрывается их подлинный смысл. Я от них получил большое удовольствие.

Andy Warhol выставил индейскую серию. Сделано так: на большой холст (по вертикали метр с чем-нибудь) нанесена цветная подкладка – по абрису лицо и фон. Затем чёрное обобщённое фотоизображение одного и того же лица – индейской девушки. Вся серия (работ пятнадцать) – одно и то же изображение с различной раскраской (иногда красивые пастельные тона в стиле Матисса). Кроме того, были рисунки на бумаге такого же размера, той же девушки, но с некоторым разнообразием ракурсов. Нарисовано толстым карандашом, легко и декоративно,

напоминает опять же Матисса, но никакой деформированности. Чувствуется, что сделано всё по проекции фотографии.

В первый день в зале был он сам. Подписывал плакаты с репродукцией одного портрета из этой серии. Маленький, щупленький, узкие американские джинсы с отворотами, синий вельветовый пиджак. Белые волосы и белые брови на розовом, слегка водянистом, лице, с некоторым фиолетовым оттенком. Ему помогала какая-то смуглая, бойкая девица с чёрными волосами. Я так и не понял – та, что изображена на портретах, или похожа на неё. Была очередь человек пятнадцать, хотя постер стоил дорого. Французы раскошеливались и отсчитывали бумажки, исчезающие в маленьком чемоданчике. Когда через полчаса я опять вернулся в этот павильон, художник стоял на том же месте, так же молча, подписывал, только стал ещё более фиолетовым.

В Цюрихском Кунстхаузе меня поразил Лихтенштейн. Это была самая живая вещь во всей современной экспозиции. Что-то с картофельным пюре, нарисованное в его манере точками. Каждая точка была нарисована кисточкой, очень аккуратно, прочувствованно. А на этой выставке он меня несколько разочаровал. Было много холстов одного и того же большого размера с интерьером – стол, лампа, бумага. Сделано, на мой взгляд, уж очень поверхностно и механично.

Расхожей монетой стали различные концептуальные идеи. Один немец (на другой выставке в музее Art Modern) выставляет 15 баков с речной водой из разных рек. Над каждой фотографией, как он черпает ковшом на длинном шесте эту воду из данной реки.

Какая-то француженка подбирает что-нибудь на улице. 10 стендиков, на каждой фотография этого места (улицы Парижа, Марсея) с присутствием автора. Витрина с этими предметами – окурки, цветок, билет от метро, коробочка от презерватива и т. п., описание и зарисовка этих предметов. Полный список свидетелей, точное указание места, часа.

Всякая вновь появившаяся идея или идея тут же подхватывается и обрабатывается безо всякого зазрения совести. Кто-то придумал нарисовать на бумаге ботинки, а шнурки сквозь бумагу пропустить настоящие. И вот это уже подхвачено в различных вариантах то в одной, то в другой галерее. Кажется, коммерческое искусство – не такая уж безопасная вещь. Всё настоящее, что имело какой-то денежный успех, моментально всеми подхватывается, предельно опошляется, вводится в моду, наводняет рынок. На французский манер всё ещё сдабривается эротикой и сексом. И вот всё это, от вещей в абстрактном стиле до вещей в стиле Магритта, прекрасно оформленное, в рамках, предлагается по всем галереям, только купи.

Пожалуй, самый преуспевающий сейчас Христо. На выставке FIAC чуть ли не все галереи предлагали его, выставляли его. Обычно его вещи – небольшого размера (что тоже важно – более доступная цена) фотография какой-либо площади с вырезанным и упакованным в ткань памятником. Чуть-чуть что-нибудь написано.

Купить можно графику Пикассо (правда, уже без подписи) и литографии Дали (с подписью). Кстати, это в той же галерее «Карпантье», которая выставляет Шемякина (как художника номер один и Зеленина как художника номер два, вчера хозяин сменил витрину, теперь вместо Шемякина в центре Зеленин). Я долго смотрел папку с работами Дали. Литографии, иллюстрации к Рабле. По-моему, это не Дали, а халтура, в них ничего настоящего, кроме подписи и цены.

Как-то не хочется писать о нашей русской выставке. Я уже много писал и говорил по телефону о ней. Хорошая выставка, учитывая имевшихся в наличии московских неофициальных художников 60-х годов. По парижским стандартам прошла с успехом, хорошо посещалась. Не было очереди, но и залы никогда не были пустыми. А обычно здесь толпа в первый день, потом – никого. Интересных выставок здесь много. Скоро пойду на одну, о которой мне рассказывали. 40 эротических гравюр Хокуся. Привезены из Японии, собственность какого-то коллекционера, невероятная ценность. Чтобы не выгорали краски, в зале темно, а каждому входящему дают электрический фонарик, чтобы освещать то, что смотришь. И цена за

вход – невероятная – 25 франков. Пока я видел только плакат с репродукцией – действительно очень красиво.

Обменялись письмами с Сашей Косолаповым. Он пишет, что счастлив, что живёт в Нью-Йорке, это сейчас город номер один в смысле искусства, зовёт туда. Не торопится с коммерцией и выставками, хочет в полной свободе и независимости поработать с новыми материалами и идеями. Старался меня поддержать, ободрить. Прислал 20 долларов «чтоб не голодал». Познакомился с Сашей Неждановым, который был здесь две недели. Ничего не пишу о своей жизни, расспроси Алика С. [Сидорова] – он всё знает.

Шелковский – Романовской и Шимесу 28.11.76

Дорогие Марина и Павел.

Получил от вас очень хорошие письма, тёплые, живые. Хорошо, что в Москве интересные выставки. Были ли вы и Нина с Димой [Жилинские] на выставке Семёнова-Амурского? Как это всё проходило? Мы с ним знакомы двадцать с лишним лет. Мы близки в одном и абсолютные антиподы в другом. В одном он был для меня всегда вдохновляющим примером, в другом – очень ярким антипримером, примером того, как не надо делать. Но это тема для целого письма.

В Париже с наступлением осеннего сезона выставочная деятельность тоже оживилась. Я хожу на вернисажи почти каждый день, иногда два раза в день. Видел 85-летнего японского художника в Гран пале, эфиопских примитивистов, русский романтизм (смотрел с детства знакомые вещи из Третьяковки: Венецианов, Кипренский, Брюллов, Иванов). Был на ретроспективной выставке Сезара в музее L'Art Modern de la ville de Paris. Получил от него в подарок каталог с его подписью.

Шелковский – Герловиным 11.76

Как ни странно, но сейчас моя точка зрения, в общем, такова, что уезжать без особой нужды не надо. Те, кто борется или хотя бы противопоставляет себя там, живут более полной жизнью, чем те, кто уехал и занят устройством лишь своих личных дел тут. Но здесь нужно дифференцировать. Тем, кто связан со словом, с литературой, переезд вообще противопоказан. Поэту, литератору нужна языковая среда, они здесь мучаются. Хотя здесь открыт простор для действий – публикации, организация журналов и тому подобное. Те, кто не может себя реализовать там из-за хронического отсутствия условий, материалов и прочего, как музыканты, например, отчасти художники, скульпторы, те должны ехать. Всё равно всё настоящее вернётся.

Быть эмигрантом не такое уж лёгкое занятие. А уж раз это письмо скосбочилось на одну сторону, то скажу ещё, что горе той нации, этнический состав которой всё более упрощается, однообразится. Из России сейчас едут евреи, немцы, греки, армяне, когда-нибудь это скажется. Когда страна благополучна, здорова, она привлекает все активные жизненные элементы других наций.

Французы молодцы. Они открыли шлюзы, и сюда влились потоки эмигрантов из Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной Европы. Если б в Москве было столько французов, сколько в Париже русских. А сколько их и их детей из прежних, уже офранцузившихся эмигранций. Русские фамилии мелькают в газетах, афишах, титрах кино.

Соков – Шелковскому 05.12.76

Игорь, дорогой, здравствуй!

Ты так быстро отчалил, не успели с тобой попрощаться.

Часто о тебе вспоминаем. Иногда видимся с Серёжей [Есяяном]. Зашёл тут к Алику [Сидорову] и взял адрес. Сашка [Косолапов] написал из Нью-Йорка, что ты с ним связался. Он советует переезжать туда. Тебе оттуда видней, я тебе ничего сам посоветовать не могу. Переслал тебе фотографии – с нашей выставки и твои. Тебе их передали, как узнал недавно. Из твоих открыток узнал, что тебе не хуже, чем здесь. Напиши мне поподробнее, если возможно.

У меня всё по-прежнему, и этому положению нет конца. Если захочешь узнать об этом – Сашка знает там больше – он связался с Эрнстом [Неизвестным], что-то они там делают. Мы сидим здесь как под крышкой – ничего не ведая.

Видел каталог парижской русской выставки. Здесь происходят кое-какие художественные шевеления. Участвовать или не участвовать в которых для меня является актуальной проблемой.

Много делаю. Сделал несколько работ из пластмассы. Была выставка Семёнова-Амурского в ЦДРИ. Очень хорошие работы. Он, конечно, достоин не такой участи, не такого маленького зала. И политически это выглядело смешно. Несмотря на это, очень за него рад. <...> Лёня

Шелковский – Сидоровым 12.76

Дорогие мои Алик, Лидочка! Здравствуйте!

Алик, это письмо будет чисто техническим. Передай Герловиным, что я получил две их бандероли: с бумагой и другую, с пастелью и шоколадом. Передай им спасибо. Получил также два их письма. Получили ли они мою открытку?

Инструменты мне присылать не надо. Я уже почти обзавёлся необходимым минимумом. Удалось разыскать всё по минимальным ценам.

Насчёт красок пока ничего не могу сказать, по возможности тоже обойдусь, а может, будут нужны.

Мне дали на пользование большую старую радиолу «Телефункен», она как раз вошла в нишу под окном. Я теперь могу проигрывать пластинки и слушать радио, в том числе и привычно-знакомый «Голос Америки»¹¹, например. Это редкость, потому что обычные транзисторные приёмники его не берут. А я теперь живу прямо как в Москве.

Что мне хотелось бы просить тебя прислать – это пластинки. Сначала пришли мне мои любимые 4 пластинки с Рахманиновым. <...>

Как ты вообще распорядился с пластинками? С теми, что в мастерской? У меня там есть несколько интимно любимых, например Вилли Фереро, а также джазовые, особенно 20–30 гг. Попридержи их пока, а все поп-группы можешь отдать Марине Романовской. Пусть на память что-нибудь останется.

Письмо твоё на 8 стр. я не получил до сих пор. Есть ли у тебя второй экземпляр? Это же очень обидно писать впустую. Почту и цензуру надо приучить, что все письма должны быть доставлены по адресу и никакие изъятия не допустимы. Если письмо не дошло, то будет послано второе, третье того же содержания. Я думаю, что если так поставить дело, то переписка будет налажена. Это важно, потому что всё-таки телефонные разговоры стоят дорого. <...>

Ну вот, пока всё. Обнимаю вас и целую. Игорь

¹¹ «Голос Америки» (Voice of America, VOA) – американская информационная радиостанция, ведущая передачи на английском и сорока пяти других языках. В советские годы «Голос Америки», наряду с радиостанцией «Свобода», был одним из основных источников информации о событиях в СССР и мире.

Герловины – Шелковскому 23.12.76, Москва

Милый Игорь!

Только что приехала Доменик [жена Олега Яковлева] и привезла от тебя письмецо. В этот вечер мы справляли твой день рождения в твоей мастерской и фантазировали, что в этот день делаешь ты. Мы часто видим Алика [Сидорова], который нас просвещает с неиссякаемой энергией (я имею в виду литературу). В день твоего рождения уезжал из Москвы Лёва Бруни в Швецию (к жене). А сегодня мы (Алик, Ваня [Чуйков] и др.) идём к Олегу Яковлеву.

Спасибо тебе, Игорь, за заботу, за каталог. Мы ещё его не получили, но, видимо, на днях он будет. Обязательно покажем его Боре Орлову. В последний четверг мы звонили тебе, но, к сожалению, безрезультатно. Будем ждать, когда вернётся хозяйка телефона. Спасибо за прекрасное описание выставки в Ванином письме.

А теперь постараюсь тебе вкратце описать ситуацию в художественной жизни в Москве. В декабре этого года должна была открыться выставка, организованная Горкомом графиков, куда практически принимают у всех по 1 работе. Сейчас там около 200 художников. Во главе приёмной комиссии Плавинский, Немухин, Дробицкий, Нагапетян и подобные. Отбор работ идёт строго в их вкусе. До выставки мы заходили с Валерой в Горком [графиков] и беседовали с Ащеуловым, который нам дал понять, что мы не имеем отношения к тому, что называется Искусством. Больше мы решили туда не ходить. Трёх ребят «Гнездо» не приняли (они подавали заявления как полагается). Поскольку эта довольно лживая выставка была призвана, хотя бы частично, удовлетворить запросы художников, то мы решили использовать её хотя бы как факт, в противовес выставке (концептуальной), которую намеревались организовать где-нибудь на квартире. Лёня [Соков] и Ваня не захотели принимать участие. Мы и ребята из «Гнезда»¹² (Рошаль, Скерсис, Донской) подали тогда заявление в комиссию Горкома к Ащеулову с требованием выделения нам отдельного помещения, нам, т. е. концептуалистам, и возможности самостоятельного отбора работ. В Горкоме заволновались, что им совсем ни к чему сейчас параллельные выставки, компрометирующие эту (и без того совсем слабую). Вот уже 3-ю неделю Ащеулов тянет с ответом, но мы и не ждём ничего положительного.

Рабин, который носил на комиссию свои работы и которого не приняли ни в Горком, ни на эту выставку, предложил нам следующее: послать наш материал и, по возможности, работы Глезеру, который их выставит в январе на английской выставке. Он говорил по телефону с Глезером, который, по словам Рабина [Оскара], очень этому рад. Признаться, мы не очень доверяем как Рабину, так и Глезеру, но предложение нам показалось довольно заманчивым. Именно поэтому мы обращаемся к тебе с просьбой помочь нам. Фотографические материалы мы выслали Глезеру, но работы высылаем тебе, я не хочу, чтобы они принадлежали Глезеру. <...> Мы совершенно не знаем ситуации там, в Париже, и думаем, что ты поступишь сам по своему усмотрению лучше, чем мы тут можем решить. Если считаешь нужным не связываться с Глезером, то так и сделай. Мы здесь как слепые котята. В Москве мы хотели 18 января открыть квартирную выставку – филиал английской, о чём, как предполагалось, будет сказано Глезером по радио. Сейчас – это планы, что будет на самом деле, предсказать трудно. Нас же очень смущает то, что надо вступать в отношения с компанией Рабина – Глезера. И ещё: если действительно будет реальная возможность попасть на выставку, на твоё имя вышлют ещё около 30 кубиков и конструктор из ФРГ (все кубики на русском языке), всё это находится там

¹² Группа «Гнездо» (Геннадий Донской, Михаил Рошаль, Виктор Скерсис; 1974–1979) своё название получила по своему первому публичному выступлению на выставке московских художников в Доме культуры на ВДНХ, на которой участники провели акцию «Высиживание яйца».

уже давно, нам надо только позвонить. Об этом, я думаю, будет ясно из разговора с Глезером, которому мы будем звонить на днях.

Искренне желаем тебе счастья. Герлы

Орлов – Шелковскому 24.12.76

Игорь, дорогой!

Только что прочитал твоё письмо. Грустно мне, хочется зайти к тебе, посидеть просто так, но ты слишком далеко. <...>

В одном письме ты спрашиваешь о выставке Фёдора Васильевича. Я был на ней и ушёл под сильным впечатлением, хотя уже хорошо его знал. Это чувство было ещё усилено тем, что на выставку я пришёл из Третьяковки с выставки автопортретов¹³, которая поразила меня своей серостью. Правда, несколько очень сильных вещей всё же было: Антропов – XVIII в., Малевич, Петров-Водкин, Попова и ещё два-три автора. XIX век – пустота.

Недавно я видел очень хорошую выставку польского портрета XVI, XVII, XVIII веков. Я был буквально потрясён. Настолько неожиданно, самобытно и такая плотность талантов, что я в течение месяца ходил возбуждённым. Если ты помнишь, на выставке портрета в Москве года четыре назад было несколько вещей из Польши, и они производили очень сильное впечатление.

Слабее всего смотрелись портреты, сделанные под Париж или Лондон (имею в виду Гейнсборо). От них-то и пахло провинцией, хоть и написаны были борзой кистью. В это время в Речи Посполитой польская гордыня вознеслась очень высоко, и Париж не очень-то диктовал им моды, хоть и заставлял принимать себя к сведению. И вот, пожалуйста, на периферии Европы возникло такое оригинальное явление. А русская живопись XVIII века не есть ли такой же поразительный феномен. А живопись провинциальных художников XIX в., а Аргунов не подтверждал ли того, что искусство может быть не только в центрах, и не есть ли погоня за столичными лидерами ошибка. Подобная ошибке польских западников. Не похожи ли Герловины да и Ваня Чуйков на Гоголевского сапожника Ивана Петрова-Французова. Мне кажется, что в Москве сейчас есть силы и немалые, чтобы осознать себя как некое самобытное явление и не выпрашивать внимания у Запада, не переделываться под них, не надевать модные туфли на онучи. Меня очень огорчает Косолаповское рассуждение об «ошибках молодости». Мне очень нравились его работы, и если они не устраивают Нью-Йорк, то это не значит, что они ошибочны. Истина обитает не только в Нью-Йорке.

Что ты об этом думаешь? <...>

Боря

¹³ «Автопортрет в русском и советском искусстве». Москва, Государственная Третьяковская галерея (1976).

Шелковский – Чуйкову 27.12.76

Иван, дорогой, здравствуй! Наконец получил от тебя письмо и очень хорошо, что не подцензурное, им всё-таки лучше пока не всё знать.

Ты просишь подробнее писать о себе. Я ведь пишу, и пишу очень много. Как-то получилось, что наиболее подробные письма были посланы Марине Романовской. Я думал, вы все видите и общаетесь между собой.

То, что я опускал во всех письмах, – это материальная сторона моей жизни: на какие деньги я живу. В Вене я жил на деньги Толстовского фонда. Они же купили мне билет в Париж. Здесь такой же Толстовский фонд¹⁴, который выплачивает деньги на квартиру и прожиточный минимум в течение трёх месяцев. Сейчас это кончилось, и они меня передали франц. организации соц. помощи. Это ещё 2 месяца. Некоторые суммы мне даёт Жак за работу, которую он выбрал ещё в Москве и которую мне удалось привезти с собой. Но я эти деньги придерживаю и трачу только на инструменты и материалы, потому что с трудом представляю, что со мной будет дальше.

Я ещё совсем не ориентируюсь в делах коммерческих, и у меня пока нет знакомых, которым я мог бы полностью довериться. Единственный человек, советам которого я доверяю полностью, – это Жак [Мелконян], но он очень занят, мы с ним видимся очень редко и коротко. Он советует мне не продавать сейчас ни одной работы, привезённой из Москвы (остальные, начиная с выставки, задают один и тот же вопрос: что вы продали, сколько вы продали?).

Жак считает, что я смогу жить на деньги от продажи тех работ, которые сделаю здесь. Но пока я только начал работать, что-то законченное у меня будет, возможно, только через полгода. <...>

Если Жак не ошибается и такой способ существования, т. е. регулярная продажа новых работ, окажется возможным, то он меня очень устроил бы. Потому что другие варианты для меня несколько рискованные.

Другие в основном такие: идти по галереям и показывать фото своих работ. Если галерея сочтёт тебя подходящим, то с тобой заключают контракт, по которому ты ежемесячно получаешь определённую сумму (Зеленин получает 7000 фр.) и должен сделать для галереи определённое количество работ. Такой контракт – мечта многих, потому что не только обеспечивает художника материально, но даёт надежду на будущее. Каждая галерея продвигает, лансирует своего художника, заказывает статьи о нём художественным критикам и создаёт ему имя. Серёжа Есяян, когда приедет в Париж, будет на таком контракте. И для него это хорошо, потому что он уже зрелый и сложившийся художник. Что касается меня, то меня пока такие условия пугают, мне хотелось бы по возможности сохранить свою свободу и не повторять свои старые работы.

(Хотя то, что я делаю сейчас, – это именно повторение тех работ, которые я делал последние полтора года. Мне как-то хочется восстановить внутреннюю атмосферу, непрерывность, да и идеи ещё не совсем исчерпались для меня. Кроме того, у меня сейчас нет ни условий, ни материалов, которые бы позволяли думать в каком-то новом направлении.)

Наверное, в принципе здесь возможна продажа отдельных работ. Чаще это делается на выставках. Я уже получил несколько приглашений на выставки, в том числе и лестное, хотя пока лишь формальное, приглашение на выставку Granges et Jeunes, о которой я писал в письме (получил ли ты его? Это было большое и подробное письмо о выставках).

¹⁴ Толстовский фонд (Tolstoy Foundation) – русская эмигрантская благотворительная организация, основанная в 1939 году в США младшей дочерью Л. Н. Толстого – Александрой Львовной Толстой (1884–1979) для оказания помощи русским беженцам на территории Европы.

Париж не произвёл на меня слишком уж большого художественного шока. То, что мы знаем в Москве, примерно соответствует тому, что есть на самом деле. Часто новое искусство связано с новыми материалами, а это доступно не всем даже здесь.

Русская художественная среда произвела на меня впечатление самое плохое. Ничего похожего даже намёком на Москву, никакого стремления к общению, поддержке. Если есть взаимозаинтересованность, то лишь на корыстной основе. Шемякин может по своему положению помочь, но его надо как следует попросить, потом подождать, потом ещё попросить, потом ещё, потом, может быть, он что-нибудь сделает, может, нет. А мне так не хочется.

Какой-то низкий уровень интеллектуальности во всём этом. Когда он во время развески работ ходил в кафтане и сапогах, злой, с перебитым носом, и едва отвечал, когда с ним здоровались, – это производило очень мрачное впечатление.

Я уже писал Саше Косолапову, что разговоры об искусстве здесь считаются почти неприличными. Только о делах, о коммерции. Если художник раскрывает рот, то сейчас заговорит о деньгах: за сколько он продал, сколько он получил от маршана, и т. п., т. п. Я это объясняю тем, что в основном это всё молодые люди, несформировавшиеся, слишком рано попавшие на запад, и теперь изо всех сил старающиеся быть «западными», гораздо больше, чем это нужно.

Примечательны слова Шемякина о Зеленине: я ему сказал (про гиперреализм) – сейчас здесь это не пройдёт. Он стал делать так-то, и вот он уже продаёт столько-то, за столько-то и т. п.

И вот дальше этих мерок «сейчас» и «здесь» никто смотреть не хочет, все, во что бы то ни стало, стремятся «устроиться».

Не показывай это письмо никому, кроме Алика [Сидорова] и Серёжи Есяяна. Ему предстоит скоро увидеть всё самому. Не разносите это особенно, я не хочу подливать масла в огонь, здесь уж и так столько интриг, сплетен и вражды, что иногда тошно становится.

Нусберг ехал в Париж с единственной целью ниспровергнуть Шемякина. Теперь смолк, растворился, исчез бесследно, никто не знает, где он и чем занимается.

Как бы тебе ещё подробнее описать мою жизнь. Живу на чердаке, в комнате маленькой, но уютной. Коридор, ещё несколько комнат, туалет у лестницы. 5-й этаж. В комнате есть умывальник. Единственное неудобство – слышимость. С одной стороны – глухая стена, но с другой – сосед-мексиканец, любит петь под гитару для себя и для своих девушек.

Готовлю дома, еду покупаю или на рынке, который бывает два раза в неделю здесь же рядом, на бульваре Распай, или в маленьком магазинчике самообслуживания. Есть кафе и дешёвые ресторанчики, особенно вьетнамские и китайские, но для меня и они пока дороги, и дома быстрее.

Дерево есть любое: рейки, доски, по соседству в большом универмаге «О бон маршэ». В больших универмагах всё стоит дешевле, чем в остальных магазинах, но всё же дерево здесь очень дорогое.

Часто, иногда ежедневно, хожу на выставки. Понемногу знакомлюсь с музеями, по воскресеньям они бесплатные или вполонину дешевле.

Вполне освоился с парижским метро.

Благодаря приглашениям знакомых был в театре, видел американский балет Баланчина, слушал Брассенса, видел много фильмов. Скоро иду на Ростроповича.

Все новые знакомые, французские и русские (кроме художников), относятся ко мне очень хорошо, стараются во всём помочь. Понемногу у меня набралось всё необходимое для нормальной жизни, от радиоприёмника до одеяла и посуды.

Теперь я уже четыре месяца на западе и могу немного оглянуться и обобщить. В общем, конечно, такая резкая перемена – это болезнь. Её нужно выдержать, вынести, это не так легко. Сейчас, когда у меня более-менее благополучно, я почувствовал, под каким давлением находился прежние месяцы, какой был жуткий перепад. Всё другое, ты выходишь на улицу и не

понимаешь ни слова, ни одной надписи (в Вене). На меня напала какая-то жуткая стеснительность, мне казалось, что я делаю всё не так, что я выделяюсь. Была неделя, когда я ни с кем не разговаривал, кроме данке-битте, потому что не видел ни одного русского. Те, кто уезжает с семьёй, не так остро это чувствуют, но я всё время был один. Проблема языка – это основная проблема на первое время. Даже минимальный запас слов, выражений меняет картину. Потом эта острота пропадает. Многие здесь живут по несколько лет, так и не зная французского обходятся. В своей основе я именно тот человек, которому противопоказаны подобные перемены: я замкнут, стеснителен во всякой новой обстановке. Если я всё это выдержу, то значит другим это тоже можно и, возможно, им будет гораздо легче.

Первое время запад не даёт ничего, кроме надежды. Но как это много. Я думаю, что как бы ни было здесь трудно, это всё нужно преодолеть. Не обязательно уезжать писателю, совсем может и не нужно поэту, но для художника я не вижу другого выхода. Какие бы ни были послабления – это всё не то.

У меня всегда перед глазами пример Семёнова-Амурского. Ведь он последние десятилетия перемалывал сам себя, как мельница, в которую не подсыпают зерна. Будь его выставка 20 лет назад, он не жил бы все эти годы в такой закупоренности, он сам бы переменялся и как художник сделал бы совсем другие работы.

Здесь есть возможность видеть настоящее современное искусство и самому участвовать в выставках и видеть себя со стороны и в сопоставлении.

О твоих перспективах: я мысленно вижу твои работы на самых лучших выставках, я их хорошо представляю здесь. Они лучше, глубже, тоньше многого из того, что здесь есть на самом высшем уровне. Но какова механика успеха – я ещё плохо представляю. Нужны знакомства, связи, известность и лучше начать с Москвы. Знакомься с дипломатами, зови их к себе, не стесняйся показывать свои работы, пусть тебя знают. Пригласи к себе Костаки, обязательно. Я полностью согласен с тем, что тебе нужно сделать свою выставку. Не медли. Пора. Расправляй крылья. <...>

Игорь

Шелковский – Романовской и Шимесу 12.76

Даже если б в Москве были условия для развития искусства, всё равно я советовал бы каждому пропустить себя через Запад. Не так, как ездили вы, несколько дней и в группе с Иван Ивановичем, а так, чтобы пожить, сколько хочешь и где хочешь. (Было так, было! Ездили и жили, от Ал. Иванова до Фалька.) У Сервантеса есть слова: «домоседная мудрость недалеко ушла от глупости». <...>

В принципе, здесь есть почти весь МОСХ, вплоть до Кацмана (сюжеты другие – ню), торгуют всем. Идёшь и видишь через витрину: вот, примерно, Марке, вот, примерно, Дерен. На большие и серьёзные выставки эти вещи не попадают («Осенний салон» таковой не является). Да там и неинтересно было бы их смотреть, сразу вылезла бы их вторичность. Дело не в форме только, а в глубине. На выставке FIAC был Моранди, который выдерживал всё современнейшее окружение: и поп-арт, и концептуальное искусство.¹⁵

Никакой особенной буржуазной жизни здесь нет. Так же как и в Москве, в метро читают книги, по радио передают Моцарта, все концертные залы всегда переполнены. Русская культура здесь занимает большое место. На книжных развалах перед магазинами можно увидеть всё, что хочешь, в том числе то, что мы сами никогда не читали, например книги Бухарина, изданные в карманном формате. По радио примерно треть передач – русская музыка. Несколько воскресений было посвящено только Мусоргскому, с подробными беседами, разбором вещей. Сегодня по радио передают из парижской оперы «La vie pour le Tzar» Глинки. Поют по-русски, с акцентом, конечно, но как в оригинале: «Славься, да славься, наш русский царь!» Я здесь горжусь, что я русский. Дело не в том, что по крови, а по культуре. И стыжусь, что советский. На уроке французского, во время темы про животных канадская девица рассказывает, как русские перебили всех китов вокруг Канады. Преподавательница поправляет: «Pas russe mais soviétiques», – я ей очень благодарен, хотя, как теперь проведёшь эту границу.

Интересный разговор мне довелось иметь в старо-эмигрантском доме относительно ностальгии. Как мне сказали, больше всех ею страдала первая эмиграция. Та, которая покинула Россию, которая привезла с собой память о прекрасном прошлом: альбомы, фотографии, домашние вещи, традиции, уклад жизни, семейные реликвии, иконки. Для них и сейчас слово Россия – святое слово. Можно записывать их почти бунинские рассказы из быта, например, Петрозаводской губернии 1910-х годов.

Вторая, послевоенная эмиграция подобных сантиментов не имела. Она постаралась побыстрее включиться в окружающую действительность и свою прежнюю жизнь вспоминает без особого восторга. Я разговаривал с одной женщиной, которая время от времени ездит в Ленинград навещать своих родственников в коммунальной квартире. Она говорит, что эти поездки даются ей нелегко. Она любит город, но уж слишком наваливается на неё вся советская реальность. Так и говорит: «Люблю город, но не людей». Кажется, третья волна больше походит на вторую. Характерная деталь: дети и внуки первой эмиграции воспитывались в русских традициях, на русской культуре, прекрасно говорят на хорошем русском языке. Дети второй эмиграции русский почти не знают. Уже больше французы, чем русские (не все, конечно, но большинство).

¹⁵ «Фиак» (FIAC) – международная выставка-ярмарка современного искусства, проходящая ежегодно в Париже с 1974 года.

Шелковский – Герловиным 12.76

Сегодня рано утром получил ваше необыкновенно быстрое письмо. Оно шло пять дней. Постучал сосед, студент-мексиканец, я вскочил с постели (уже не спал), и он мне протянул в дверь белый конверт. Утро было солнечное, я зажёл газовую горелку, поставил чай и стал обдумывать, прочесть сразу или немного погодя. Прочёл сразу. День был ясный, я много ходил по Парижу, и сейчас вечером пишу ответ. Отвечаю на ваши квадраты.

1. Верьте моим письмам и не верьте рассказам, они всегда отклоняются в ту или другую сторону. Я пишу достаточно детально и всеобъемлюще, но всё это дробится по различным открыткам и письмам, разным адресатам. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы не делали секретов друг от друга из моих писем.

Я стараюсь не повторяться, а это очень трудно писать об одном и том же много раз и по-разному. Поэтому я пишу всем о разном. Есть индийская притча о семи слепых, ощупывающих слона. Я тоже ощупываю Париж и не знаю, сколько времени пройдёт, когда я составлю более-менее полную и верную картину. Сейчас я могу лишь писать о своих впечатлениях. Это импрессионистично. Они будут меняться со временем.

Первое впечатление – дряхлый город, не западный (Вена более американизирована, что ли). Иногда впечатление средневековья – на улицах жарят блины, каштаны, люди спят, улицы узкие, с рынком посередине. Новое есть, и очень красивое. Но какое-то не наступательное, а обороняющееся.

2. Я живу вполне нормальной жизнью, как в Москве. В помещении более тесном, но более светлом. У меня уже есть всё мне сейчас необходимое для работы. Спасибо за бумагу и пастель, я их получил довольно давно.

Дом в самом центре Парижа. По известности эта улица примерно как наш Столешников, но только более узкая и длинная. В конце, вдали виднеется элегантная чёрная башня – Тур Монпарнас этажей в сто или двести.

3. Буржуазны ли французы? В Москве в универсаме в Химки-Ховрино подкатывают тележку к кассе – те же буржуа, что и здесь. Только в здешней тележке больше зелени, красивых коробок и рядом с курицей лежит не водка, а шампанское. Французский буржуа одет более элегантно, чем московский, не такой толстомордый (по воскресеньям в Лувре узнаю соотечественников за километр), женщины любого возраста и цвета кожи имеют хорошую фигуру.

Живопись такая же принадлежность и такой же предмет озабоченности, как после обеда на десерт – мягкий сыр, которого здесь пятьсот наименований. И в том и в другом французы знатоки и гурманы. Но именно живопись, картины. На всё прочее, начиная с Дюшана, смотрят свысока (подчёркиваю, это по моим наблюдениям за два месяца в тех домах, в которых я бывал).

Молодёжь (мои впечатления) на 100% антибуржуазна. Не интеллигентных людей я пока не встречал. Очкастые, бородатые, длинноволосые, везде в любой профессии. Москвичи, одетые по-западному в коже и замше, здесь бы выделялись буржуазностью. Здесь создали хорошую моду одеваться предельно скромно, просто, оригинально, большей частью во что-нибудь застиранное или самодельное (вязаное), сложное. Большие магазины подхватили эту моду, и самые дорогие платья на витринах имеют вид потертой и выжатой половой тряпки, подкрашенной зелёным.

4. Видел здесь различные (очень различные) фильмы, в том числе снятые непрофессионалами. В музее Modern Art была выставка Рене Магритта в фото и кино. Оказывается, он снимал сценки со своими друзьями. Сам придумывал сюжет, ставил фильмы, в которых обыгрывались различные предметы, фигурирующие на его картинах: большая труба, пожарная каска и пр. Выставка называлась «Верность образам».

Вчера был на вечере японского поэта Тераяма, поразила исключительная качественность цвета и изображения. Один фильм снят на контрастной плёнке ярко-зелёного цвета. Каждый кадр можно было вырезать и вешать на стену. В некоторых фильмах делались попытки объединить экран с залом. Например, такой фильм: неподвижная камера снимает без монтажа и перерыва то, что происходит. А происходит следующее: на экране три красивые почти обнажённые девушки, средняя сидит на чём-то вроде стола. Тёмно-синий, почти чёрный фон, смуглые тела и ярко раскрашенные лица японских красавиц. Они смотрят прямо в зал, как будто немного смущены, пересмеиваются между собой (впечатление полной импровизации, не сыгранности), отчаянно кривляются и кокетничают, высовывают язык, крутят бёдрами. Продолжается довольно долго, но совсем не скучно. Потом начинают звать кого-то из публики. В зале встаёт юноша-японец и входит в экран. Вот он на экране. Красотки на него набрасываются, начинают раздевать. Он мычит, отбивается (всё импровизация), с него стягивают свитер, штаны. Вот он гол. Одна сидит на животе, другие тащат за ноги. Немного эротики, потом он им надоедает, его бросают, и из экрана (там прорезь) выходит голый человек, прижимая одежду.

Последний фильм – «Гвозди» (у каждого свой «гвоздь» в жизни). В последних кадрах человек забивает гвозди в белую стену. Из зала выходят и к нему присоединяются другие, и под белым лучом забивают гвозди в деревянный экран.

Косолапов – Шелковскому 12.76

Дорогой Игорь!

Спасибо большое за открытку и извини меня за кислое, запоздалое письмо. Настроение пляшет, я не научился им руководить.

Мне жаловаться грех. Всё у нас хорошо. Сейчас я буду переезжать в мастерскую и в другую квартиру поближе к мастерской. Полуподвал, с тремя окнами, с большой площадью – около 70 м². Он чем-то напоминает московскую, и недорого, 40\$ в месяц – это по N. Y. ценам дешево. Её я буду оплачивать с парттайма. Я работаю день в неделю, я тебе писал об этом. В общем, у меня большие планы и большое желание работать. Как перееду, сообщу адрес. Посылаем тебе небольшой презент – не знаю, дойдёт ли в письме? Мы с Людой поздравляем тебя с Рождеством и Новым Годом!

Желаем исполнения всех желаний, здоровья и бодрости.

Обнимаем, твои Люда, Саша

Сидоров – Шелковскому 12.76

Дорогой Игорь! Только вчера уехала Elizabeth, а меня уже беспокоит мысль, как она добралась. Простились мы с ней несколько бестолково – в холодном троллейбусе, в предновогодней суете, в толкучке, и обремененные сумками и кулками. Не знаю, как она к нам ко всем отнеслась, – она человек застенчивый и на сближение не очень идёт – но мы старались, чтобы ей было интересно. После общения с [Жаком Мелконяном] это второй случай в моей жизни, когда мне стыдно, что я не говорю на языке (В частном порядке, т. е. по секрету, обещаю, что к следующему новому году буду сносно болтать по-французски.). Мишенька [Утевский] возил нас с ней к Петру [Старчику] послушать его новые песни, но не знаю, понравилось ли ей. Ещё мы были на чудесной выставке Пиросмани в помещении грузинского представительства и, как ты уже заметил, у Ивана Чуйкова. Вообще у меня была задумана большая программа, но мы, к сожалению, не успели её осуществить.

Игорь, я очень нагрузил её, и может быть, вещами тебе не очень нужными, но ты не сердись, и ещё раз от моего имени извинись перед ней. От дрели ты напрасно отказывался, т. к. это надёжный и всегда нужный инструмент, и если она не нужна тебе сейчас, то, возможно, я уверен в этом, пригодится в будущем. Краски я отобрал по принципу: что подороже. Зелёную и голубую ФЦ¹⁶ пришлю со следующей оказией. Оселки должны подойти, особенно доводочный, это у нас новинка; половина круга – это очень хороший японский камень, я за ним ездил к брату в Абрамцево, т. е. ты не отнесись к нему пренебрежительно, со второй его половинкой я построил две дачи и был очень доволен. О деньгах не думай (о 50-ти), это мои собственные и возврату не подлежат.

Игорёк! Мы очень рады твоим подаркам, особенно я (по Брассенсу я учу язык!), но, пожалуйста, не насилуй свой бюджет – остепенись!

Всем нам очень бы хотелось этого, что ты сейчас делаешь, и если будет время – напиши мне подробно или даже нарисуй. Вообще, напиши о своих планах на этот год, а главное, о своей работе (точнее – работах).

Серёжу познакомить с Elizabeth не удалось, т. к. он был в это время в Пскове и, кажется, ещё не приехал.

<...> А.

¹⁶ Зелёная и голубая ФЦ – название масляных красок.

1977

Шелковский – Чуйкову 11.01.77

Дорогой Иван, посылаю тебе вторично открытку, которая не дошла до тебя, с точно таким же текстом. В ней нет ничего особенно ценного ни для тебя, ни для меня, но дело в принципе. Мне эти дармоеды ещё в Москве надоели, чтобы терпеть их ещё и отсюда. Официально их (то есть цензуры) не существует, так вот пусть и ведут себя так, как будто их нет. Сообщи мне потом, как дошло это письмо. Пишу тебе большое письмо, но пошлю его несколько позже. Очень мало свободного времени: учу язык, работаю.

Шелковский – Герловиным 16.01.77

Дорогие Римма и Валерий, сегодня всё получил. Спасибо за письмо и за всё. Обстоятельства оказались следующими: я сразу же позвонил Глезеру, мне ответили, что он в Вене и будет там до конца месяца. Он там с русской выставкой чисто коммерческого характера из 7-8¹⁷ художников, живущих в Париже. Я в ней не участвую. Позвонил Зеленину, он в Лондоне, где должна завтра-послезавтра открыться выставка. В лондонской выставке я тоже не участвую, так как мои работы не прошли «художественный совет». Я, грешным делом, думал, что последний возглавлялся Шемякиным. Но когда позвонил ему, чтобы узнать, что можно сделать для вас, то он сказал, что тоже имеет мало отношения к этой экспозиции, что он почти в ней не участвует. Таким образом, все звонки оказались безрезультатными. Не переоценивайте пока мои возможности по двум причинам: во-первых, у меня ещё крайне мало связей, знакомств на том уровне, в той сфере, в которой бы мне хотелось бы, во-вторых, вы опередили Париж, на такие вещи смотрят с любопытством, но и с опаской, как на вольнодумство. А легко пристроить можно только хорошо знакомое и легко узнаваемое. Пока что всё будет у меня, вместе с «Душой» и «Девочкой Фогельсон, бегущей по саду».

¹⁷ В выставке в Вене «Russischer Februar 1977. Wien» (13 января – 6 февраля 1977 года) принимали участие 12 художников.

Шелковский – Романовской и Шимесу 22.01.77

Это письмо повторяет то письмо от 22-1-77, которое не дошло до вас благодаря дармоедам без стыда и совести, вскрывающим и читающим наши письма, несмотря на закон о тайне переписки. Хочу их предупредить, что каждое моё отправленное письмо, так или иначе, дойдёт до адресата. Как говорит «безумный наш султан»: на что рассчитывают эти господа?

Дорогие, Марина, Павел!

У Семёнова-Амурского талант огромный, а не маленький. Такой огромный, что при других условиях это узнал бы весь мир. «Его чувства, скованные им, кажутся провинциальными». Не им, а временем и местом, эпохой. Он – дитя 30-х годов. Он пережил и 37-й, и 40-й и 50-е, когда его исключали из МОСХа. Вот и у тебя появилось слово «провинциальные». Он всегда говорил: «я соревнуюсь с тремя городами: Римом, Токио и Парижем». Он не знал ни Рима, ни Токио, ни Парижа. Всё, что он знал об искусстве современном, кончалось 10–20-ми годами, коллекцией Щукина, музеем Нового Западного искусства. После этого была ночь, тьма, железный занавес, который для искусства, для самих вещей сохранён и по сей день. Борются с современным искусством, называя его буржуазным для удобства пропаганды. Пример: вместо выставки «От Родена до наших дней» устаивают «Роден и его современники» – лишь бы подальше от нашего времени, так спокойнее.

Насчёт аппендикса согласен, только он не здесь, а там. Если его отрезать, например, в литературе (разных Чаковских) – то мало что изменится.

Здесь вся русская философия последнего столетия, лучшая часть русской литературы и старой (Достоевский и Бунин без купюр) и современной. А сколько здесь русских журналов! Можно здесь делать русскую культуру. Она здесь есть. Её берегут и тщательно заботятся, чтобы сохранить до лучших времен.

Масса книг – переизданий начала века, чтобы ничего не забыть, не оставить. Ещё в Москве я прочёл всего Бердяева, а эти вещи были изданы здесь.

Когда вы в ГУМе покупаете альбом Шалыпина или Рахманинова – это русская культура, не правда ли? А где они были записаны? Где-нибудь в Филадельфии? Недавно я был на двух грандиозных концертах Ростроповича. «Русскость» не определяется местом, она может быть и в Ташкенте, и в Париже.

На сегодняшний день я считаю, что Кабаков сделал ошибку, не решившись. Там он останется в основном художником-теоретиком. Кстати, именно это и произошло с Семёновым-Амурским. Он всю жизнь делал картинку с тетрадным листком и говорил: «У меня мону-ментальное мышление. Это заготовки, эскизы для фресок». То есть то, что он сделал бы, если бы был богатым и свободным. Фаворский сделал фрески – их сбили.

Выставка Семёнова-Амурского: все радуются – разрешили все работы кроме двух. Художник дожил до 75 лет, всю жизнь положил на искусство, и чтоб какая-то свинья (вижу рыло Халтурина) копалась, хрюкала и решала, что можно показать, а что нельзя?

Рядом (специально) с Альянс Франсез, куда я хожу ежедневно заниматься языком, открыта выставка Советского искусства. Собрали со всей империи – от Тбилиси до Таллинна. Смотреть не на что. Её и не смотрят, ни одного человека, сколько я ни заглядываю в окна.

Марина, какие ты «пинки» усмотрела в моих открытках? Когда я писал про Нину [Жилинскую], то имел в виду наш давний разговор с Борей Орловым, что вот Нина выставит свои вещи и думает: я лучше Чернова, я лучше Комова.

Всего вам хорошего. До свидания. Игорь. <...>

Шелковский – Сидоровым 22.01.77

Дубликат перехваченного дармоедами письма. Это письмо было написано на большом листе бумаге, одна сторона которого была заполнена рисунками.

Дорогой Алик, Лида!

Сразу же после телефонного разговора я зашёл в художественный магазин на набережной Сены и купил бумагу, точно такую же, какая у меня была в Москве. Она здесь стоит дешево, так же как и кисти. Может, и краски не так дороги, просто я ещё не в курсе дела, где, что и сколько стоит.

Здесь есть абсолютно всё. У меня глаза разбежались в этом магазинчике, можно стать художником от одного только вида всех этих вещей: холстиков на подрамниках, кисточек, баночек с гуашью, блокнотов. Бумаги, наверное, сортов 50 – от рисовой до толстого картона.

Сейчас у меня есть всё необходимое для работы, даже с избытком, поэтому пока ничего присылать не надо. Электродрелью пока не пользуюсь, уж очень большой шум она производит. Но ручной работаю почти ежедневно, так же как и рубанком. Приятно, что эти вещи, к которым я привык, сейчас со мной. Спасибо тебе, Алик. Начал одновременно несколько вещей (маленьких), сейчас подсчитал – оказалось 11. По идеям они повторяют московские работы с некоторым развитием.

Выставка здесь – не такая уж проблема, но все предупреждают, чтоб не торопился, что надо хорошо выбрать, где, у кого. Я и сам это знаю, поэтому не тороплюсь.

Всё моё время сейчас уходит на занятия в Альянс Франсез и на работу. И мой быт, как я его ни упрощал, тоже требует своих забот.

Алик, спасибо тебе за хлопоты с моими оставшимися работами. Я получил твой список где – что. Всё очень хорошо ты сделал. Но некоторые работы, неоконченные, надо будет уничтожить. Я потом напишу, какие. <...>

Вышел первый «Аполлон»¹⁸. Я его видел, но купить пока не могу – 350 франков. Издание шикарное, масса текстов, фотографий, неплохие репродукции. Хотя кое-что можно подвергнуть критике. Видел там напечатанной вещь Лимонова «Национальный герой», и по тем абзацам, которые я успел пробежать глазами, она мне очень понравилась.

Читал толстые журналы, например «Время и мы»¹⁹ – толстый журнал, издающийся в Израиле на русском языке. Читаю сейчас Зиновьева и восхищаюсь, до чего же он хорошо клеветает. Я хохочу на каждой странице, всё точь-в-точь. <...>

¹⁸ Альманах «Аполлон» («Аполлон-77») был издан в Париже в 1977 году Михаилом Шемякиным. В альманахе – произведения 55 авторов (среди которых Нина Воронель, Леонид Губанов, Виктор Кривулин, Слава Лён, Эдуард Лимонов, Владимир Марамзин, Всеволод Некрасов, Олег Прокофьев, Генрих Сапгир, Владимир Уфлянд, Игорь Холин, Алексей Цветков, Алексей Хвостенко), а также фотографии, цветные и чёрно-белые репродукции, манифесты и заставки.

¹⁹ «Время и мы» (1981–2001) – русский литературный и общественно-политический журнал. Выходил сначала в Тель-Авиве, с 1981 года – в Нью-Йорке. Учредитель и единственный сотрудник редакции – писатель и журналист Виктор Перельман (1929–2003).

Шаблавин – Шелковскому 13.01.77

Здравствуй, Игорь.

Хотел написать тебе письмо в прошлом году, сразу после того как виделся с Аликом [Сидоровым], но не смог – помешал переезд на новую квартиру, в район Речного вокзала, так что мы стали почти соседями. Квартира была без мебели (так мы сами захотели), поэтому наше устройство затянулось на полтора месяца, в течение которого мне пришлось заняться плотницкой работой. В комнате удалось сохранить больше свободного пространства и лучше развесить картины. Перевёз я только картины последних 2-х лет (в основном круглые), а остальные частью перевёз к своим и Олиным родителям, а часть просто раздарил. Заодно я избавился и от ненужных книг (а таких оказалось немало), оставив только альбомы с репродукциями и философию. Надеюсь, что такое частичное вещественное очищение благоприятно отразится на живописи. Кроме того, меньше хлопот будет при переездах (в этой квартире мы будем жить 2-3 года).

Из-за летних каникул и переезда живописью я не занимался 3 месяца, и это не замедлило отразиться на первых после переезда результатах. Создалось впечатление, что меня отнесло в технике и свободе письма на несколько месяцев назад, так что весь декабрь я лишь пытался восстановить утраченное. Сейчас, правда, дела несколько продвинулись, я написал по летним рисункам 2 картины и окончил круг, начатый ещё летом.

Меня сейчас всё более занимает и поглощает пространство круглой картины, реализуемой в виде проекции на выпуклую и вогнутую поверхность шара, на пространственный конус <...> и на эллипс. Иными словами, мне хочется реализовать охватывающее нас замкнутое, криволинейное пространство с единым визуальным центром. В последней круглой картине, на которой изображены море и облака в утреннем свете (изогнутые, согласно сферической проекции), как мне кажется, уже возникает эффект преодоления зрительного притяжения к плоскости земной поверхности (в картинке её практически нет) и ощущение пространственного полёта.

Голова у меня сейчас заполнена множеством замыслов, так что я буду чрезвычайно рад, если мне удастся осуществить в этом году часть из них и продвинуться немного вперёд. <...>

Видно, уже накопилась некоторая усталость. Вижу я с другими художниками довольно редко, не хватает времени. Время от времени заезжаем к Эрику [Булатову] и Олегу [Васильеву], говорить с ними всегда очень интересно. Они живо интересуются тем, что я делаю, и их оценки всегда глубоки и полезны. Побывал я у Бори Орлова, его последние скульптуры с элементами сферичности мне интересны и ближе остальных работ, но темперамент его допускает много случайных и игровых движений, которые, на мой взгляд, мешают ему сконцентрироваться на пространственных проблемах. Видимо, у него ещё всё впереди. Общение с остальными носит, скорее, светский характер – обмен новостями и т. д.

Игорь, очень буду рад, если ты напишешь о своей жизни в Париже. Твои впечатления о городе, художниках, музеях, течениях в искусстве – всё очень интересно.

Есть ли аналоги моему творчеству? Чем ты занимаешься? Есть ли близкие тебе художники? Одним словом, жду ответа. <...>

Жму руку. Серёжа Шаблавин

Герловины – Шелковскому 03.02.77, Москва

Милый Игорь!

<...> Большое тебе спасибо за всё. С одной стороны, нам очень приятно, но с другой – стыдно, что доставили столько хлопот в общении наверняка не с самыми доброжелательными людьми. Мы удивлены, что твои работы не взяли в Лондон. Это свидетельствует только об их глупости, но для тебя это может быть и к лучшему (впрочем, здесь сидя, мы ничего не можем утверждать наверное). <...>

Горкомовская выставка²⁰, открывшаяся недавно в самом помещении Горкома, произвела на нас впечатление убогости. Завешены все тесные коридоры и лестницы. Преобладает религиозный сюрреализм. Это нам показалось особенно ложным и спекулятивным, а в силу этого бездуховным и безбожным. Это расширенная [неразборчиво] выставка, как всегда бывает в этих случаях, к кормилу подобралась люди наименее нравственные, т. к. иные или не способны к борьбе за власть, или вообще не совмещают её со своими экзистенциальными принципами. Нам понравилась только 1 работа – натюрморт В. Яковлева. Плавинский выставил огромный деревянный крест, окаймлённый вырезанными на церковнославянском яз. письме-нами, – вещь, как нам показалось, откровенно спекулятивная. Использование религиозных символов должно быть особенно осторожным и «выстраданным». На выставке представлены работы Краснопевцева, Харитонова, Кандаурова, Нагапетяна, Куркина, Линицкого. Янкилевский и Штейнберг от выставки отказались. Концептуалистов не взяли.

Часто видимся с Аликом [Сидоровым], перезваниваемся с Мариной [Романовской]. Ты нас всех здесь сплачиваешь незримо.

Спасибо тебе за прекрасную книгу о ящиках и заботливые комментарии на полях.

Обнимаем. Твои друзья Герловины

²⁰ В январе – феврале 1977 года в помещении Горкома графиков на Малой Грузинской улице, 28, в Москве проходила первая выставка живописной секции Горкома, в которой приняли участие 175 художников.

Сидоров – Шелковскому 07.02.77

<...> Только что от меня ушёл Иван [Чуйков], говорили о выставке (в Москве сейчас такая же выставка, как в прошлом году на ВДНХ), но я о ней сейчас писать тебе не буду, надеюсь, что это лучше сделают Герловины или Иван. Мне выставка не понравилась, но тут чувства сложные, так просто не напишешь. Много говорят о Лондонской выставке²¹, но толком никто ничего не знает.

Был недавно у Фёд. Вас. [Семёнова-Амурского]. Как я и предполагал (а это совсем не трудно и большого ума здесь не нужно), его надули с покупкой картин: на обсуждении наобещали, а потом отказались от своих обещаний и ничего не купили. Меня поражает и огорчает его трусливая безалаберность (других слов я подобрать не могу). Он никак не хочет всерьёз позаботиться о будущем своих работ и архива. Нет у него никакого завещания, никаких распоряжений, да и этого было бы мало, т. к. необходимо сейчас, пока ещё есть силы и здравый смысл (впрочем, в последнем я уже не уверен), пристроить и рассредоточить свои работы. Иначе, оставленные на авось и на «доброе дядю», они сгниют у родственников на чердаке или в московских подвалах. Другого здесь быть не может. Игорь, я совершенно не компетентен в этих делах и, может быть, предлагаю глупость (но глупым я быть не боюсь), а вот другой страх заставляет меня думать о делах, собственно меня и не касающихся, но касающихся всех нас. Речь ведь идёт не о пустяках, поэтому отнесись к этому серьёзно. Проблема такова: есть ли реальная возможность пристроить (даже бесплатно, в порядке дара) несколько его работ в тамошних музеях и в частных галереях (исключая, конечно, Глезера!). Это был бы верный шанс, во-первых, сохранить надёжно некоторое количество его работ, во-вторых, и это тоже немаловажно, показать его широкой публике. Это тонкая и деликатная проблема, и она требует всестороннего обсуждения. Ф. В., в принципе, не против, но это пока – на уровне абстрактных проектов. Боюсь, что когда дойдёт до дела, трусость возьмёт своё (она всегда берёт своё). Но я немного надеюсь на некоторое своё влияние, которое я, кажется, имею на него. Повторяю, что дело это очень тонкое и сложное и, вероятно, я изложил его слишком общо, поспешно и невразумительно, но уверен, что ты поймёшь и с полуслова. Если ты поддержишь мою идею, а она вполне выполнима – напиши мне об этом подробнее. <...>

²¹ «Unofficial Art from the Soviet Union». Institute of Contemporary Art, Лондон (при содействии «Музея русского искусства в изгнании». Монжерон, Франция).

Есян – Шелковскому 02.77

Игорь, родной!

Два вечера – омаж тебе с Жаком [Мелконяном], Ваней Ч. [Чуйковым] и Аликом [Сидоровым]. Все 4 открытки и письмо я получил. Очень грущу без тебя на Сретенке. Здесь уже зима и зимние выпивки. Жак очень мил, полон симпатии к тебе и считает, что ты не должен связываться с коммерч. галереями. Я в этом не понимаю, но думаю, что его надо слушать. Видел ли Андрея Bogis. [Накова]? О своём существовании писать не хочется – оно паскудно.

Вера тебя целует, пиши нам, я полагаю, что увидимся скоро.

Твой любящий тебя S.

Шелковский – Щенникову 12.02.77

Дорогой Алик!

Меня никак нельзя упрекнуть в том, что я ничего не пишу, я послал уже больше сотни писем и трачу на письма много времени, которое сейчас для меня особенно дорого.

Вообще все не пишущие отсюда разделяются на две категории: первая – таких большинство – от того, что нечем похвастаться, вторая, меньшая, от того, что не хотят хвастаться. Те, кто уехал сюда ради шикарной жизни, быстро убеждаются, что променяли шило на мыло, потому что первые годы для всех эмигрантов очень трудные во всех отношениях. Уехавшие иногда попадают, на первых порах, в условия хуже прежних. В Австрии они живут в отеле, похожем на коммунальную квартиру с общей кухней, ванной и туалетом. О чём в Москве никто не знает – то, что Запад так же неодинаков, как и Восток. Германия, Швейцария – очень богатые страны, Австрия может быть менее, но выглядит более добротной и изобильной в сравнении с Францией. Париж более скромный город в сравнении с раззолоченным Цюрихом, но его прелесть и очарование – в другом.

Все европейские страны не принимают эмигрантов, попасть сюда из Вены очень трудно (хотя не невозможно). Обычно все эмигранты (кроме направляющихся в Израиль) едут в Америку, некоторые в Канаду и Австралию – страны открытые для эмиграции. Легче и солиднее остальных устраиваются люди технических профессий, они первыми получают все необходимые документы для въезда в эти страны. В Америке очень высокий уровень жизни и те, кто живёт на средства от благотворительных фондов, только по сравнению с остальными (я так предполагаю) выглядят бедными, по московским же нормам они живут вполне и вполне нормально. Лишь психологические причины, неспособность видеть всё иначе, как в чёрном свете, вызывают такие письма, как у Лимонова. У него это всё ещё усугублено личной драмой – жена ушла.

По моему уровню жизни сейчас я занимаю, наверное, низшую ступень. Тем не менее я живу лучше, чем в Москве, я могу покупать очень хорошие продукты (зелень, творог, например) в магазинах или на базаре рядом с домом и безо всяких очередей. Стоит всё это очень дёшево, а на рынках ещё дешевле (вспоминаю наш Центральный). Вегетарианцем быть здесь гораздо легче (трудно приходится на частых званых обедах).

В каждой комнате, заполненной мебелью, можно наткаться на углы, но в своей, обжитой, мы можем ходить хоть с закрытыми глазами, а в новой – мебель расставлена по-новому. Кто жалуется на дорогие квартиры, забывают про дешёвую еду и одежду. Бутылка столового вина здесь стоит как 2-3 билета на метро (кстати, бутылки таковы, что когда выпьешь вино, становятся мягкими – скомкал, выбросил; не все, конечно, есть и стеклянные). <...>

Шелковский – Сидорову 14.02.77

Дорогой Алик,

<...> Моя жизнь без особых перемен. Курсы, работа дома и переписка, уже слегка изнуряющая меня, хоть заводи письмоводительскую контору.

С Фёд. Вас. всё очень сложно. Я ему говорил это уже давно, что самый главный враг художника Семёнова-Амурского – человек Семёнов-Амурский. Можешь ему это напомнить. Трусостью и юродством он давно уже прославился, и теперь его заботы, чтобы ещё упрочить эту репутацию (тоже способ самоутверждения). [неразборчиво] ведь понимаешь, что в вопросе устройства его выставки здесь в какой-либо частной галерее (здесь только частные) на официальные московские каналы надежды нет и быть не может. Легче верблюду пролезть в игольное ушко. В то же время на все остальные способы он никогда не согласится по своей принципиальной боязни или будет долго тянуть и откажется в решительный момент. В музеях здесь висит то, что проходит через галереи, так же как картина без рамы ещё не картина, так же художник, не показанный галереей, ещё не художник. Знакомство широкой публики с художником происходит через галерею, которая его преподносит, представляет. Сейчас здесь галерея Верни прекрасно представляет Парижу Лиду Мастеркову²². Но все галереи имеют коммерческую основу. Обычно художник получает 30% от стоимости своих вещей. На удачной выставке продаются все вещи, которые после этого попадают в руки более или менее известных коллекционеров. Те в свою очередь могут их экспортировать, продавать, репродуцировать и пр. Музеи обычно пополняются за счёт преподнесённых в дар коллекций.

Если бы у меня здесь сейчас было бы 100 или 200 его работ, я мог бы попытаться заинтересовать ими некоторые галереи (хотя я здесь пока ещё как в потемках, несмотря на 4 месяца). Другой способ – направить, дать его адрес кому-то едущему в Москву, тому, кто мог бы из корыстных (т. е. деловых) соображений заинтересоваться и всё это устроить. Но пока я таких людей не знаю и не знаю, как их найти. К тому же при характере Фёд. Вас. – смесь трусости и гордости – мне эта затея кажется ещё более безнадёжной.

В художественном плане выставка была бы вполне возможна и при соответствующей подготовке имела бы большой успех. Вызвала бы ряд других выставок, в других странах.

<...>

²² Л. Мастеркова. «Adeu a la Russe». Галерея Дины Верни (25 января – 25 февраля 1977 года).

Герловины – Шелковскому 12.03.77, Москва

Милый Игорь!

Мы все встревожены осложнением с нашей перепиской, постараемся посылать только с оказией. Твои письма, как ты хотел, ходят по рукам и восхищают всех изысканностью стиля и доселе скрываемым литературным талантом. Получил ли ты наше последнее письмо (наблюдение с ностальгическими картинками)?

Немного расскажу о состоянии «умов в России». Смутные времена!!! Все встревожены и возбуждены, слушают голоса. Разговоры во всех кругах вертятся или сознательно не вертятся (из-за страха) вокруг одного и того же. У нас тут прошла волна взрывов и пожаров, все ломают голову, кто же автор. Надеюсь, ты обо всём осведомлён, обо всём, что происходит в метрополии. Вообще же психическая атмосфера с тех пор, как ты уехал, изменилась, пройдя определённый цикл. Весной 76 г. мы все переживали некую умиротворённость, обусловленную как творческими успехами, так и относительной устойчивостью внешних условий (сначала чтения, потом выставка)²³. Была большая потребность в общении. В конце года обстановка накалилась, все были на взводе, готовые на диссидентские свершения в художественной жизни. Мы все возбуждённо обсуждали этот вопрос почти ежедневно. Постепенно пыл спал, сначала Лёня [Соков], потом Ваня [Чуйков] отказались. А сейчас это кажется просто невероятным. Мы переживаем состояние перелома, но в какую сторону? (Только что по Би-би-си была передача о китайской астрологии – этот год (77) считается годом мудрости и осторожности.) Все описанные ощущения ни в коем случае нельзя принимать за панику или страх – наоборот, это скорее вызревание решительности, накапливание сил (сейчас я говорю не о личной судьбе, а об общем состоянии).

Проблема отъезда для нас с Валерой по-прежнему остаётся открытой (положение осложнилось ещё и семейным несчастьем). Умственным напряжением этого вопроса не решить, всё придёт естественным путём, посторонние советы при этом излишни – у каждого свой личный путь. Сходное состояние переживают здесь многие (особенно в этом смысле нам близки эстонские художники). Мы часто видимся с Олегом Я. [Яковлевым], он и делами и помыслами давно в Париже. Скоро вы увидите. Комар и Меламид тоже подали заявления и ждут разрешения. <...>

Римма и Валерий

²³ Имеется в виду выставка, проходившая в мастерской Л. Сокова весной 1976 года, в которой участвовали И. Шелковский, И. Чуйков, С. Шаблавин, Р. и В. Герловины, А. Юликов и Л. Соков. В силу сложившейся традиции или, скорее, единственной возможности новости передавались из уст в уста: в первый же день выставку посетило огромное количество зрителей.

Шелковский – Чуйкову 13.02.77

<...> Дорогой Иван!

Ты молодец, что прислал свои слайды. Это именно то, о чём хотел просить тебя.

При встречах, разговорах я показываю все фотографии, которые у меня есть, но этого мало. Во время выставки нужно было заснять все стенды, как они есть. Никто этого не сделал. В основном все авторы на фоне экспонатов. Пока что все, кому я показываю и рассказываю о нашей выставке, озадачиваются. Они не хвалят – это хорошо, а именно озадачиваются, недоумевают. Здесь всё ещё абстрактная рутина, опостылевший сюрреализм (иногда я хожу и тихо ругаюсь: Париж – большая деревня). Но у Парижа два ценных качества. Он снимает чувство неполноценности и даёт возможности, надежды.

В прошлом письме я ругался на здешний круг художников – корзина с крабами. Но ведь, наверное, это всегда и везде так. Вспомни, как мы семеро на нашей простенькой и некоммерческой выставке разругались в пух и прах. Здесь же условия гораздо сложнее. Так или иначе, но на выставку в Лондон меня не пропустил «художественный совет» (кажется, Шемякин – Глезер). С Ж. [Мелконяном] я виделся на днях, он мне прислал контракт на год, но я его не могу подписать, потому что условия для меня неприемлемы.

Иван, та моя работа, которая у тебя, пусть будет у тебя навсегда. Но я не успел проделать одной чисто технической процедуры. Я её покрыл воском, и она сейчас, наверное, липкая и неприятная. Нужно развести в воде поливинилацетатные белила (до густоты сливок) и кистью или флейцем покрыть всю поверхность. Когда совсем высохнет, нужно протереть все выступающие части сухой тряпкой, чтобы слегка блестели. Если будет полчаса времени, то сделай это. И скажи также Алику [Сидорову], чтобы сделал это с аналогичными работами.

Моя жизнь здесь пока без особых перемен. Но всё-таки я счастлив, что живу здесь. Здесь у меня постоянное ощущение лёгкости, свободы. Французы всё-таки удивительно свободолюбивая нация. Каждый ценит собственную свободу и признаёт полную свободу другого. Это ощущается везде, повседневно, на улицах в учреждениях, метро. Здесь и уличное движение строится совсем по-другому. Машины всегда уступают дороге.

В полночь, когда диктор говорит, что передачи заканчиваются, следующая передача в 7 часов утра, я машинально дёргаюсь по привычке, боясь услышать опостылевшее «нас вырастил Сталин на верность народу», но из приёмника возникают совсем другие звуки, закипает вольнолюбивая Марсельеза. Я всегда счастлив в этот момент.

Передавай большой привет всем нашим общим знакомым. Желаю тебе много и хорошо работать. Обнимаю вас всех троих и целую!

Игорь.

Nicole N. – Шелковскому 15.02.77

Дорогой Игорь!

<...> У меня с таможей были неприятности. Открыли чемодан и сумки и всё проверили тщательно. Забрали мои советские деньги и твои письма. Слава богу, они не догадались распаковать книги, и их не нашли. Я просто ответила, что забыла, что находится в этих пакетах! Меня держали очень долго, потому что после чтения писем начался допрос: кто пишет эти письма, кто передал, какие у меня знакомые в Москве и т. д. Они были ужасные, вели себя по-хамски, и я очень расстроилась. Я, конечно, не ответила на вопросы, но я боюсь за твоих друзей. Марина точно знает, что её телефон подслушивают (есть автомат, который включается, когда говорят одно имя или фамилию). Они с Аликом много говорили о моём приезде последние 2 дня и это, наверное, объясняет этот «обыск». Я тебя прошу, будь осторожным в твоих письмах ради своих друзей (Марина не получила твоё письмо). Едкий стиль им не нравится, даже если содержание не особенное.

Сегодня я рассказала много о тебе, о твоей жизни. Они очень ждали эти новости, и мне было грустно из-за моей глупости: надо было их [письма] спрятать на себе.

Если твои друзья не получают эти письма по почте, ты можешь их переписать, но послать по дипломатической почте этой девушке «Франсуаз», которая работает в Москве. Она передаст Серёже. На конверте написать фамилию потом <...> наклеить марку в 1 франк.

Марина была грустна из-за того, что не написал ей. Она думает, что ты уже забыл друзей в Москве. Она хотела знать, спрашивал ли ты о них или нет.

Алик звонил в Париж всё время из мастерской, они, наверное, уже знают, кому он звонил, и поэтому уже начинаются проблемы. Марина просит, чтобы ты звонил Жанно. Она хочет, чтобы её пригласили в Париж. Только он может это сделать, но надо его уговорить.

У меня ужасное настроение. Меня тошнит здесь от всего, что вижу вокруг себя, и снова меня захватывает этот непонятный страх. Можно только вспоминать каникулы в Париже!

Не расстраивайся из-за письма, ничего опасного нет! Только не забывай, что твои друзья находятся в напряжённом состоянии и нельзя шутить с этим.

Извини за ошибки <...>

Nicole

Соков – Шелковскому 17.02.77

Дорогой Игорь, здравствуй!

Давно получил твою открытку – очень благодарен. И по открытке и по рассказам тех, кто приезжает, понятно, что дела твои в порядке. Помогай тебе Бог.

Естественно, много разговоров о парижской [«La Peinture russe contemporaine»] и, сейчас уже, о лондонской выставке [«Unofficial Art from the Soviet Union»]. У меня есть каталог парижской – впечатление не из лучших. Свирепствует «патриотический сюрреализм».

Саша Косолапов пишет, Вы, вероятно, с ним переписываетесь. У него не так уж и всё плохо.

Наша худ. жизнь (если это можно так назвать) течёт медленно. Недавно организовал выставку Горком [Горком художников графиков]. Этой выставкой они «сняли с себя личину». Убого.

Вчера звонил Серёже Есяяну – сильное недомогание – умерла мама. Все потихоньку скрипят. Вижу Герловиных, они продолжают в том же духе. С Ваней [Чуйковым] иногда видимся. Эрнст Н. [Неизвестный] там, видно, устроился, как и здесь – богато. Делает в Нью-Йорке огромный монумент.

Я работаю. Сделал несколько [работ] из плексигласа и из пластмассы – хорошие материалы и работы пока удовлетворяют. Да ещё выковал 3,90, ушло много сил. У меня всё по-старому. Иногда нападает жуткое отчаянье – потому что моя ситуация превращается в бесконечность. Ладно – каждому Бог даёт столько, сколько он может вынести. Игорь, как ты посмотришь на то, что некоторые небольшие работы могут оказаться у тебя, – напиши. Желаю счастья и много хорошего.

Лёня

Косолапов – Шелковскому 02.03.77

Здравствуй, дорогой Игорь!

Спасибо тебе за письмецо, которое мы получили уже на новой квартире.

Мы переехали в район, где я снял мастерскую. Полтора месяца ушло на переезды и обживание. Сейчас как будто всё улеглось, и я начинаю работать. Купил глины полтонны – уже влажной, готовой для работы. Купил немного гипса. Все эти вещи меня радуют как родные и давно знакомые люди. И мастерская моя поэтому для меня место морального отдыха. О проблемах с материалами не буду говорить – все трудности ты и сам знаешь. Хочу лишь сказать, что меня заинтересовали сейчас гипс, мраморная пыль (наполнитель, могущий дать в гипсе и цементе интересные результаты), цементы. Сейчас я и настроен сделать пробы этих материалов. Попробую заняться и выковкой металла в листах по цементной форме.

Вчера были с Вагричем Бахчаняном, ты, может, слышал – это художник, работавший в Литгазете и друг Булатова, на биеннале в музее Уитни. Выставка расстроила, по идее организаторов она должна демонстрировать все лучшее за 2 года в американском искусстве, разные концепты, в целом скучно, легковесно, по содержанию тщедушно.

К примеру, представлены гвозди, которыми прибил себя художник. Так и лежат в прозрачной коробочке – смотрите и любуйтесь, рядом надпись: из коллекции Джаспера Джонса. Продали, небось, за пару центов – важна реклама.

Впрочем, «Нью-Йорк Таймс»²⁴ дала ругательную рецензию на эту выставку. Пресса здесь никого не щадит. Дорогой Игорь! Большой тебе поклон от Люды. Пиши нам. Что интересного происходит в Париже, что делаешь сам, как живут художники. Вопросов много, и взаимная информация полезна. Если тебе что-нибудь нужно и мы в состоянии помочь, не стесняйся, сообщи. Твои Люда и Саша.

²⁴ «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times) – американская ежедневная газета, публикуемая в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 года, одна из влиятельнейших газет мира.

Шелковский – Костаки 20.03.77

Дорогой Георгий Дионисович!

Большое спасибо за деньги, я их получил, и для меня сейчас это очень своевременно.

Я работаю и начинаю входить в курс здешней жизни. Никакой тоски, тем более ностальгии, которой мы так остерегаемся в Москве, пока и в помине нет. Здесь так много интересного, что совсем не до ностальгии. Открылся новый музей Modern Art. Там есть и русский авангард 20-х годов. В том числе (временно) из запасов Третьяковки. Надо жить во Франции, чтобы иметь возможность увидеть то, что прячется в России.

С грустью узналось, что вы скоро покидаете Москву. Я понимаю необходимость и неизбежность этого, но всё-таки Ваше отсутствие там будет невосполнимо. Ваш дом, Ваша коллекция были как оазис среди пустыни.

Я всё-таки верю, что всё, что там сейчас происходит, когда-нибудь кончится. Тогда будет всё по-другому, Ваши труды не пропадут даром, мы ещё увидим музей Вашего имени. Желаю Вам хорошего здоровья.

Щенников – Шелковскому 03.77

Игорь, здравствуй. Совсем отчаялся дописаться до тебя по почте. Три письма в ответ на № 8 ушли без ответа от тебя. У меня началась война с ГБ. Увезли меня на машине в лес и требовали работать на них. Я отказался. Тогда «объявили войну», мне грозили, говорили, что «пожалеею очень». И вот уж после этого ничего не осталось, как попросить вызов из-за границы. Даже несмотря на реакцию матери. А тут ещё и Серёжу [Есяяна] проводили. Состояние было ужасное. Оно и сейчас не лучше. Что делать? Как быть с матерью? А как быть с отъездом? Да и что ждёт нас там? Белле – 50. Игорю – 15. Да и потяну ли в тех условиях за троих? Даже ехать куда, и то не решились. То ли Израиль, то ли Штаты, или Франция, или Австрия, наконец? Я, кроме польского, не знаю никакого, Игорь да Белла немного английский. Вот и всё. А при моём комплексе совсем уж кажусь беспомощным. Но и здесь всё уж неумолимо. Кошмар сплошной. Что ты можешь нам посоветовать? <...>

Милый Игорёк! Я не ждала, что Алик напишет такое отчаянное письмо. Вообще-то он держится бодро, даже сделал довольно много интересных работ – графики. Он просил Алика С. [Сидорова] их сфотографировать и послать тебе, но, видимо, как-то это всё пропало. У нас теперь на улице [М. Грузинская, 28 – Горком графиков] часто выставляют – была интересная выставка «20»²⁵ – ты о них, может быть, слышал. Перед этим была выставка графики, и на неё взяли три Аликовых работы. Вообще, интерес к этим выставкам огромен – часами стоят на холоде, почти без надежды попасть. Я тоже выставляюсь среди художников-педагогов во Дворце, но, разумеется, это не идёт ни в какое сравнение с тем, что происходит на Западе. Там наша стряпня может показаться устарелой и смешной. Недавно на Кузнецком была выставка Романовской, её мужа, и вообще «левого МОСХа». Интерес к выставке тоже был большой, но, к сожалению, много дряни нанесли в книгу отзывов. <...>

Пиши. Ты знаешь, что для нас вести от тебя. Целую. Белла.

²⁵ «Двадцать московских художников» («Двадцатка», «20»; 1978–1988) – группа московских художников. Лидер группы – Корюн Нагапетян. В первый состав «Двадцатки» вошли: С. Блезе, В. Глухов, Д. Гордеев, Т. Глытнева, В. Линицкий, А. Лепин, К. Нагапетян, В. Провоторов, Владимир Петров-Гладкий (ст.), Вячеслав Петров-Гладкий (мл.), Н. Румянцев, И. Снегур, М. Стерлигова, В. Савельев, Н. Смирнов, С. Симаков, В. Скобелев, В. Сазонов, А. Туманов, С. Шаров. Всего состоялось десять выставок.

Шелковский – Орловым 03.04.77

Дорогой мой Боря! Дорогая Люся! Здравствуйте!

<...> Итак, Боря, отвечаю на твои вопросы. Я не считаю ошибкой всё то, что я делал в Москве в последние годы. Приехав в Париж, я не почувствовал никакой художественной неполноценности, хотя я ставлю это не в заслугу себе, а в вину Парижу. Больше того, все мои последние работы (в фотографиях) здесь никому не нравятся, и это меня радует.

(А как иначе: прибежал, увидел – все бегут в другую сторону; скорее догонять, что ли?)

Наверное, Париж в принципе тоже провинциален сейчас. Но здесь есть невероятное разнообразие, всё открыто, доступно. И самое главное – здесь другой строй и совсем другое отношение к художникам. В Москве каждый из нас как закупоренный, мы почти не знаем, что делается рядом. Какое уж тут самосознание. Наверное, искусство – это всё вместе, в совокупности, все направления. Каждое направление как ветка на дереве. Они и должны быть направлены в разные стороны и противоположные друг другу, иначе дерево было бы однобоким. А так они уравнивают сами себя. Более поздние ветки повторяют направления более старых. А ствол, их объединяющий, – один. В Москве по провинциальности набрасываются на каждое новое ответвление, но оно, конечно, и чем дальше, тем слабее. Лишь то, что вверх, в центре, – всегда растёт. Мне всегда хотелось дорваться до самого нового, до самого современного. Посмотреть, пощупать, узнать, потом отойти в сторону и заняться своим делом, но уже со спокойной душой. Новое часто бывает внешним или эрзацем. <...>

Боря. Я не теряю внутреннюю связь ни с кем из вас. Мне непонятно, почему Слава [Лебедев] не ответил на моё письмо. Ты мне обещал прислать фотографии. Где ж они?

Ещё один ответ на твой вопрос. Ты спрашиваешь, как выглядят русские на фоне западного искусства (на выставках нонконформистов). Провинциально, запоздало и бедновато. Работы старые, далеко не лучшие, в основном социально-критического направления, современные передвижники. В то же время, если бы собрать действительно всё лучшее, что есть сейчас в Москве, – прозвучало бы, и очень.

В Москве мы все работаем как любители, для себя. Сделал одну картинку – показал друзьям, люблюсь сам. Зачем делать вторую такую же. А здесь всё, что делает художник, сразу же покупается, уходит от него, он остаётся ни с чем. Надо делать новое. Поэтому художники делают здесь в 50 раз больше, чем в Москве. А поскольку даже при повторении одной и той же идеи что-то меняется, то художник обогащается находками. Развивается.

Польза от знания языка: прочитал высказывание Пикабия: чтобы идеи были чистыми, их нужно менять, как рубашки.

Живу я здесь так же, как в Москве, примерно с тем же распорядком дня. Встаю, пью чай и т. д. Пока более стеснённо. Пишите мне обо всём, что происходит, что сделали. Я уже несколько месяцев не получал ничьих писем, только Лёнины. Все ли мои открытки получил? Будьте счастливы, обнимаю вас, Игорь.

Косолапов – Шелковскому 06.04.77

Здравствуй, дорогой Игорь!

<...> Проблемы с мастерской, материалами сложны. Я понимаю. Но постепенно, не сразу, наладится, и я тому вещественный пример. У нас всё хорошо. Много работаем. Мастерская постепенно образуется, и сейчас я уже по инструментам богаче, чем когда-либо был. Всё придёт. Сейчас делаю ряд композиций – увеличиваю эскизы. Материалы: дерево, гипс. Возможно, это промежуточные материалы. Но в гипсе мне работать легче – его можно обрабатывать на всех стадиях и легче набирать из него объёмы. Подрабатываю сейчас у Эрнста Неизвестного, который делает огромные статуи. Для меня это приятно, т. к. любую профессиональную работу люблю. Вот и все наши новости. Получили из Москвы много писем от ребят.

Настроение паршивое. Там, в Москве, как мне представляется, бегство повальное. Давят всё сильнее. Лёнька Соков хочет уехать, но проблема с вызовами. Все мои усилия без результата.

Ну, вот и всё, Игорь! Большой поклон тебе от Люды. Ещё раз от всей души поздравляем тебя.

Твои Люда, Саша

Соков – Шелковскому 28.04.77

Дорогой Игорь!

Я давно ответил на твою открытку и, не дождавись твоего письма, не знаю превратности ли почты или твоя занятость тому виной, решил написать ещё письмо. От Саши Косолапова получил письмо, он пишет, что у тебя дела идут хорошо и что у тебя купили работу. Поверь мне, что я очень рад за тебя. Для нас-то давно было ясно, кто из себя что представляет, но когда видишь, как это претворяется в жизнь, то это вдвойне приятно. Ведь много дерьма в том же Париже плавает, и их покупают, и они в фаворе – но это же ничего не значит, когда видишь их работы. Поэтому радуюсь за тебя искренне.

У нас застой в выставочной деятельности. Люди, которые раньше надеялись найти выход через это, теперь отчаялись, видя тщетность этих попыток. Многие собираются ехать, и дела их в большей или меньшей степени продвинуты в этом направлении.

Я смотрю – наша выставка была очень своевременной и удачной. Делаются и сейчас выставки, но они гораздо слабее по идеям и очень уж провинциальны.

Мои дела по-старому. Иногда находит дикое отчаянье. Я предпринимал всё, что мог. Сейчас думаю искать какой-нибудь радикально другой способ. Ждать – это тоже не позиция. Можно прождать всю жизнь.

Видел недавно Серёжу Есяяна – пьяного. Ничего толком невозможно было понять. Костяки уезжает, ты, вероятно, слышал. Миша Рогинский передаёт тебе привет. Приходили ко мне соц-art, у них всё на колёсах. Вижу Ваню Ч. [Чуйкова] и Герлов [Герловиных].

С Эрнстом [Неизвестным] и Сашей Косолаповым поддерживаю связь постоянно. У Эрнста, как ты, вероятно, слышал, всё в лучшем виде. У Саши тоже неплохо.

Видел каталог выставки русских художников в Лондоне и «Аполлон». По-моему, тебе от них надо держаться подальше. Нельзя долгое время эксплуатировать идею, что ты русский. Да ты, наверно, сам там лучше видишь всё.

Если увидишь Эдика Зеленина, передавай ему от меня привет – он неплохой парень. Обнимаю.

Твой Лёня

Сидоров – Шелковскому 29.04.77

Игорь, милый! Я всё откладывал это письмо. Вот! Д. [Доменик] уезжает завтра, и осталась одна ночь. Не знаю, успею ли написать всё, что хотел. Боюсь, что когда я его прочитаю, то, как обычно, появится желание тут же разорвать – так всегда. Писем я писать не умею, чувствую свою закованность, а чтобы писать свободно, надо быть Ремизовым, не меньше. Кстати, только что прочитал чудесную его книгу – «Мышкина дудочка», если попадётся – непременно прочти.

Огромное спасибо за книги (правда, я получил не всё, что ты послал, но очень надеюсь, что когда-нибудь они до меня дойдут, особенно хотелось бы Зиновьева, хоть я его уже и читал, ещё в январе, но эту книгу можно и нужно перечитывать). И Миша [Утевский], и Алик [Щенников], и Ваня [Чуйков] – все довольны твоим выбором, и от всех тебе большое спасибо. Все твои просьбы непременно выполню. Русско-французского словаря у меня пока нет, но я уже заказал его во всех возможных местах и надеюсь скоро получить. Остальное днями вышлю почтой. Фразеологический уже послал (18 апр.). На днях получил твою последнюю открытку.

В этом месяце я не писал, т. к. был очень занят, но сейчас немного освободился и днями напишу большое письмо (после 6-го). Много работаю, а в свободное время занимаюсь живописью, ведь условия-то у меня идеальные: мастерская, краски, кисти и т. п. Желание тоже есть. Конечно, дилетантизм – страшная вещь, но ведь я не художник и ни на что не претендую. Если тебе интересно, я могу сфотографировать несколько работ и прислать, но надеюсь, ты не будешь слишком строг. Марина [Романовская] советует вступить в Горком, чтобы юридически закрепить мастерскую, но мне страшновато: такая акция с моей стороны (даже в случае успеха, на что я никак не могу рассчитывать) наложила бы на меня некоторые моральные обязательства, ведь никому не объяснишь, что я не считаю себя художником и поэтому имею право оставаться неумелым дилетантом. Для меня живопись – это только отдых и развлечение, и было бы кощунством называть себя художником. Может быть, ты мне что-нибудь посоветуешь? Мастерскую-то могут отобрать, и очень скоро. Уже звонили из фонда и интересовались: «кто там живёт»? Звонили Диме Сав. [Савицкому] из ОВИРа²⁶, спрашивали твой адрес: хотят написать тебе письмо. Дима сказал, что ничего не знает. По-моему – он ответил правильно.

<...>

Алик

²⁶ ОВИР – Отдел виз и регистрации. Подразделения, существовавшие в СССР и постсоветской России до 2005 года, ведавшие регистрацией иностранцев, прибывших в СССР и Россию, и оформлением выездных документов для советских и российских граждан.

Шелковский – Романовской и Шимесу 01.05.77

Дорогие Марина и Павел!

Пошёл в музей Modern Art, он оказался закрытым, и на обратной дороге попал под грозу. Промочил свой вельветовый пиджак, но зато и полюбовался вдоволь. На парижских широких просторах, около Сены это было особенно эффектно. Ярко-зелёные каштаны с чёрными стволами стали ещё зеленее. Машин очень мало по случаю выходного дня, небо фиолетовое, дома светло-серые. В мае даже такой казенный и безликий город, как Москва, бывает красив, а уж чего говорить про Париж. Здесь, наверное, в сто раз больше всякого изящества на душу населения. Не только в музеях, а скульптуры, ограды, сады, решётки – ничто не разрушалось.

В который раз столкнулся по дороге с соотечественниками. Общество большое и люди большие – одутловатые, бледные, со злыми глазами, боятся провокаций, напуганные. Соединения комплекса собственной неполноценности с агрессивностью.

Человечество совершенно запуталось в словах. Разнородные вещи называются одним и тем же словом, очень сходные по духу называются различными словами. Как придумываются эти клички, непонятно, неизвестно, что они означают. Если то, что здесь есть, называется капитализмом, то я бы выдвинул такой лозунг: «Да здравствует капитализм, светлое будущее всего человечества!»

Шелковский – Орлову 17.05.77

Дорогой Боря, получил быстрый ответ от тебя, наконец-то ты откликнулся. Рад за тебя, за Диму [Пригова], буду с нетерпением ждать фотографий. О своих делах ничего не пишу, потому что в принципе то же самое. Расспроси у Алика [Сидорова], он всё знает. День раздирается на лоскутки: на курсы, работа дома, бегаю по вернисажам, не успеваю посмотреть всё то, что надо посмотреть. Всю эту зиму проработал вопреки условиям, потому что подходящей мастерской у меня пока нет. Делаю почти то же, что и в Москве, у меня страстное желание восстановить тот мир, который меня окружал в Просвирином переулке. Выставляюсь. Не тороплюсь продавать работы: жалко, самому нужны. Совершенно с тобой согласен в отношении «Аполлона». Свобода требует ответственности, в искусстве тоже. Иначе получается голое самоутверждение. Кажется, в эмигрантской печати он получил резкую отрицательную оценку (не «шалость», а «гадость» и т. п.). Поздравь Славу [Лебедева] с его новым произведением! Обнимаю. Игорь

Шелковский – Герловиным 24.05.77

Дорогие Римма, Валерий!

Хотелось бы вам написать большое, спокойное, неторопливое письмо, но каждый день похож на чехарду, едва успеваю обегать все концы, повидаться с кем нужно, сделать необходимые дела, отстреляться письмами в Америку, в Японию и т. п. Сегодня отвёз рельеф на выставку «Молодая скульптура» в помещении Юнеско. Висит он теперь напротив фрески Пикассо. Скульптуры масса, заполнены все холлы и сад, громадные вещи из прекрасных материалов. А ведь это только одна из примерно 10 таких же по объёму весенних выставок (салонов). Ходил по солнцепёку, любовался на расставленные в саду вещи и, в конце концов, совсем потерял представление, что хорошо, что плохо, – всё нравится.

Сезанн когда-то предлагал устраивать ежегодно отстрел художников.

Спасибо вам за письма, они очень хорошие, и я их все получил и с ностальгическими картинками тоже. (Смотрю сейчас на второе письмо, на бланке – выставка Татлина с напечатанной сноской: «Просим опустить в ящик для отзывов»). Как это характерно: стали бояться даже заводить книгу для отзывов, стараются людей предельно разобщить. Ведь раньше часто эту книгу читали вслух – тоже своего рода Самиздат.) Да, я примерно так и представлял атмосферу в Москве сейчас. А что здесь? Вот сегодня была всеобщая забастовка: метро, автобусы, мусорщики, по радио лишь записи. Поезда в метрополитене, кажется, ходят, но каждый десятый. В сентябре в такой же день я попал в такой поезд. Вагон был набит, как в Москве на перегоне пл. Свердлова – Речной вокзал в 6 часов вечера.

Гошисты (от слова *gauche* – левый), кажется, весьма активны. От разговоров с некоторыми создается впечатление, что эта левизна из зависти (формула социальной жизни – богатые скучают, бедные завидуют). Наверное, отчасти из снобизма. Некоторым смутно мерещится какая-то ещё большая сексуальная свобода. (Хотя, куда уж больше. Май начался с недели гомосексуальных фильмов. Передачи по радио: национальная проблема – женский гомосексуализм. Как в анекдоте – нам бы ваши заботы.)

Париж красив необыкновенно, сейчас особенно. Только что прошла гроза с молниями.
<...>

Игорь

Шелковский – Чуйкову 25.05.77

Дорогой Иван!

<...> Все спрашивают в письмах, что я делаю, просят прислать фотографии. Можно сказать, что эта зима прошла для меня впустую. Мне было совсем не до искусства, не до работы. Чтобы работать, нужны хоть какие-то минимальные условия, нужна мастерская, материалы. Я же едва сводил концы с концами. Тот прожиточный минимум, который мне выплачивают, вполне достаточен для жизни, но никак не рассчитан на другие расходы, тем более на расходы, связанные с работой скульптора. Они сюда никак не укладываются.

Мне всё ещё трудно здесь ориентироваться. Я очень немного, но всё же надеялся на помощь некоторых здесь живущих людей, но она свелась лишь к просьбе информировать их о состоянии моих дел, т. е., другими словами, ты барахтайся, а мы посмотрим, выплывешь ты или нет. Зато это избавило меня от необходимости звонить, ходить на обеды. Появились другие знакомства. Один владелец галереи, парень лет 30, побывав у меня, повёл меня в магазин, купил мне два шикарных электроагрегата для обработки дерева (дерева у меня нет). А ведь он совсем не богат. У него небольшая галерея в хорошем месте, около центра Помпиду. Он устраивает различные авангардные выставки, но доходов с них не имеет никаких. Почти ничто не окупается. Чтобы содержать галерею, он работает сторожем в том самом центре Помпиду, проводя ночи среди Дюшанов и Пикаба. Он мне очень симпатичен, и у него можно сделать выставку, но все отговаривают: тебе это не даст денег.

В Москве мы все занимаемся чистым искусством, работая для себя, безо всякой корысти, важно выразить идею; третью, десятую работу такого же плана делать не хочется. Здесь же надо зарабатывать себе не хлеб. Обычный подход галерейщика к художнику примерно таков: «да, мне это нравится, таких ещё сорок штук». Это, конечно, не говорится, но подразумевается. Его можно понять, ему нужна торговля, галерея – это магазин, прежде всего.

Когда я говорил тебе про литографию, то имел в виду, что графику выставить гораздо легче, она быстрее продаётся, её легче транспортировать.

О том, что намечается, я написал в письме Алику С. [Сидорову]. Меня это очень и очень вдохновляет. Важно осуществить это наилучшим образом.

Что касается названия, то мне кажется, оно должно быть самым сухим и нейтральным, но мне кажется, не мешало бы иметь небольшую графическую эмблему, которая переходила бы из издания в издание. Нет ли каких идей на этот счёт? Мысленно я уже держу в руках это издание, пахнущее типографской краской. Я представляю всё до мельчайших деталей: цвет обложки, размер, характер шрифта, качество продукции. Как вы всё это представляете? Видели ли вы такое издание, как Шемякинский «Аполлон», «Третья волна»²⁷ или «Леонардо»²⁸? Мне хотелось бы, чтобы всё принципиально отличалось от них и в смысле полиграфическом, тем более что, кажется, к этому есть возможности. Издание должно быть изданием, т. е. вещью, к которой бы тянулся глаз, которую было бы приятно взять в руки и сейчас и через десять лет, которую хотелось бы иметь дома. Большинство западных журналов по искусству, наполовину забитых рекламой, поражают своей равнодушной казёнщиной. Как будто они рассчитаны только на то, что купил, полистал и шваркнул об асфальт. Хотелось бы знать твоё и других мнение по всем этим вопросам.

²⁷ «Третья волна» («3-я волна») – журнал, основанный в 1976 году при «Музее современного искусства в изгнании» в замке Монжерон около Парижа. Главный редактор А. Глезер, ответственный секретарь М. Муравник, заместитель главного редактора В. Юргенсон. Редакционная коллегия: Н. Боков, Н. Галацкая, Т. Паншина, М. Шемякин, Л. Юргенсон.

²⁸ «Леонардо» – международный научный журнал, посвящённый использованию современной науки и техники в области искусства и музыки и, шире, применению и влиянию искусства и гуманитарных наук на науку и технологии.

Ты, конечно, видел и знаешь малую серию Fernand Hazan'a²⁹. Что ты думаешь по этому поводу (это на дальнейшее)? Мне кажется, подобные вещи значительно важнее таких монументов, как «Аполлон», тем более что монументальность эта отчасти дутая.

Упор, наверное, надо делать всё-таки на материал изобразительный, а не литературный, искусствоведческий, иначе всё может быстро исчерпаться. Вспомни разговор при нашем первом посещении Риммы и Валерия [Герловиных]. Кроме того, недаром есть поговорка, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Репродукции можно было делать форматом в открытку и выпускать дополнительным тиражом, как почтовые открытки.

Видел ли ты открытки 30-х годов из Музея нового западного искусства с текстом на обороте?

У меня в Москве остались швейцарские журналы «Кунст нахрихтен»³⁰, посмотри их с целью прикидки.

Первый номер сделать будет не трудно, и он в любом случае будет иметь успех. Хотелось бы, чтобы 3, 4 и т. д. были ещё интереснее. Самое главное, на мой взгляд, чтобы этот журнал был интересен не узкому кругу лиц, а всем, даже людям всех возрастов, у всех вызывал определённый энтузиазм.

Я смотрел внимательно твои слайды, всё-таки с технической стороны они, наверное, не идеальны, на некоторых очень резкие тени, некоторые места затемнены. Желательно бы более отчётливо снять твой куб со знаком. Работы Риммы здесь пока никто не воспринимает как искусство. (Дина Верни: «ни к селу, ни к городу», «не из нашей оперы» и т. п.) Приведу такой пример. На выставке Дюшана стоят его почтенные шедевры: писсуар, чехол от пишущей машинки – всеми признанная классика. Но попробуй сунуться с подобными предметами в какую-нибудь галерею – на тебя посмотрят как на сумасшедшего. У меня большой расчёт на наше издание.

Перечитал это письмо – довольно мрачным оно получилось. На самом деле я не так уж пессимистичен. Начало лета, везде свежая зелень, напоминает немного наши ночные города. Солнце, небо, тепло, много всяких поющих птиц. Всё хорошо.

Обнимаю и целую тебя, Галю и Женьку. Ваш Игорь

²⁹ Имеются в виду миниатюрные издания по искусству, выпускаемые парижским издательством Fernand Hazan.

³⁰ Kunst Nachrichten («Новости искусства») – швейцарский академический журнал, посвящённый искусству.

Шелковский – Романовской 26.05.77

Марина, дорогая!

<...> Московская жизнь мне теперь вспоминается, как тихий отдых, приятное времяпрепровождение. Все московские художники – как узкий кружок любителей искусства, спокойно работающих в собственное удовольствие.

Господи, а как хорошо, наверное, где-нибудь в Вологде или Саратове, кружок ещё уже, ещё спокойнее. Один – обязательно местный гений, остальные – просто выдающиеся таланты. И жизнь полна, и солнце светит ярко, и пивной ларёк открыт.

Мне б кое-как проковылять пору пустынную,
пока не соберутся люди и предметы в общую гостиную.

В. Хлебников

Не дописал я этого письма, но ничего, потом ещё напишу. <...>

Шелковский – Сидорову 05.77

Дорогой Алик.

Наконец могу написать тебе письмо с вполне теперь уже сформулированными просьбами и пожеланиями. Открываются, как мне кажется, очень большие перспективы, о которых ты вскоре узнаешь, меня это очень и очень вдохновляет, потому что наконец-то я могу помочь тем, кто остался там. Наконец, от меня будет какая-то польза. И мне, и всем очень и очень нужно будет твоё активное сотрудничество.

Итак, основные положения, которые довожу до твоего сведения, а через тебя до сведения всех других наших общих знакомых, а также всех тех художников, которых я не знаю, но которых, может, знаешь ты или с которыми познакомишься.

Первое. Если будут желающие каким-то путём переслать мне (пока нет другого адреса) свои работы или документацию о своих или чужих работах, если они будут иметь к этому какую-то возможность, то я буду рад каждому такому предмету.

Например, Лёня С. [Соков] спрашивал меня об этом в своём письме, скажи ему да, да и да. И всем другим также. Чем больше будет здесь работ различных авторов, тем лучше будет для нашего общего дела.

Частные замечания: мне хотелось бы иметь здесь всю мою коллекцию (кроме работы Машкова. Работы Громова, Павла, Фёд. Вас., Бори): подумай, как бы это сделать, какой к этому может представиться случай.

Второе, основное. Для нашего дела нам нужно было бы иметь, по возможности, наибольшее количество слайдов с работ наибольшего количества авторов. Я думаю, что это, прежде всего, в интересах самих авторов. Потому что они смогут со временем иметь репродукции, например открытки с некоторых своих работ, поэтому они и должны позаботиться о возможно более полном представлении своего творчества и о наилучшем техническом качестве цветных слайдов. На них в основном лягут все расходы, связанные с этим. Организацией же всего этого дела, мне кажется, должны будут заняться ты, Иван [Чуйков], Римма и Валерий [Герловины]. Для начала хотелось бы иметь наиболее полную документацию о шести оставшихся участниках нашей прошлогодней выставки. У меня есть слайды Ивана, работы Риммы. Хорошо было бы иметь слайды с работ Серёжи Шаблавина (желательно с пейзажами), с работ Лёни Сокова (особенно цветных – «Медведица», «Ночь со звёздами», «Озеро Байкал» и др.). Затем слайды с последних работ Эрика Булатова, Олега Васильева, если можно, то, конечно, Кабакова, Серёжи Есаяна (убеди его не чураться компании), Бори Орлова, Димы Пригова, Славы Лебедева, Андрея Гросицкого, Громова и многих других, кого я, может быть, не знаю. Марина Романовская прислала очень интересный слайд: интерьер мастерской с новыми работами. Мне, например, очень хотелось бы иметь слайды с работ Семёнова-Амурского, не с тех замусоленных и бесконечно переделываемых, которыми он гордится, а с тех ярчайших малиново-зелёных, которые он прячет и не всегда показывает. Если бы тебе удалось этого добиться, а здесь только ты можешь это сделать, это было бы просто чудо. Я знаю, какой эффект может быть, какие искры могут высекаются от столкновения работы концептуальной с работой традиционно-живописной, например, в одном наборе открыток. Пусть вас, в первую очередь, может быть, Ивана, не смущает широта охвата, я вижу в этом жизненность этой идеи, а не беспринципность. Я здесь слегка насмотрелся, как заседает «художественный совет», имеющий критерии. Стоило ли уезжать из Москвы, от МОСХа – то же самое. Во всяком случае, чем больше будет материала, тем большая будет возможность выбора, ведь никакая выставка не состоит только из шедевров и из шедевров одного направления. Тем более что пока это будет только картотека, в дело пойдёт для начала лишь маленькая часть имеющегося материала, но картотека должна быть по возможности полной.

Это дело нужно начать немедленно, не откладывая нисколько, чем раньше, тем лучше. От тебя будет зависеть, кого и как ты сможешь деликатно убедить в необходимости этого. Я заранее согласен и с другой точкой зрения, но мне хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что многие подобные начинания захлебнулись именно в силу узкой групповщины. Желательно было бы собрать всё хорошее, что есть сейчас в Москве, независимо от всяких ярлыков: член МОСХа – не член, нонконформист или выставляется. Здесь могли бы, например, прозвучать и маленькие портреты Димы Жилинского, возможно, скульптуры Нины [Жилинской] в контрасте с совершенно противоположенными вещами.

У меня к тебе также просьба переслать стихи Димы Пригова, те, что были в мастерской, и всё то, новое, что он написал. Надо открыть зелёный свет для всего литературного материала, который возможно будет заполучить, начиная со стихов, кончая критическими статьями по искусству, всё пойдёт в дело.

Чем результативнее количественно будут первые шаги, тем лучше, поскольку потом, с распространением сведений об этом, начнутся всяческие противодействия.

Начните энергично и без шума, не посвящая никого из посторонних, безо всяких громких лозунгов, думая только о деле.

Обдумайте все детали, обговорите их, начиная с возможных вариантов названия, количества и качества пояснительного текста и пр. и пр.

Мне кажется, что цветная открытка, как наиболее простейший, дешёвый и дающий всё же максимум информации вид репродуцирования, может быть очень эффективно использована для популяризации художников, для распространения сведений об их исканиях, для информации Запада о процессах, происходящих на Востоке.

Косолапов – Шелковскому 21.07.77

Здравствуй, дорогой Игорь!

<...> относительно твоего предложения. Всё это чрезвычайно полезно и заманчиво. Иметь картотеку, слайды, возможность публиковать это – важнейшая часть создания художественного центра. Если это дело как-то двинется, я берусь быть вашим нью-йоркским сотрудником. Буду собирать и высылать материалы, собранные здесь. Главное же, конечно, это, чтобы дело двинулось.

Что нового у нас? Я не помню, писал ли тебе, что я прирабатываю у Эрнста Неизвестного. У него здесь в центре Сохо огромная мастерская. Я выполняю различные скульптурные работы. В практическом смысле эта работа меня очень устраивает. Мои собственные дела следующие. С бетона по логике перешёл на медь. Листовую медь учусь выколачивать по цементной форме (так работали в моск. комбинате, и в Строгановке я имел небольшую практику). В деле это оказалось не так дорого, мои приработки дают возможность экспериментировать. (Здесь это называется франц. термином «gerousse». Если тебя интересует, я подробно опишу этот процесс.) В России я и мечтать не мог ни о меди, ни об инструментах. Я пребываю по этому случаю в возбуждении и полон надежд, что скоро овладею материалом. Листовая медь, на мой взгляд, серьёзный профессиональный материал для крупной скульптуры. Так что я полон надежд и планов.

Теперь о нашей художественной жизни. У русских её почти никакой. Часть художников, делая деньги, обслуживают мелкий буржуазный рынок. Лепят всякую салонную галиматью. Интересно, что кроме соц. артистов (Меламид, Комар) в приличную американскую галерею никто ещё не прорвался. Местное же искусство очень выхолощенное, плосковато, убого. Я уже полгода не хожу по галереям, меня всё порядком нервирует. Американское искусство во многом отлично от европейского. Оно отталкивается от супрематизма, концепта 20–30-х годов. Апостолы молодых – это Малевич и Дюшан. Вот вокруг этого 90% художественной продукции. Во всяком случае, интересное приходится видеть не часто. Но художественная жизнь здесь очень активная, около 2-х тыс. галерей, сотни тысяч художников. Страна молодая и все течения здесь бурные.

У нас сейчас стоит жара 40° по С. В уикенд ездим к океану, купаемся. Теперь немного больше видим Америку. Богатая и красивая страна. Очень своеобразный уклад.

На этом я заканчиваю. Спасибо за письма. Большой привет тебе от Люды.

Твой Саша

Герловины – Шелковскому 07.77, Москва

Милый Игорь!

<...> Мы прочитали все твои письма, побеседовали с Жаком [Мелконяном], посоветовались между собой и, кажется, пришли к единому мнению. Думаю, у нас будет возможность написать об этом подробно. А пока кратко некоторые предположения: мы все решили, что лучше, если можно будет обойтись без литературной стороны – для начала это слишком сложно. За основу, как нам кажется, следует брать наиболее современные материалы (это не исключает всего остального, речь идёт об основном направлении, ориентации. Таким образом, можно предупредить возникновение глезерно-шемякинской ситуации, эту разноцветную кашу, в которой снижается ценность даже действительно серьёзных явлений). Твоё предложение о первом № мы все, естественно, восприняли с энтузиазмом. О технических особенностях тебе всё расскажет Джек [Жак Мелконян].

Для начала мы высылаем тебе «Нос». Мы его ещё не слышали. Говорят, блестящая постановка, идёт в Камерном театре на Соколе³¹. Кроме того, высылаем негативы некоторых наших работ (17 штук). Сейчас мы в основном работаем в этом стиле. В квартире давно поменялась экспозиция, теперь много фотографий, в среднем 50 × 60 см. Большинство работ строится на фотомонтаже или на больших комментариях. Постараемся к осени прислать. Пишем совместно (мы теперь всё время работаем вместе) утопические проекты. Пока мы посылаем только свои фото, позднее ты получишь и др.

Только что вышел или выходит (июнь или июль) Flash Art³², где 70 работ советских художников (только современных). Обязательно посмотри его. Там много твоих друзей. Если случайно у кого подвернётся Vogue³³ декаб. 76, экспроприируй его для нас, пожалуйста. И ещё одна просьба, если на твой адрес иногда будут приходить письма, адресованные нам, ты передай как-нибудь с оказией. Прости, что создаём лишние хлопоты.

Теперь всякие сплетни и события: открылась выставка портрета в Горкоме графиков. Мы ещё не были там, но по-нашему предположению это очередное убогое мероприятие. У Генриха Сапгира инфаркт, он лежит где-то в Крыму, умер Лемешев, и вообще резкая смена погоды не благоприятствует нашей жизни. Мы с Валерой всё время боеем, то простуда, то ещё лучше – воспаление лёгких и так у многих. Комар и Меламид ещё в Москве, довольно в удрученном состоянии – они устали ждать разрешения. Никто ничего, и мы в том числе, подробно не знает об их выставке. В ноябре там должна быть большая общая выставка русских художников. Сейчас 11:43, числа точно не знаю, кажется, вторник – у нас молния, интересно, а что у тебя? Передай большой привет Олегу [Яковлеву] и Доменик (мы им не пишем, чтобы не обременять Сюзан). Подружись с ней, она милый человек, скоро она опять вернётся в Москву.

Римма, Валера (персонально)

³¹ Камерный театр на Соколе – театр в Москве, созданный главным режиссёром Большого театра Борисом Александровичем Покровским в 1972 году. Сейчас – Московский государственный академический камерный музыкальный театр имени Б. А. Покровского.

³² Flash Art – старейший в Европе журнал по современному искусству. Речь идёт о № 76–77 (июль – август 1977 года), где была опубликована фактически первая статья о русском концептуализме, повлиявшая на отбор материалов для внеочередной восточноевропейской Биеннале в Венеции в 1977 году. Материалы для статьи собирала Николетта Мислер, которую Герловины провели по мастерским художников.

³³ Vogue («Вог») – один из самых влиятельных журналов о моде. В декабре 1976 года в итальянском номере опубликована статья Эвелины Шатц (Evelina Schatz) «L'arte Sovietica».

Шелковский – Чуйкову 29.08.77

Дорогие Иван, Лёня, Серёжа, Римма, Валерий!

В ноябре в Венеции организуется биеннале неофициального искусства Восточной Европы. Вместе с Зелениным мы отправили туда материалы о всех московских художниках.

Я дал туда все материалы обо всех вас, которые у меня были. В том числе, Иван, все твои слайды и текст и все твои, Лёня (с них сделают копии и мне вернут оригиналы). А также все фотографии, негативы и тексты ваши, Римма и Валерий. Во время выставки фотографии будут висеть в экспозиции, а слайды показываться на экране (здесь это часто делается, что на выставке по разным углам показывают фильмы – художников и о художниках, слайды, фотографии – на экранах и по кассетным телевизорам).

Сегодня из Венеции мне позвонили организаторы этой выставки и сказали, что все присланные материалы вызвали у них очень большой интерес. Задали вопрос: какие из работ Чуйкова и Сокова находятся в Европе, чтобы запросить их на выставку. Я сказал, что, насколько знаю, все работы Чуйкова находятся в Москве, а работы Сокова есть на Западе, но я не имею адресов их владельцев. Поэтому, Лёня, не теряя времени, сообщи мне эти адреса или ещё лучше, если бы ты смог уведомить этих людей о выставке и попросить их связаться со мной или с организаторами выставки в Венеции.

Иван, будет ли у тебя хоть какая-то возможность послать свои работы (оригиналы или проекты) сюда, на выставку? Серёжа, рискнёшь ли ты это сделать?

Римма, Валерий, кубики, находящиеся здесь у меня, заберут на выставку в десятых числах сентября.

Есть ли у вас ещё какие-либо материалы, которые можно было бы выставить там? Ведь фотографии и слайды пересылать проще, чем скульптуру и живопись.

Это всё, что касается вас. Крайний срок присылки – конец сентября, но настойчиво вас всех предупреждаю, что чем раньше, тем лучше, потому что всегда и во всём бывает очень много накладок.

Теперь о других. Организаторы хотят, чтобы выставка была как можно представительнее и актуальнее. Я думаю, это вполне можно сделать, хотя бы в отношении слайдов и фотографий. Поэтому, могли бы вы организовать присылку других слайдов и фотографий, материалов или хотя бы сообщить художникам о предстоящей выставке?

Всех очень заинтересовали те группы, которые есть в Flash Art («Гнездо» и др.). Можно ли было бы прислать слайды Эрика Булатова, [Олега] Васильева?

Один итальянский искусствовед пишет книгу, и он хотел бы иметь как можно больше материала. Его интересуют независимо от направления, возраста все неофициальные или полуофициальные художники. Что сейчас делают Андрей Гросицкий, Марат Бабин, Боря Орлов, Дима Пригов, Слава Лебедев, Володя Куприянов? Вы, наверное, знаете многих других. Кстати, ещё один вопрос, есть ли где-нибудь на Западе работы Соостера? (Спросили из Венеции.)

Все слайды, которые будут у меня, впоследствии пойдут в дело, которое, надеюсь, всё-таки осуществится. Лёня, позвони мне, по утрам я всегда дома. Если ты собираешься уезжать, то, я думаю, в разговоре можно особенно не конспирировать. Говорят, что это даже помогает отъезду.

Мне хотелось бы не терять с вами связь.

3 экземпляра Flash Art лежат у меня, но я смогу их переслать только где-то в конце сентября. Очень тороплюсь отправить это письмо.

Всех вас обнимаю и желаю успехов.

Шелковский – Максимову 08.77

Уважаемый Владимир Емельянович!

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь выехать из Союза двум моим друзьям: художнику Сергею Есяяну и скульптору Леонидову Сокову.

Отец Сергея Есяяна погиб в чистках 30-х годов. Лёня Соков был долгие годы другом и помощником Эрнста Неизвестного. Сейчас они оба в очень трудном положении, и уже в течение нескольких лет ожидают израильский вызов, который никак не могут получить.

Говорят, что Израиль сейчас не даёт вызова, если не уверен, что выезжающие станут гражданами Израиля, поскольку ему надоело, что значительная часть выезжающих направляется в другие страны. Конечно, Израиль от этого ничего не выигрывает, но он также ничего не выигрывает от того, что несколько людей, которые могли бы жить и эффективно работать на Западе, вынуждены волочить своё существование полуподпольных художников в Москве.

Поскольку сейчас для них нет другой реальной возможности выехать, как только по израильскому вызову, то выдача этого вызова становится вопросом простой гуманности. Я очень прошу Вас, если это в Ваших силах, как-то этому посодействовать.

С уважением и пожеланием всего хорошего в Вашей работе,

Игорь Шелковский

Шелковский – Герловиным 09.77

Устроители биеннале в Венеции хотят посвятить вашим работам небольшой зал, сделать его игровым. Я уже отдал кубики, имевшиеся у меня, и все фотографии, слайды и тексты. Но этого мало. Просят прислать ещё работ. И чем больше, тем лучше. Важно также, чтобы работы были сделаны в Москве, из московского картона, и оклеены советским ситцем и т. п. Надписи можно напечатать здесь. Я думаю, что никакой таможенник не примет эти кубики за произведения искусства, поэтому посылать можно, в принципе, с кем угодно. Могли бы вы прислать Валерины работы из конструктора? Пюпитры будут сделаны организаторами выставки. Пришлите всё, что у вас есть нового, то, что я не видел. Есть ли ваши работы на Западе и могли бы вы обратиться к их владельцам с просьбой переслать их на адрес выставки? Всё, что я пишу вам, относится также к Ивану [Чуйкову], Лёне [Сокову] и Серёже [Есяяну]. Все их работы вызвали очень большой интерес. Это совершенно новая нота. Может, только на общей русской выставке это может прозвучать наилучшим образом. Соревноваться на больших парижских салонах очень трудно. Местное искусство сделано из совсем других материалов и имеет совсем другие размеры. Кроме того, для этого надо жить здесь. А что касается новизны идей, то нужно, чтобы кто-то большим пальцем указал на это. Тогда эти работы возьмут на выставку. Русские же выставки находятся под более пристальным вниманием критики.

Париж консервативен, за год я в этом убедился. На Италию у меня надежд больше, и этой точки зрения придерживаются многие. Эта выставка будет совсем другого качества, чем устраиваемые Шемякиным и Глезером (они не подпущены к её организации).

Я уже написал вам два письма на ту же тему, что и это, и до сих пор не знаю, получили ли вы их или нет. У меня прервалась всякая связь с вами, Аликом [Сидоровым], и я не знаю, что думать. Последнее письмо, случайно ко мне прорвавшееся, было письмо Лени С. [Сокова]. Больше писем из Москвы я не получал уже в течение нескольких месяцев. Или вы не пишете, или они не доходят.

Жака [Мелконяна] не видел с самой весны и потерял с ним всякую связь. Думаю, что наша идея уже умерла, или сама по себе или с чьей-то помощью. Даже здесь, среди «коллег», немало таких, которые готовы были б перегрызть ей горло в самом зародыше, не говоря уж об остальных трудных обстоятельствах. Что-то сделать можно только при условии, что никто об этом не знает. Иначе всё превращается в облако пыли.

Шелковский – Сидоровым 07.09.77

Дорогие Алик, Лида!

<...> Жака [Мелконяна] не видел где-то с марта или апреля. Он исчез, и от него ни слуха ни духа. Говоря только между нами, вся его помощь мне была равна нулю, если не считать, что он мне привёз одну маленькую скульптурку и перевёз мои вещи от Христиана к себе. Больше того, полагаясь на него, я был более сдержан в некоторые моменты, о чём, наверное, придётся пожалеть. Мне кажется, что он или совсем не в состоянии мне чем-то помочь, или занял какую-то странную выжидательную позицию. Пока что все встречи между нами напоминают встречи толстого и тонкого, где я последний. Он ведёт меня в ресторан и заказывает обед с дорогим вином и устрицами, а я мысленно прикидываю, какие бы инструменты или материалы можно было бы купить на эти деньги (а я с удовольствием поужинал бы творогом за 3 франка). Всё задуманное начинание зависит от его доброй воли, от того, захочет он раскошелиться или нет. Может быть, я в нём ошибаюсь и он лучше, чем я о нём думаю. Дай Бог. Поживём, увидим.
<...>

Косолапов – Шелковскому 22.09.77

Здравствуй, дорогой Игорь!

Извини, что я навязал тебе тяжёлую обузу и отнял время. Мои друзья благодарят тебя. Они мне рассказали немного о тебе. Для меня эта информация очень ценная. Я как бы всё время мысленно сравниваю Америку с Европой. Меня очень интересуют ваши галереи, художники. Не скажу, чтобы здесь у меня возникли новые художественные привязанности. Американские художники очень увлечены модернизмом. Часто – это модерн во имя модерна. Ситуация отчасти напоминает Россию эпохи футуризма. Но мои суждения, возможно, затрагивают лишь частности – полной картины у меня нет. Возможно, эти тенденции имеют место и в Европе. Французское искусство меня интересует в особенности, т. к. французские художники оказывали на нас наиболее сильное влияние. Может, когда-нибудь и сам съезжу в Париж.

У нас с Людой всё хорошо, работаем. Я испытываю, как всегда, трудности с материалами и технологией. Техническая часть у меня слабое звено. Скульптор должен много уметь и знать. В художественной жизни у нас ничего интересного не происходит. (Я имею в виду выходцев из России – это всё много хуже, чем даже в Москве.) Скорей бы уж был нормальный язык, чтобы общаться с местными художниками. (Полезно будет несравненно больше.)

Может быть, скоро Лёня Соков выскочит оттуда. (Вызов на него лежит как будто в голландском посольстве.) Я скучаю по друзьям. Нужны умные зрители. У меня их здесь нет. <...>

Твой Саша

Щенников – Шелковскому 30.09.77

Игорь, здравствуй.

<...> Игорь, опять письмо идёт с оказией. Надеюсь, не как с Николь – какое легкомыслие с её стороны, ей Богу! Мы всё ещё под впечатлением от твоих писем. Всех. Заработала с «лунника» обратная связь. Тонны информации. Чрезвычайно интересно и «волнительно». Даже хочу снять копии с других твоих писем. Для себя. Казалось бы – все это знали, вернее угадывали. Вот твои письма – и всё подтвердилось. Нет преувеличения. Дикая, звериная животная жизнь. Не жизнь – прозябание. Вот эпизод. Папаша, лет 30-ти, выводит из детсада мальчика в колготках и резиновых сапогах. Всё время зло дёргает его за руку и шипит: «Я тебе говорил – не водись с синистами. Не водись». Елей на сердце редактора «Правды».

Пустые весенние выставки. Порнография наоборот в кинотеатрах. Маразм спектаклей. Новое – огромные очереди в книжных магазинах за классикой. На Кузнецком, на улице постоянно стоит очередь. Квартирные выставки вроде приказали долго жить. Ни слуху, ни духу. Славу Л. [Лебедева] в Союз не взяли. Сказали – «не умеете рисовать».

В газетах переход на откровенное (может ещё быть), не завуалированное враньё. Уже и Дудко стал сотрудником гестапо и валютчиком. Нескрываемое желание арестов и расстрелов. Ещё новое в городах – улицы наводнены пустующими стоящими такси с растерянными шофёрами. После повышения платы на 100% – почти полный бойкот населением. Наверное, пока. <...>

Шелковский – Чуйкову 10.10.77

Дорогой Иван!

Посылаю тебе каталог парижской биеннале. Выставка на 90% состоит из фотографий, остальное телевизоры и кино. Фотография уже вытеснила все другие виды изобразительности. Один художник так и сделал: всю отведённую ему комнату засыпал фотографиями старыми, из семейных альбомов, там же намешаны и животные, и пейзажи, и эротические. Зрители ходят аккуратно, стараясь не наступать, наклоняются, берут в руки, рассматривают. Сам же автор, когда заходит, то разгребает их ногами, подбрасывает в воздух. Кажется, это уже пик. Следующую такую выставку можно будет назвать выставкой художественной фотографии, с этой стороны действительно всё интересно и особенно великолепные цветные фото американцев. Это мода, а мода быстро выходит из моды. На остальных выставках более демократично. Крайний авангард занимает не больше места и пользуется не большим влиянием в жизни художественной, чем маоизм и троцкизм в политической.

Я здесь уже год. В общих чертах Алик [Сидоров] знает всё о моей жизни. Получилось так, что первый год я здесь прожил на деньги фонда. 3 месяца Толстовский фонд, 6 месяцев Франц. орг. пом. эмигрантам и 3 месяца католическая организация. Теперь я должен сам думать о себе, но я более спокоен, чем раньше. У меня уже есть друзья, знакомые, которые не дадут пропасть. Кроме того, я уже начинаю понемногу ориентироваться в этой жизни. Самый главный камень преткновения – медлительность моей работы. Чтобы преуспевать, надо продавать и продавать, много и регулярно. Все коммерческие художники именно этим и выигрывают. Шемякин, например. Дело, как правило, не в высоких ценах, а в количестве продаваемого; в графике, при тиражировании, это ещё легче. Представь себе, что приходит маршан или коллекционеры и у тебя покупают все двадцать работ. Ты остаёшься ни с чем, деньги рано или поздно расходуются, а тебе надо выставиться, тебе надо показывать что-то, когда к тебе приходят. Желательно, чтобы у тебя через год было ещё 20 работ или более. Вот в таком я положении, работаю я медленно. Кроме того, у меня какое-то нежелание продавать работы, расставаться с ними. Поэтому я тяну. На предложения иногда отвечаю неопределённо и больше надеюсь на экономию в расходах.

Надежды касательно первой выставки были у меня связаны с Жаком [Мелконяном], но он вот исчез, и я не знаю ни о нём, ни о наших делах ничего определённого.

Но мой пример совершенно нетипичный, другие живут здесь и преуспевают по-другому, я среди них, наверное, самый неделовой.

Жизнью доволен. Чем дальше, тем больше убеждаюсь, что для меня – уехать было единственным выходом, там для меня не оставалось ни малейшей щёлочки, никакой надежды на просвет.

Я теперь лучше понимаю Сашу Косолапова. Все мы, уехавшие, первое время остаёмся сами по себе, как бы в пустоте, и как художники тоже. Но это явление временное, это проходит, заводятся знакомства, осваивается язык.

О Венеции я уже писал. Вы вызвали очень большой интерес, особенно после публикации во Flash Art, но нет работ, вернее очень мало.

Приехала Н. [Николь]. Звонила, но увидимся только через два дня. Она передала твоё согласие. Надеюсь, при встрече она мне всё расскажет более подробно о вашей жизни. У меня почти оборвалась связь со всеми. Я уже в течение 4-5 месяцев не получал писем из Москвы и не знаю, доходили ли мои.

<...> Ваш Игорь

Мелконян – Шелковскому 11.10.77 (с французского)

Дорогой Игорь,

Я очень сожалею, что тебя не было в Париже, в то время как я специально приехал, чтобы провести день с тобой и обсуждать наши проблемы. Я получил твоё письмо и сожалею, что не ответил, но я всё время в разъездах. С нашей последней встречи я был два раза в Москве, и мы говорили о нашем проекте. Для Алика дело это непростое. Только Рима, Валерий [Герловины] и Иван Чуйков смогли приготовить что-то. Иван был занят «официальной» работой, и у него не было времени для нашего журнала.

Я всё-таки смог увезти несколько рисунков для проекта сериографий, которые я хочу напечатать в Германии. Может, нам удастся сделать несколько вещей для Венеции.

Кроме того, я получил телеграмму и звонок из Венеции, но меня тогда не было дома. Я пытался перезвонить, ответа не было.

По поводу твоих скульптур. Я предлагаю, чтобы ты приехал в Женеву, затем мы поедем на моей машине в Венецию, надо только выбрать дату, которая нас обоих устроит.

Фотографии, которые мне сделали, – две работы, находящиеся в моей коллекции, – отличного качества, и я хочу тебе их показать.

У меня ещё 17 [неразборчиво] картин и скульптур. Я вернусь 15-16 февраля и прошу тебя встретиться со мной.

Дружески, Жак

Шелковский – Громову 09.10.77

Дорогой Григорий, здравствуй!

Получил под Новый год ваши письма, настолько осторожные, что не было охоты отвечать. Потом досада прошла, но времени не было.

Вы все спрашиваете, когда вернусь? Не знаю, пока в Союзе такой режим, как сейчас, – не вернусь. Жить в клетке надоело. Здесь я свободен, будут деньги – поеду в Японию, в Америку, посмотрю мир. Здесь нет никаких препятствий.

В Союзе нам так много лгут, так много, что здесь уже в ужас приходишь. Вроде бы знал, что всё, что говорят по радио и в газетах, – враньё, но никогда не думал, что до такой степени. Но хуже всего то, что такие люди, как Фёдор Васильевич [Семёнов-Амурский], Павел [Шимес], Саша Максимов, – всему верят. Помню фразу Павла: «В Америке президентов убивают». Как будто Сталин не уничтожил всех своих соперников, а заодно и ещё 20 миллионов людей ни в чём невиновных (Фёдор Васильевич до сих пор им восхищается: «монументально держался!»). В Америке не только убивают президентов, но и снимают с должности, если они нарушили хоть в какой-то степени закон.

Сейчас единственная страна, которая держит в страхе весь мир, – это Советский Союз, её боятся, как боялись фашистской Германии в 30-е годы. Бесконечное вооружение, раздутая армия, милитаризм, пропаганда почище геббельсовской, насилие над своими гражданами – всё очень похоже. Это самая империалистическая страна, если понимать слово в его точном смысле. Держава, империя, старающаяся силой навязать свою волю другим. Официально – никто не хочет войны, все за мир, но где гарантия, что не будет оказана «братская помощь»? А Фёдору Васильевичу и таким, как он, объяснят, что так надо, иначе на нас напали бы. И он проглотит эту ложь и будет думать и говорить, что действительно так. Потому что думать иначе ему страшно. Вот это и есть моральное разложение, когда человек всего боится, трясётся за свою шкуру всю жизнь, и искусство его идёт от этого к упадку.

Извини, что я об этом пишу. Наверное, надо бы писать совсем о другом. Но я об этом думаю, у меня всё это не выходит из головы. Я как будто всю жизнь был горбатый и сейчас лишь начинаю понемногу разгибаться. И как будто всю жизнь жил в душной и прокуренной комнате, а сейчас вышел на свежий воздух.

Я вас всех помню, люблю, хочу вам всяческого добра, хочу помочь, хотя пока не знаю как. <...>

Шелковский – Герловиным 21.10.77

Дорогие Римма и Валерий!

Получил и мёд, и письмо, за последнее большое спасибо, а за первое вас немножко ругаю. Не надо, не тратьтесь на эти вещи, вы не настолько богатые. И Алику [Сидорову] скажите, чтоб не тратился на подарки, ведь не в этом дело. Большое вам спасибо за пластинки, которые вы мне прислали ещё летом. Особенно за квартет Шостаковича, я им проникся до самой глубины, мне это очень близко.

С русскими не общаюсь (почти) по многим причинам. Некоторые ведут себя совсем скверно, как, например, Нусберг (которого здесь, наверное, справедливо называют Гнусберг). Другие попали в столь высокие слои, что не желают особенно опускаться для поддержания контактов с соотечественниками. Виделся, по взаимному любопытству, пару раз с Купером (Куперманом), потом нет. Он в стороне от всех русских выставок, уже художник западный. С третьими не встречаюсь по отсутствию свободного времени и взаимного интереса. Или просто потому, что не представился случай познакомиться (в общем, как и в Москве). По-моему, из всех здесь находящихся больше всех живёт не только своими интересами Эдик Зеленин. С ним мы чаще всего поддерживали контакт, особенно во время подготовки биеннале. Он действительно заботится о тех, кто остался там, и старается помочь, как может. Олег [Яковлев] уехал на две недели на уборку винограда, с ним мы видимся часто.

Избегаю также русских компаний по соображениям языка. Среди французов я вынужден говорить по-французски. А для меня это единственное средство осваивать язык, сейчас, когда я перестал ходить на курсы. В общем же, язык не проблема, всё приходит со временем. Язык – дело наживное.

То, что вы пишете про Москву, про людей, я хорошо представляю, всё это свежо в моей памяти. <...>

А что касается людей, то я уже писал кому-то, что Запад – это, прежде всего, другие отношения между людьми. Говоря на жаргоне, в Москве люди только и делают, что собачатся друг с другом. Здесь этого нет и в помине.

После переменчивого лета установилась тёплая, ясная, понастоящему летняя погода. Вечерами на улицах собираются духовые оркестры, иногда большие, человек по сорок (оркестр Академии художеств) и играют вальсы и танго. Громко, сотрясая воздух, на радость себе, толпе и всем проходящим пешком, проезжающим в машинах и автобусах.

Установил контакт с Ж. [Мелконяном]. Наверное, он делает всё, что возможно, но не надо переоценивать его возможности. Пока что все наши дела на самой нулевой отметке, но я не теряю надежд.

Видел Алёшу Хвостенко, художников Арефьева и Леонова из Ленинграда. «Русская мысль»³⁴ напечатала сообщения о прибытии в Вену Олега Целкова. Наверное, первые 3 года всем будет относительно трудно, потом наладится. Другого выхода для художников я сейчас не представляю. <...>

Здесь есть перспектива на всю жизнь, с каждым происходят перемены и только в лучшую сторону. И самое главное – всё, хоть сколько-нибудь истинно талантливое, занимает рано или поздно должное ему место.

Обнимаю вас. Игорь

³⁴ «Русская мысль» – ежемесячное русскоязычное издание. В формате еженедельной газеты «Русская мысль» издавалась на русском языке в Париже с 1947 года, с 2008 года выходит в Лондоне. Газетой руководили княгиня Зинаида Шаховская (1968–1978), Ирина Иловайская-Альберти (1978–2000).

Чуйков – Шелковскому 31.10.77

Игорь, дорогой, здравствуй!

Очень долго не писал тебе – очень тяжёлое у меня было лето. Кроме того, был уверен, что ты видишься с Jack'ом [Мелконяном] и он тебе рассказывает не только о нас, но и о наших общих делах. Но самая главная причина – не было okazji. Вчера позвонил А. [Сидоров] и сказал, что есть возможность – вот и пишу, тем более что давно уже всё ясно в голове, что написать.

Итак, первое, о журнальных делах тебе очень подробно должен написать А. [Сидоров]. Но я всё же тоже кое-что хочу сказать. Дело это совсем не засохло, мы регулярно всё это обсуждаем и кое-что уже сделано. Главные проблемы – нет текстов, некому писать, кроме авторов, а этого всё же недостаточно, да и не всегда это хорошо. Второе, слайды качественные очень дороги, тем более что последнее время они всегда нужны, всё время для чего-нибудь требуются, и просто нет средств. Jack [Мелконян] обещал помочь материалами и техникой – тогда мы могли бы наладить это дело сами, но пока ничего нет, и в прошлый раз он об этом не вспомнил.

Пока всё это проходит у нас очень мирно и дружно – это понятно, ведь сейчас всё это дело делают люди непосредственно заинтересованные, так что с первым выпуском, видимо, никаких склок и междоусобиц не будет. Потом, конечно, пойдут разногласия (и, возможно, серьёзные), да и энтузиазма такого, наверное, будет трудно ожидать. С другой стороны, дальше должно во многих отношениях быть легче. Нам многое станет яснее, да и материалы будут во многом поставлять авторы.

Очень жаль, что у тебя совсем нет регулярной связи с Jack'ом, я почему-то думал, что вы всё же видите и поддерживаете контакт – а это многое бы упростило и облегчило.

Теперь о Венеции. К сожалению, я прочитал твои письма (к Римме [Герловиной] и для нас остальных) только в начале октября – письма задержались, а я приехал в Москву (из Судака) 29 сентября, так что посылать что-либо через тебя было уже поздно. Правда, мне предлагали то же самое в начале сентября другие люди, но тогда это как-то не получилось, и я отказался. У меня есть пара проектов, которые можно было бы осуществить там, но на это, видимо, нужны время и деньги. Теперь, видимо, уже поздно, но я всё-таки один из них посылаю тебе, скорее для твоего архива.

Публикация во Flash Art меня сначала как-то огорчила, я как-то был не готов к тому, что и там тоже халтура бывает. Текст переведён так, что работа («Далекое – Близкое») стала просто невнятной бессмыслицей. Почему я не перевёл сам? Фотографии тоже оставляют желать лучшего, хотя, должен сказать, негативы были неплохие. Но с деловой точки зрения, видимо, всё это даже и не важно – публикация уже приносит свои плоды, судя по твоему письму и некоторым визитам. Печально всё это. Где-то в следующих выпусках FA [Flash Art] должен быть ещё материал, если всё будет нормально – так что следи. <...>

В этом году много работал весной, вот всё лето ушло на заработки, и до сих пор никак, как следует, в работу не включусь. Всё лето голова была полна идеями – инерция весны, а теперь пуста, как выжженная. Это не первый раз, и знаю, что это обратимо, но всё равно скверно.

Герловины молодцы, работают регулярно, сделали много нового – они теперь работают совместно.

Часто видимся с А. [Аликом Сидоровым]. Мне кажется, что мы с ним лучше понимаем друг друга и более согласны относительно нашего предприятия, чем со всеми остальными. Я его очень полюбил!

Был тут у нас чехословацкий критик Халупецкий, большой и старый друг Кабакова и С⁰, много для них сделавший в своё время. Он видел Flash Art и заинтересовался всеми нами.

У него есть своя концепция, впрочем, не новая, что наши условия для художника наилучшие. Если учесть хотя бы то, что пишешь ты о коммерческом давлении, то в этой концепции есть доля истины. Но, конечно, эта доля не перекрывает всех тех возможностей, которые даёт жизнь в центре котла идей, коренных, жизненно важных, возникающих тут же, сейчас. Кроме того, современные технологические возможности, возможность выставляться и личная ответственность за это. Я уже не говорю о свободе вообще. И ещё одна вещь – конкуренция. Как бы отрицательно к этому ни относиться, но она заставляет работать более напряжённо, выкладываться до конца. У нас всё-таки художники работают маловато.

Опять же, как посмотреть: может и не нужно делать по 50 работ одного плана, если уже всё ясно. В конечном итоге важен путь художника, а не количество работ – но вот это уже типично наше рассуждение, западному человеку непонятное.

Как-то я имел беседу с Jack [Жаком Мелконяном] на эту тему. Ему казалось, что мы все слишком мало развиваем одну идею, слишком быстро переходим от периода к периоду. Хотя он и видит единство художника, хотя и принимает мои объяснения, всё же привычка (галерейная?) берёт своё. Трудно всё это взвесить на весах. Конечно, работая в полной изоляции, мы как будто и полностью свободны, свободны делать, что хотим, но есть в этой свободе некоторая иллюзорность. И никак не отделаешься от мысли, что мог бы сделать больше.

Игорёк, мы здесь, кажется, хорошо представляем твою жизнь по твоим замечательным письмам, которые все всеми прочитываются. На днях были у меня Инфантэ с Дионисием [другом Ф. Инфантэ], спрашивали о тебе, и я читал им твои последние письма. Но вот чего мы не представляем, так это твоих теперешних работ. Пришли хоть что-нибудь, хоть чёрно-белые фотографии или слайды, не знаю, что у вас дешевле.

Мне тебя очень здесь не хватает. Хотя мы и не так долго были знакомы и не так как будто близки, но вот осталась пустота, которая не заполняется. Вряд ли удастся нам увидеться в близком будущем, но хоть писать нужно регулярно. Не думай, что мы тут забываем тебя, просто так получилось в этом году.

Большое спасибо тебе за книги и журналы!

Здесь обстановка тяжёлая и становится всё тяжелее, с приближением Даты.³⁵

Особенно чудовищно это совмещение тяжеловесной помпезности и торжества с полным развалом всего, буквально всего: от магазинов до расписания жел. дорог, авиарейсов, до блата, коррупции, бандитизма и т. д. И потом, постоянный отток, всё время уезжают.

А многих ты, наверное, знаешь. Недавно уехал Меламид (Виталия [Комара] пока не пускают). Уехал Целков, Жарких, кто-то ещё. Другие ждут на чемоданах. Вот так.

Пиши нам. Целуем тебя и желаем хорошей работы.

Галя, Женя, Иван

³⁵ Годовщина октябрьского переворота.

Шелковский – Косолапову 10.77

Дорогой Саша!

Извини, что так долго не писал. Было много всяких дел, отчасти с выставкой в Венеции³⁶. Кроме того, пришлось писать очень много писем в Москву. Выставку всё-таки устроили и, в общем-то, неплохую. На ней представлено почти всё московское искусство, в том числе и Лёня Соков, и Иван Чуйков, и др. Каждый художник имеет свой отсек. И когда не было работ-оригиналов, их заменяли большими цветными фотографиями, увеличенными со слайдов, иногда до размера оригинала. Из ваших нью-йоркских художников было представлено только двое: Саша Нежданов и Неизвестный. Здесь, в Европе, всё время что-нибудь организуется, в смысле выставок, впечатление такое, что вы там немножко на отшибе.

Я был в Венеции. Это была моя первая поездка из Франции «за границу». К выставке издали каталог, где упомянули всех, кто прислал материалы, хотя бы маленькие репродукции. Тех, кто не уместился на стенах, показывали там и сям на экранах с цветных диапозитивов. Всех художников рассортировали по течениям. Я попал в «абстрасьоне пост-конструктивиста» и «абстрасьоне органика». Лёня Соков и Иван [Чуйков] в «ирония котидьена». Ну, хотя бы так, какая разница.

Лёня очень хочет уехать. Мы с ним говорили по телефону. Но никаких вызовов он до сих пор не получал, и, когда получит, неизвестно. Я ему здесь ничем помочь не могу, нужны люди в Израиле. В Венеции видел Алика Меламида и его жену Катю. Они месяц, как только из Москвы. Ещё совсем свежие. Они живут в Израиле и обещали что-то сделать для Лёни [Сокова].

Здесь, в Париже, я показывал в одной галерее слайды с его работ. Им очень заинтересовались, причём в самой конкретной форме: хотят взять одну или несколько работ для выставки скульптуры, которая откроется 15 января. Теперь всё зависит от того, сможет Лёня переслать сюда что-нибудь, если это удастся. Затем мне пришла идея, что можно было бы организовать небольшую выставку русских скульпторов. Ты, Лёня, Саша Нежданов, Иван Чуйков, у него есть вещи, близкие к скульптуре (если удастся переслать), несколько парижских скульпторов, я в том числе. Если будет человек семь-восемь и каждый даст две-три работы, то, наверное, для выставки в данной галерее этого будет достаточно. Теперь важно желание и сотрудничество всех участников. Из твоих последних московских работ я видел некоторые на слайдах. Я думаю, они подошли бы для этой выставки, но, возможно, у тебя есть уже новые работы. Всё-таки любая выставка, хоть самая маленькая, облегчает жизнь художнику. <...>

Материальная сторона в Париже, наверное, более трудная, чем в Нью-Йорке, но пока никто из приехавших из-за этого не пропал и не пропадёт. Вокруг каждого художника складывается группа друзей, которая его поддерживает, не даёт пропасть. Французы очень доброжелательны, любят помогать, когда кто-то нуждается в их помощи. Делают это легко и ненавязчиво. Есть довольно мощная поддержка художникам со стороны государства. Но вот пока всё. Может, со временем смогу написать более подробно.

В Венеции видел Эрнста Неизвестного. Он долго и восторженно говорил о тебе, как о самом серьёзном скульпторе. Всё-таки он – очень живой человек.

В завязавшейся подспудно сваре Шемякин – Нусберг вышел победителем (на Биеннале) последний, но он тоже уже ни у кого симпатий не вызывает. Или прав Неизвестный: где русские, там всегда клоповник? Грустно. Обнимаю тебя.

³⁶ La Biennale di Venezia (Pollazzetto della Sport). «La Nuova arte Sovietica» (15 ноября – 17 декабря 1977 года).

Чуйков – Шелковскому 10.77

Игорь, дорогой, здравствуй!

Доменик уезжает завтра – я отправлю это письмо с ней.

Спасибо тебе за хорошие письма и прости, что я так неаккуратен.

Не знаю, видел ли ты Jack'a [Жака Мелконяна] после его визита в Москву, но мы с ним здесь активно общались, и он рассказал, что подразумевал его контракт. Жаль, что вы не поняли друг друга, но теперь, наверное, уже всё в порядке.

О наших делах. Костаки, как ты знаешь, уезжает и увозит свои работы (Jack узнавал). Я его не приглашал, т. к. это, видимо, бесполезно. Не знаю, помнишь ли ты, что на выставке Риммины [Герловиной] работы произвели на него сильное впечатление – тем не менее после нескольких попыток позвать его к себе Римма и Валера так и не добились этого. А я в этом смысле способен на активность гораздо меньше. Мне всегда было трудно приглашать к себе, да я, собственно, этого и не делал никогда – показывал только тем, кто интересовался сам, да звал друзей. Была идея заинтересовать его тем, что это такое подобие нового движения, ещё никем, никак не отмеченного (имелось в виду участники выставки у Лёни [Сокова]). Но если он сам этого не заметил, если это его не привлекло, то тут могло бы подействовать только что-то или кто-то очень авторитетные для него. Теперь уже всё это, видимо, поздно.

Я понял, что ты имел в виду, говоря о литографиях. Но те, старые, мне делать просто уже скучно. Новых же существенных идей для этой техники у меня нет. Тем более что я едва успеваю осуществлять то, чем полна голова.

Сейчас продолжаю ту серию вывернутых панорам, начало которой ты видел. Сделал ещё проект для кино, тесно связанный с этой серией и, вообще, со всеми моими последними работами.

Проект я тебе пришлю, очень хочется и надеюсь осуществить его. Для этого нужно пустое помещение, как для выставки, – т. е. этот осуществлённый проект должен стать ещё одним экспонатом выставки, которая должна называться «Окна и панорамы». До сих пор не мог найти помещения (нужно не меньше 8-10 м²). Но вот что-то наклёвывается: завтра придут ребята из одного клуба (там, кстати, ведёт свой театр Алик Киселёв) смотреть работы на предмет выставки, уже можно будет поговорить конкретно. Тьфу, не сглазить бы. Эта выставка сейчас единственная перспектива для меня. Иначе просто неизвестно, что делать. Вот такие дела у меня. Я хотел бы подробнее написать тебе о том, как я представляю себе эту выставку – мне кажется, она могла бы прозвучать – у нас таких не делали, используя всё помещение и стены вокруг одного названия. Но не хочу сейчас растрачивать порох. Если будет, пришлю тебе полный отчёт, если не будет – пришлю полный проект.

На днях просматривал у Риммы каталог выставки «Ящики», что ты прислал. А ведь и я мог бы там поучаствовать. Одну работу, во всяком случае, мог бы прислать в письме или на открытке – идея, осуществимая в натуре любым служащим или маляром и достаточно эффектная и интересная. Мог бы, если бы сам не сидел в запечатанном ящике, где и тебя не знают, и ты не знаешь, где что происходит.

Ну, вот, Игорёк, я написал тебе полный отчёт о себе. Не задаю тебе вопросов, так как о тебе интересно всё. Пиши. Прекрасно, что у тебя купили работу. Отсюда трудно судить о важности (я имею в виду не деньги), но, наверное, это серьёзно.

Пиши, Галя, Иван

Шелковский – Сидорову 10.11.77

Дорогой Алик, теперь дела более насущные. Из писем я успел написать лишь половину. На моей совести то, что я не написал ничего Алику Щ. [Щенникову] и Белле. (Кстати, от них ничего тоже нет.) Письмо к ним должно быть таким длинным, что я всё откладываю, никак не могу начать. Пока дай ему прочесть все эти и прочти их сам, перед тем как раздать. Мысленно я всё время с ними разговариваю.

Скажи Григорию [Громову], что если он хочет, то, наверное, можно будет сделать ему небольшую выставку в Париже, я думаю, что это вполне реально. Для этого мне нужно было бы иметь минимум хотя бы 20 работ. Таких, как та, что у меня сейчас здесь. При некоторых условиях переслать было бы нетрудно.

Вчера был в одном интеллигентном доме под Парижем и весь вечер слушал Петю Ст. [Старчика]. Расстоянием проверяется очень многое. Должен сказать, что здесь его песни звучат ещё лучше, чем в Москве; единственный недостаток – качество записи. (Работы Григория тоже выдерживают проверку.) Если будут хорошие записи, то можно будет устроить отдельную пластинку или включить в общую. Сейчас здесь выходит по подписке многочастная серия всех московских и ленинградских певцов, правда это не пластинки, а магнитофонные кассеты.

«Никто не хочет участвовать в биеннале» – это более чем странно и печально. Объясни им, что именно для них это было бы очень и очень важно минимум по трём причинам:

1. Эта выставка – самая серьёзная из всех, что были на эту тему (в Париже и Лондоне). Она будет под более пристальным вниманием критики.

2. Их работы вызвали у организаторов особый интерес. Например, из работ Герловиных хотят сделать специальную игровую комнату. В то же время я не представляю, как можно было бы их выставить на какой-нибудь парижской выставке. Я уж не говорю о том, что здесь обычно выставляют только по одной работе автора, что каждая выставка платная (каждая из моих выставок, кроме первой русской, стоила мне 200–250 фр.) и что нужно здесь жить, чтобы выставляться на всех текущих выставках; но чтобы их выставить, нужно какое-то особое благорасположение организаторов, нужно как-то выделить их работы, иначе они потонут среди работ большого размера на выставке величиной с Манеж (как сейчас в Гранд-Пале).

3. Эта выставка явилась бы хорошим средством социальной защиты, т. к. чем больше художника знают, тем труднее его как-то ущемить, репрессировать. <...>

Игорь

Шелковский – Чуйкову 15.11.77, Венеция

Венеция действительно вся на воде. Ступеньки лестниц спускаются в воду.

Дорогой Иван! Про биеннале тебе подробно расскажет Ж. [Жак Мелконян]. Встретился сегодня здесь с Меламидом и его женой Катей и много спорили обо всём.

Моя точка зрения – нельзя быть настолько эгоистом, чтобы быть только художником, заботиться о своей славе и пр. Они только месяц, как из Москвы, и ещё целиком наполнены теми ошибочными представлениями, которые характерны для многих в Москве.

Например, Алика [Меламида] заботит, где, с кем выставляться, под какой вывеской, чтобы не продешевить. Здесь это не имеет никакого значения. Престиж зарабатывается не этим. Самые знаменитые, имеющие по сто выставок в год, стремятся сделать сто первую, неважно где, хоть в заштатном провинциальном городке. Но это деталь.

Наиболее существенно следующее: в Москве представления обо всём совр. искусстве, как о пирамиде, имеющей вершину. И на этой вершине все представляют себе что-то новое, последнее (тоталитарное мышление).

Например, гиперреализм (в своё время) или концепт или боди-арт и т. п. Это... неверно абсолютно. Имеется много, целый ряд пирамид: каждая со своей вершиной, они сосуществуют и не образуют общей. На западе и в искусстве – демократия.

Есть пирамиды более модные и актуальные, но мода – это то, что проходит, вернее, переходит на другое. Часто наиболее модное – это для узкого кружка снобов (или критиков снобов), и это быстро проходит. Не следует слишком доверять журналам по искусству, тому, что там пишут.

Эта выставка отличается от всех предыдущих тем, что здесь сделана попытка рассортировать московских художников по направлениям. Здесь это практикуется всегда, на всех выставках. Разделы сюрреалистический, абстрактный, концепт и пр. сосуществуют в рамках одной выставки, и нет преимущества одного перед другим.

Только лишь если выставка посвящается одной теме, одному течению – там выставляются художники одного направления.

Возможно, что сейчас положение начинает уравниваться, и Париж в ближайшем будущем будет не менее значительным центром, чем Нью-Йорк. Есть тенденция к этому. Я не вижу другого выхода для тебя, как уехать. Как бы ни было сносно сейчас, жизнь художника там – бесперспективна. Это моё убеждение. Обнимаю всех вас. Игорь

Работы Пивоварова здесь – это слайды, увеличенные точно до размеров оригинала. Очень неплохо выглядят. Это хороший способ для живописи. Можно было бы также сделать с Серёжей Шаблавиным. Получилось бы очень хорошо.

Очень жаль, что здесь нет их работ, только фотографии. Письмо Лёни [Сокова] со слайдами и адресами до меня пока не дошло. Здесь – репродукции с его старых слайдов. Лучше всего представлены Римма и Валерий [Герловины], хотя и они могли бы прислать больше. Саша Юликов показывается на экране, а Серёжа Шаблавин совсем отсутствует, потому что не позаботился хоть что-нибудь прислать.

Герловины – Шелковскому 02.12.77, Москва

Милый Игорь! Мы получили и твоё письмо, и твою открытку, и твой превосходный подарок – Майлса Дэвиса. Вместе с ним пришло сопроводительное письмо от Олега [Яковлева], где он пишет ещё и про Махавишну. Если это действительно нам, то этой пластинки мы не получили, из чего следует, что данный канал не очень надёжен.

Спасибо тебе!

От Джека [Жака Мелконяна] мы получили почти исчерпывающую информацию и о выставке, и о тебе, и о вашем совместном путешествии. Все дни здесь в Москве он провёл, расхаживая по художникам (с утра до вечера). Устал, но доволен. Он много снимал. Алик рассчитывает, что к февралю мы полностью закончим номер, уже заработали переводчики...

Только что мы получили приглашение для издания от Полити (издатель Flash Art), мы предложили всем друзьям. Кажется, будет материал ещё на 1 номер. В Италии вышла книга о советском театре (куда вошли наши акции и, кажется, Инфантэ, но никто пока книги не видел. Ещё вышла книга (в ноябре с. г.) Нортон Доджа о советском искусстве (в U. S. A.). Мы все подружились с очень милыми людьми из Вены. Она – концептуальная художница, он – учёный (Renata & Reinhold Bertelmann). Мы (я и она + Валера) сделали несколько совместных акций, а также сняли конц. фильм. Возможно, в феврале у неё будет выставка в Вене. Они собираются в недалёком будущем ехать в Париж. Мы дали твой адрес. Надеюсь, вы подружитесь.³⁷

В 20-х числах в Париже будет наша очень близкая подруга Сюзана Делакур, она знакома с Олегом [Яковлевым]. С ней мы кое-что пошлём. (Не только свои, но и опусы наших знакомых и друзей.) Я прошу тебя встретить её как можно теплее, поверь мне, она стоит этого. К сожалению, она живёт не в Париже, а в Лилле!

В художественной жизни в Москве всё по-прежнему. На некоторых квартирах (Аида [Хмельёва] и [Людмила] Кузнецова) пытаются что-то делать, но безуспешно. У Ники [Щербаковой] органы потребовали, чтобы она на время биеннале сняла со стен все свои картины. Некоторые дома оцеплены. Думаю, что об этом ты имеешь более широкую информацию, чем мы. Миша Чернышов получил квартиру и хочет там устраивать выставки. Комара мы встречаем только в пьяном состоянии, при этом он очень агрессивен. Оскар [Рабин] божится, что никуда не собирается, а Саша (его сын) называет день отъезда. Талочкин устроил себе очередную свадьбу, и мы были приглашены. Зрелище нашей богемы очень удручающее. После этого хочется сходить в баню. Из-за этого ещё больше начинаешь ценить таких людей, как Ваня [Чуйков], Алик [Сидоров], Лёня [Соков]... И вечно не хватает тебя.

Только что мы закончили 2 больших фотоальбома. Мы пока ещё их не воспринимаем вне себя, это ещё часть нашего полугодового существования. Потом посмотрим. В них появилось несколько новое направление, которое развивалось и раньше, но ты этих работ не видел, т. к. они сопровождаются длинным текстом, а мы не могли перевести и тебе не послали. Последние работы строятся на абсурдной игре, с использованием завуалированной дзенской символики. Сейчас нас интересует проблема возможных миров, о чём мы буйно фантазируем в настоящее время. Целый месяц работали, как «звери».³⁸

Ты никогда не пишешь о своих творческих идеях. Уверена, что твоя жизнь не сконцентрирована на внешнем сопротивлении и социальном вживании, а также проблемах будущего

³⁷ Norton Dodge and Alison Hilton, eds. *New Art from the Soviet Union. The Known and the Unknown*. Washington, DC: Acropolis Books, 1977.

³⁸ Речь идёт об альбоме «Семантика возможных миров» и тактильном объекте «Предметы с планеты РС-9X», в настоящее время обе работы в коллекции Третьяковской галереи.

русского искусства и благородного негодования. Мы знаем только, что тебе легче работается и т. п. Возможно, как раз на эту тему ты несловоохотлив. Тогда прости за любопытство.
Целуем тебя. Римма и Валера

Есаян – Шелковскому 06.12.77, Москва

Дорогой мой Игорь, только что получил «Мост Вздохов» от тебя. В нашем безрадостном с Верой существовании ты единственный, кто нам дарит светлые минуты.

Милый Жак [Мелконян] ужинал у нас недавно (с Ваней [Чуйковым] и Аликом [Сидоровым]). Я знаю о твоём успехе, мы безмерно им счастливы. Видел потом немецкую газету (жаль по-немецки-то не умею), но какое волнующее зрелище – твоя прекрасная вещь в рамке из герметического этого текста.

Весь вечер проговорили о тебе с Жаком, дай Бог ему здоровья, он рассказчик добросовестный. Я как бы с тобой и не расставался и до сих пор под впечатлением Венеции, в которой не был, М. Марини, которого не видел etc, etc. (Но видел фото Нежданова [Нея] – коммерческие кунштюки, по-моему, а ты как думаешь?) <...>

Твой С.

Шелковский – Есяну 07.12.77

Дорогой Серёжа!

Как мне сказала Ася (Ксения) [Муратова], Анри [Волохонскому] удалось получить для тебя приглашение. Теперь дело за пересылкой. Потом дело будет за ОВИРОм и тобой.

Выставка в Венеции, на мой взгляд, получилась очень удачной. Из твоих работ образовался отдельный полужал, и всё смотрится хорошо. Молодец Андре [Волохонский], что сумел всё организовать с твоими работами.

Ничего не знаю, о твоей теперешней жизни в Москве. И вообще ни от кого не получаю никаких вестей.

Алёша Хвостенко и Ася цветут и процветают. Укатали в Италию на Биеннале.

Виделся ли ты с Жаком [Мелконяном]? Во «Франкфуртер Альгемайне»³⁹ была статья немецкой журналистки на основе нашего разговора с ней. Там есть несколько строк про тебя (фраза про армянский темперамент принадлежит Жаку). Мы с Жаком решили, что это должно тебе помочь в твоих взаимоотношениях с властями. Особенно в случае отъезда.

Сегодня виделся с Олегом Прокофьевым. Он этот год с семьёй живёт в Париже. Он тоже считает, что ты должен уехать.

³⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung – одна из ведущих и самая распространённая из газет Германии.

Шелковский – Сидорову 08.12.77

Дорогой Алик!

Здесь в начале января в маленькой галерее готовится интересная выставка «Objects – poems» (бук. перевод: объекты – поэмы). Я там показывал слайды Лёни, и им очень интересовались. Выбрали «Чёрное море» и ещё, может, «Озеро Байкал». Из моих работ выбрали «Молоко». Как всё это переслать? Спроси Кирилла [Махрова], сможет ли он помочь в этом деле, в какой степени. Ведь мне здесь хотелось бы иметь как можно больше московских вещей всех: Лёни [Сокова], Ивана [Чуйкова], других. Можно было бы при их наличии организовать выставку русских скульпторов (Иван с его серией «Облаков» подошёл бы очень). Лёне скажи, что я писал в Норвегию насчёт «Рубрики» и пр. и не получил ответа. Может ли он написать о том же, т. е. чтобы работы переслали в Париж? Пока что всё, что я имел, я использовал с максимальным эффектом (фото и слайды Герловиных, Ивана и Лёни). Интерес к русским очень большой, но кто сюда едет! Весь ленинградский сюрреализм рекой разливной.

Письмо Ивана, о котором он говорил по телефону, я не получил.

Насчёт «Молока». Если он хорошо пристроен – не надо, обойдусь. Если он мешается и болтается, то пришли, мне хотелось бы его закончить и показать. Если будет возможность, конечно.

Для русской выставки скульптуры, которую я задумал, нужно было бы 7-8 человек по 2-3-4 работы от каждого. 2 хороших скульптора живут в Нью-Йорке: Косолапов и Нежданов. Лёня, Иван, кого можно ещё? Почему в тени Боря [Орлов], Дима [Пригов]. Какие с ними метаморфозы?

Все вы по кланам и это очень жаль. Я уж тебя прошу, будь выше, над группировками, будь связующим звеном.

Наверное, проще пересылать графику, живопись на бумаге. Я жду всего. Мой вам завет основной всем: не бойтесь. Надо быть крайне осторожным, чтобы не проваливать всё заранее, но не бояться в принципе.

Ж. [Мелконяна] увижу восемнадцатого.

Моя активность здесь зависит от вашей там.

Желаю всего-всего хорошего! Обнимаю, целую тебя, Лиду. Привет всем-всем!

Ваш Игорь <...>

Сидоров – Шелковскому 14.12.77

Дорогой И.! Только что получил известие, что моё письмо отправить не удалось и завтра его получу обратно. Жаль! – я потратил на него несколько дней (5 листов мельчайшим почерком). Во многом это устарело, поэтому решил написать тебе новое. Как и предыдущее, это письмо полностью посвящаю журналу. О себе напишу как только появится время, очень боюсь, что это письмо получится длинным, но что делать! – надо договориться обо всём.

Из твоего письма о Venezia (15.11.77) понял, что ты в курсе всех дел: значит, ты получил моё письмо, на которое я уже не рассчитывал, т. к. его проводник – человек совершенно случайный, ненадёжный, но другой возможности отправить его у меня не было.

Прошу прощения за его невнятность, но это из-за предосторожности. Конечно, оно во многом устарело, но главная идея выражена совершенно правильно (это то место, где я пишу о целях и задачах журнала). Остальные пункты я пересмотрел и изложу их ниже.

Итак, сначала об истории и зарождении этой идеи. В один из весенних приездов Ж. [Жак Мелконян] предложил обдумать и написать проект альманаха антишемякинского по духу и подбору материала, как я понял с его слов. Идея альманаха мне не показалась удачной и перспективной, т. к. это предприятие разовое и постоянно будет искушение напихать туда как можно больше и в результате получится такой же винегрет, как в «Аполлоне».

Во время этого обдумывания и обсуждения и возникла идея журнала. Ж. [Жак Мелконян] сказал, что подумает и посоветуется с тобой и с кем-то ещё. Тогда же я и написал тебе письмо, но долго не мог отправить (месяца два!) Но потом идеи изменились, трансформировались, и оно, конечно, устарело. Тогда я и написал № 10. Но там много неосуществимых проектов (особенно дискуссионный отдел) и ты не обращай на него особого внимания. Беда в том, что эти наши письма отстают на 1,5-2 месяца и безнадёжно устаревают. Кстати, это одна из самых сложных (технических) проблем в нашей затее. Но пока я мечтал и фантазировал о будущем журнале, снова приехал Ж. [Жак Мелконян] и попросил срочно разработать развёрнутый проект и, ссылаясь на твою подсказку (и не вникая в её суть), предложил создать редакционный совет, в который бы вошли Г. [Герловины] и Ч. [Чуйков]. Предложение было сделано в их присутствии, поэтому сама идея критически не обсуждалась и была воспринята сама собою, как должное. На мой взгляд, это была большая ошибка.

В этом пункте ты должен понять меня абсолютно правильно, а я попытаюсь внятно разъяснить свою точку зрения. Я убеждён, что такой журнал делать большим сообществом невозможно. Во-первых, каждый член совета обладает правом вето, что делает невозможным публикацию материалов, по которым нет единого мнения. Во-вторых, мы ещё демократически не воспитаны, мы ещё не научились уважать чужое мнение, несовпадающее с нашим (я говорю «мы», имея в виду и себя тоже). В-третьих, каждый понимает цели и задачи журнала по-своему, и снивелировать эти мнения мне не представляется возможным. В-четвёртых, в это деликатное и небезопасное дело вовлекается слишком большой круг людей, и невозможно будет проконтролировать, где утекает информация. В-пятых, и самое главное, к сотрудничеству должны привлекаться люди по деловым качествам, а не по принципу дружеских отношений. И шестое – в больших коллективах (а для такого журнала его можно назвать «большим коллективом») обратно пропорционально падает ответственность каждого отдельного члена за выполняемую работу, другими словами: один надеется на другого, а дело стоит.

Может быть, теоретически, я и не прав, но короткая практика показала: «сообща» дело делается гораздо туже и медленнее, чем в одиночку. Вспоминая наше первое совместное «заседание», бросается в глаза столкновение интересов, т. е. личной заинтересованности в этом деле. Раскол произошёл сразу же и по первому же пункту: каким быть журналу – направленческим, т. е. декларативного содержания, или информативным. Г. [Герловины] резко взяли сто-

рону направленческого. Ударной (ближе к манифесту) ориентации (другими словами, участвуют, прежде всего, они и все, кто с ними). Я – за равноправное предложение всех современных направлений, не исключая и чисто теоретических и философских работ неинформативного характера. Ч. [Чуйков] после нескольких колебаний принял тоже эту точку зрения, чем вывел Г. [Герловиных] из себя; они даже встали, оделись и на пороге сказали, что если когда-нибудь на страницах «вашего» журнала появится Харитонов или Рабин (фамилии я, может быть, и путаю, но смысл передаю точно), то они тут же выйдут из редколлегии. Постановка вопроса слишком жёсткая для того, чтобы плодотворно сотрудничать, и если бы не компромиссные предложения Ивана, который не дал себя спровоцировать, дело зашло бы в тупик. Хотя мы тогда и не пришли к одному мнению и даже не разработали проект первого номера, всё же было решено на этом собрании одно важное и достаточно щекотливое дело: выбор главного редактора.

Я не могу толком ответить, почему так, но выбор пал на меня, и уже в этом новом качестве я подготовил декларацию об обязанностях и полномочиях редактора. Правда, никакой торжественной церемонии при её прочтении не было, но я отстаивал некоторые прерогативы этой должности. Прежде всего, возможность самостоятельно решать, какой материал пойдёт или не пойдёт, кому его заказать, в каком виде материал должен быть подан и т. п. Короче, самостоятельно решаются все вопросы, кроме самого главного: кого публиковать. Такое решение я считаю правильным и думаю – ты к нему присоединишься. По вопросу же «кого публиковать?» я тоже сделал несколько, как мне кажется, очень важных оговорок. Дело не в том, будем мы или не будем публиковать Рабина, а в том, что нельзя себе ставить априори искусственные преграды в самом начале работы, суживать свои возможности, создавать искусственные и догматические запреты. Запрет должен быть один – делать плохо. Вопрос же о том, каким быть журналу – проводником и вестником одного направления или информативно-теоретическим, мы отложили до приезда Ж., который решил его одним словом – «конечно, информативным». (Второе слово «теоретический» он почему-то не упомянул, но здесь, мне кажется, мы должны действовать вопреки его желаниям и его ориентации.

Теоретическая часть журнала нужна не там, а здесь, художники и искусствоведы в ней нуждаются. Здесь не хватает не только информации о том, что делать дальше, но не хватает и концепций. Глубоких теорий и философских систем). Я недавно был у Павла И. [Ионова]. Это очень хороший художник (потенциально), но до чего убоги его концепции и ложны. Они увели его к ложным и убогим целям. Вот кому нужен журнал в первую очередь, а не для того, чтобы делать себе рекламу на Западе (есть тут и такие). Как-то сама собой пришла идея первого номера (кажется, предложил Ж. [Жак Мелконян], а может быть ты через него?!). Идея мне очень понравилась. Во-первых, материал будет хорошо объединён (стержень – выставка). Во-вторых, у меня на руках твой архив, и все остальные материалы легко доступны. В-третьих, в целом контексте (по семи художникам) не будет глубоких противоречий, несмотря на все различия, а в-четвёртых, я вас всех люблю, что имеет тоже не малое значение. Но самое главное: эта выставка до сегодняшнего дня осталась самым интересным и значительным явлением за последние полтора года. Как говорится, идея есть – можно и начинать. Я принялся за разработку первого номера.

Вот тут-то и начались мои настоящие мучения! Ты пишешь в своём письме, что было бы хорошо иметь материал на 5-7 номеров вперёд. Ты бесконечно прав, но... я выбился из сил с подбором материала только для первого номера. И., дорогой, ты уже забыл, где мы живём. Мы живём в сонном царстве. Из 12 заказанных мной статей (да всё серьёзным людям! Да всё умницам!) ещё в октябре (точнее, 4 октября – последняя) я пока получил только 3, да и то невысокого качества. Здесь некому писать, здесь умеют писать только жалобы да неосуществимые проекты – такова реальность. Будет очень трудно, но журнал должен будет сам воспиты-

вать и выращивать своих авторов. Это кардинальная идея. Ну а пока будем довольствоваться тем, что бог послал.

Теперь подробнее о первом номере. На обратной стороне передней обложки (о самой обложке в конце письма) традиционное, но совершенно необходимое обращение к читателям о целях и задачах журнала, о его возможностях и границах и его отличии от других журналов подобного рода. Я думаю, уложусь в строк 20-25. Хорошо бы для этого обращения подобрать красивый и чёткий шрифт, который легко читался бы. Остальной печатный материал, кроме заголовков, для удешевления издания можно воспроизводить фотоспособом с машинописного текста (как в «Аполлоне»). Затем (пока мечта) – большая статья на хорошем философском уровне о современном искусстве. Примерно в таких аспектах: продолжение традиций или разрыв с ними, отказ от строгих эстетических категорий, разрушение стереотипов и демифологизация всех устоявшихся символов, канон и выход из канона (или за его пределы), трансформационные изменения грамматики и самого языка искусства, творчество как экзистенциальный акт и феноменальность творчества, проблемы большого стиля и культуры, искусство индивидуальное и искусство социума и т. д.

Впрочем, я тезисов своих не предлагаю. Я просто даю возможные варианты. Но пока это всё мечты – писать некому. Я вышел на Померанца, Зиновьева, Барабанова, Огурцова и т. п., но прямого результата нет. Есть один философ (инкогнито), но он, во-первых, занят, а во-вторых, боится (тоже проблема). Будет эта статья или нет – я не знаю, её отсутствие номера не испортит, но она очень нужна в одном из самых первых номеров. Вторая статья – обзорная о вашей выставке [в Венеции] с фотографиями. Хотелось бы, чтобы её написал Женя Б. [Барабанов]. Он бы смог. У меня с ним встреча через неделю, думаю, уговорю. (Ещё проблема! У известных авторов нет стимула писать в неизвестный журнал. Вот когда выйдет на широкую, ясную – тогда, может быть, что-то изменится.) Если Б. [Барабанов] её не станет писать, мы её напишем сообща. Эта статья очень важна и без неё не держится и весь остальной материал. Она важна не только сама по себе, как стержневая, но и для того, чтобы показать некоторым старые работы, которые на выставке были, а в статье о художниках не войдут. Объём этой статьи заранее определить невозможно, а фотографий будет штук 10-11:

1. Групповая во дворе, которую сделал Игорь М. [Макаревич] и которую Герловины поспешили дать во Flash Art⁴⁰, хотя мы договорились, что у нас это будет центральная, стержневая фотография (как работа). Её можно дать в разворот и прямо на ней сверху название статьи.

2. Стенка с твоими работами и Саши Юликова
3. Стенка с работами Риммы Герловиной
4. Интерьер с посетителями
5. Стенка с работами Лёни [Сокова] и посетителями
6. Иван [Чуйков] у своих работ (если такая фотография есть)
7. Работы Валерия Герловина – угол
8. Серёжа Шаблавин, Римма [Герловина] с посетителями
9. Римма с кубиком в руках
10. Иван, Лёня и др. в комнатке? Можно заменить другой
11. ?

⁴⁰ Возможно, речь идёт об ошибке Сидорова. В 1976 году во время выставки в мастерской Сокова я во дворе, неподалёку от его мастерской, фотографировал группу участников этой выставки. На основе этой съёмки год спустя я сделал работу «Выбор цели» (1977). Герловины, действительно, поспешили дать эту работу, но не во Flash Art, а куратору готовившейся в это время выставки «Москва – Париж». Работа «Выбор цели» была экспонирована на неофициальной части большой выставки «Москва – Париж» в Центре Помпиду наряду с фотоработами А. Абрамова и И. Чуйкова. Чуть позже моя работа в полном составе (11 разворотов) была опубликована в журнале Центра Помпиду CANNIERS, где она датирована 1977 годом. (И. Макаревич, 2016).

После этой статьи пойдут отдельные статьи о каждом участнике выставки. Порядок, в каком они будут следовать, ещё не ясен. Можно разыграть на спичках. Это не принципиально. Статья Герловиных совместная. О характере статей пока могу сказать следующее: 1). О тебе. Эту статью взялся написать я. Кому же ещё! – у меня весь архив на руках, и я здесь знаю больше других. Я хочу сделать неглубокую ретроспекцию (этим статья будет отличаться от остальных материалов, дающих срез по теперешнему периоду). Она как бы подведёт итог твоему московскому периоду. Трудность в том, что я никогда не писал статей по искусству. Как только статья будет готова (конец января), я перешлю её тебе отдельно и раньше других материалов на доработку. Сомнения у меня только в одном – давать живопись или нет? Напиши своё мнение. Максимум иллюстраций к этой статье: 14-15.

Ж. [Жак Мелконян] пока не назвал точную цифру цветных иллюстраций. Если их будет 8-10 (как договорились предварительно), то тогда в статье о тебе цветных иллюстраций будет всего 1-2. Но будем надеяться, что – будет увеличено. Мне бы хотелось, чтобы все статьи в одном номере были объединены идейно, но написаны в разных жанрах. Искусствоведческий анализ, обзоры, интервью [кстати, об интервью. Я хотел в первом номере материал, относящийся к Герловиным, дать в форме двойного интервью, получилось бы интересно – нечто вроде игры в пинг-понг с тремя шарами: своеобразное шоу, где вопросы может задавать и интервьюер и интервьюированные (чёрт! Какое слово), а так как их двое – возможны встречные вопросы, «расходящиеся» ответы, провокации, подложки, ловушки, шутки и отбрёхивания – одним словом, кетч. К их позициям и работам такое интервью-игра, мне кажется, очень бы подошло. Но они решили эту проблему по-другому и взялись написать о себе сами (а с членами редакционного совета, где вес голоса равен (а их – двое), спорить невозможно). И. [Иван Чуйков] написал длинную и (кажется), а может быть, я сужу предвзято, скучную статью с огромным числом непроизносимых иностранных слов. Хотя этот жанр ещё раньше я предложил И. [Ивану Чуйкову], как самому ответственному и хорошо излагающему свои мысли.

Итак: 2) об И. [Иване Чуйкове]. Эту статью он написал сам, мы её отредактировали, и получилось неплохо, но мы допустили с самого начала большую ошибку: И. [Иван Чуйков] взял несколько наукообразный тон и в том стиле её закончил. А я, редактируя, подпел ему, и получилась сухая (это неплохо!) и зализанная (это уже хуже!) статья. А самый большой её недостаток – обилие терминов и труднопроизносимых слов. Кое-что мы убрали, но всего не переделаешь, а писать заново – нет времени. Как я уже сказал, интересная форма – интервью – осталась неиспользованной. Мне хотелось предложить её Ш. [Шаблаину], хотя он тоже рвался написать о себе сам (это похоже на эпидемию!), более того, даже написал, но пишет он много хуже того, как говорит. Принёс 8 листов, 100% – выкинем. Мы с И. [Иваном Чуйковым] читали, читали, додумывали, домысливали, но так ничего и не поняли, ахнули, переглянулись и вернули обратно (а это совсем не просто сделать – возвращать статьи автору. Где набраться такта, деликатности, чтобы и объяснить и не обидеть?). Перед этим я читал его тезисы к статье: вроде бы всё было нормально, не блеск, но приемлемо, а когда тезисы разжижили, получилось дерьмо (тут это слово на месте).

Для Л. [Лёни Сокова] никакая из этих форм не подошла бы (ни интервью, ни абзацы, ни «сам о себе», ни анализ), и я придумал очень удачную форму комментариев на его работы: каждый, посвящённый в наше дело, получил задание написать (от себя) комментарии к избранным по вкусу 4-6 работам. Таких человек оказалось 8. Все написали и, когда я собрал их, получился очень ценный и интересный компендиум. Есть взаимоисключающие мнения. Есть удивительные совпадения. Есть необычные и неожиданные повороты мысли. Теперь я работаю над синтезом этих материалов и облечением их в простую и выразительную форму (ох, тоже не легко!). Кажется, это будет самый интересно поданный материал.

О Ю. [Юликове] напишет, наверно, Женя Б. [Барабанов], они с ним дружны. Он его хорошо знает, а Женя хорошо пишет. Тут можно надеяться на удовлетворительное качество.

Ко всему этому могу добавить, что выработанные принципы предполагают, что во всех этих статьях никакого размусоливания и катания на общих местах быть не должно. Но пока это декларация, а что будет на самом деле – не знаю! Пока я верю! Те принципы, которые изложены в письме № 10, никем здесь не оспаривались; все предлагают их как определяющие самостоятельное лицо журнала, но следовать этим принципам ещё не научились и прежде всего я сам: меня так и тянет ко всяким оценочным категориям, одобрительным кивкам и сильным эпитетам. Надо учиться. Из проблем, которые встают передо мной. По первому номеру есть одна меня беспокоящая.

По согласованию с Ж. [Жаком Мелконяном] на каждого художника отпущено места и количество иллюстраций – поровну. Точнее по 6-7 страниц (машинописных) текста и по 11 иллюстраций (10 ч/б и 1 цветная). Т. к. этот принцип был оглашён при всех и никто своего не уступит – получается глупейшая ситуация: редактор становится рабом объёма статей. Я отвоёвывал, доказав, что если хватает 20 строк, то зачем талдычить на 6 страницах. С фотографиями – хуже. Этот жёсткий принцип лишает меня свободы и заставляет скрупулёзно следовать предложениям догматического равенства (а это уже не равенство – это несвобода). Очень надеюсь, что ко второму номеру я буду освобождён от этих пут. Если необходимо – можно дать 20 фотографий, но если можно обойтись двумя – зачем разжигать? Вообще (добавь этот принцип к тем, что изложены в № 10), соображения престижа (не журнала, а художника, прошу не путать), соперничества, само- и других видов рекламы, сведение счётов с отдельными лицами, и группировки, и всякого рода апологетики должны быть изгнаны не только из нашего «портфеля», но и из нашей черновой подготовительной работы.

Все мои жалобы на Г. [Герловиных], во-первых, только лишь жалобы тебе, во-вторых, перечитал (только что) все эти места, то увидел совершенно для себя неожиданно, что на бумаге они значительно серьёзнее, чем я сам считаю и чем я хотел это показать, в-третьих (и это очень важно!), я имел в виду исключительно журнальные дела и, ещё раз подчёркиваю, к нашим личным отношениям это не относится ни в коей мере!!! Наоборот, мы дружны, и наше общение просто и чудесно. Особенно мы сблизились с И. [Иваном Чуйковым] (к тому же он мой и журнальный союзник). Вообще я номинально существую (как редактор) только благодаря поддержке Ж. [Жака Мелконяна] и И. [Ивана Чуйкова]... Продолжаю о содержании нового номера (условно буду называть № 1). После этих шести статей (о Г. [Герловиных] одна статья, но работ – 20) – И это общее мнение – материалы о каких-либо других современных художниках были бы перегрузкой.

Сразу же за последней статьёй (мне бы хотелось кончить статьёй о Л. [Лёне Сокове]) пойдёт рубрика «Наши публикации». Название рубрики условно, но смысл передан точно. Здесь мы будем давать тот материал (никогда ранее не публиковавшийся), который бы относился к интересным явлениям русского искусства в первой половине XX в. Такими материалами могут быть теоретические работы Кандинского, Малевича (кстати, на русском языке, кажется, не опубликованы – проверь у А. Накова), Татлина и т. п., переписка, фотографии и работы (например, некоторые неопубликованные работы Филонова, акварели Фалька и Фонвизина). Малоизвестные художники 20-х, 30-х годов – например, П. Суриков, Соколов, Софронова, Шипицын, Соколик и т. д. и т. д. Для первого номера я выбиваю не публиковавшийся альбом А. Ремизова. Тут тебе есть работа. Не мог бы ты списаться с Наташей Кодрянской (её адрес легко узнать в издательстве Y. [YMCA-PRESS]⁴¹, написать о нашем журнале и попросить (без гонорара, к сожалению) написать небольшую статью о рисунках Ремизова (не в плане искусствоведения, а в плане воспоминаний или обзора). В добавление к нашему альбому это было

⁴¹ ИМКА (ИМКА-Пресс; YMCA-Press или YMCA Press publishing house) – издательство русской литературы под эгидой международной христианской организации YMCA, основанное в 1921 году в Праге.

бы очень здорово. Эх, если бы она ещё дала несколько не публиковавшихся рисунков (цветных!). Попытка – не пытка, а?! Ну вот с № 1, кажется, всё.

Теперь займёмся меркантильными делами. Довольно-таки слабое (и уязвимое) место в нашем начинании – материально-техническое обеспечение. Я приблизительно подсчитал, что расход (здесь в Москве) по одному номеру составит от 700 до 1200 руб. (это при условии, что Ж. [Жак Мелконян] (как он обещал), привезёт фотокамеру с разными приспособлениями и будет постоянно обеспечивать фотоматериалами). В этот расход не включается расход на гонорары (если мы хотим хорошего качества, на энтузиазме долго не покатаешься). Об этой сложной в будущем проблеме мы поговорим с тобой в специальном письме (где-нибудь весной-летом). В сумму входят следующие расходы: а) перепечатка текстов (двойная – до редактирования и после редактирования) (для фотоспособа потребуется ещё и специальная печать с правильным расположением текста на специальной машинке; стоимость этой печати 1 руб. за один лист), перепечатка подписей к фотографиям – русский текст по 30 коп. за лист, английский текст – по 50–60 коп. за лист. Итого: при объёме журнала в 3–3,6 печатных листа (только текста) будет ≈ 130–180 руб.; б) перевод на английский язык – 400–700 руб.; в) редактирование на английском языке ≈ 60–100 руб.; г) организаторские расходы – телефонные разговоры, почтовые марки, разъезды, подарки изготовителям материалов, брак в работе (т. е. не пошедшие в номер, но сделанные материалы) и т. п. Клади на всё это не меньше 200 руб.

О проектах других номеров напишу в январе, когда будет посвободнее. Да я ещё и мало думал на эту тему. Предварительные наброски у меня есть. Например, как тебе нравится идея № 2-го, объединённого одной проблемой – поисками и решениями пространства. Художники: Б. Ор. [Орлов] – его сферы; Д. Пр. [Пригов] – бумажные работы; Эр. Бул. [Булатова], Ол. Вас. [Васильева] – поиски цветного пространства; Сер. Шаб. [Шаблавина] (опять!) – не круглые работы, а новые вертикальные (правда, пока ещё намёки, но интересные); твои – вывернутые наизнанку панорамы... Занимается ли у нас кто-нибудь *environnement* (правильно ли пишу, нет под рукой словаря?). Я ещё об этом ни с кем не говорил, да и сам вот только что придумал, а хорошо-то придумать не успел. Напиши подробнее, что ты думаешь об этом. Готовы дать для следующих номеров Гр. Гр. [Громова] и (даже!) Фёд. В. [Семёнова-Амурского] (*sic*), на очень любопытных и приятных для меня условиях – напишу, когда решится окончательно, а то сглазим. Вообще идёт много, и если всё реализовать – у журнала образуется очень интересный (моё мнение) контекст.

Но всё в будущем: появится опыт, работа войдёт в более спокойное русло, не будет этой дурацкой спешки (ведь сейчас нет никакого задела, всё приходится начинать от нуля), и, самое важное, у журнала будет лицо и имя, и тогда можно приглашать к сотрудничеству кого угодно, а не как сейчас. Когда даже нет названия (ведь даже не во что пригласить – приходится объяснять на пальцах). Кстати, о названии, я всё жду, что оно само придёт (приснится) в процессе работы, но вот уже 5 месяцев, а что-то не приходит. Видимо, нужны искусственные роды. Скорее всего, первичным должен быть английский вариант (русский эквивалент мы подберём быстрее), что-нибудь рифмующееся и с двойным смыслом (с подтекстом, как говорят «умные» советские гуманисты), нечто вроде *Views & Hues* (посмотри в словаре) или *Art we impart*; но всё это немного пресно и не совсем то. «Белая ворона» или какая-нибудь «Квадратная свёкла» – это малость с вызовом и уже было («Треугольная груша», например). Кажется, мой листочек кончается, а начинать новый у меня не хватит духу: рука устала, глаза слипаются. <...>

Шаблавин – Шелковскому 17.12.77

Дорогой Игорь!

Немножко о нас.

Летом мы отдыхаем в Прибалтике, на хуторе, который стоит один на открытом берегу Балтийского моря. Погода всё время стояла превосходная, берег обращён на Запад, так что мы каждый вечер наблюдали удивительные закаты, в начале августа – светлые, в конце августа – драматичные, какие у нас бывают зимой, когда на небе отчётливо видна граница дня и ночи. И днём, и вечером на открытом морском пространстве отчётливо и остро чувствуется сферичность в природе – горизонт изогнут, небо ослепительно белое у горизонта переходит в почти космическую черноту в зените и накрывает море и землю как огромная бесконечная чаша.

Сосны с наполненным солнечным светом ветвями сходятся по кривым линиям к небу над головой. Когда стоишь на песчаном утесе и смотришь в море, то кажется, что летишь в центре огромной синей сферы. Впечатление усиливается повсеместным доминированием неба. Сначала небо, потом море, и лишь небольшой клочок песчаной дюны под ногами. А ночью можно часами слушать и вслушиваться в бесконечность.

Жаль, что это всё уже не сейчас.

В Москве мы сейчас живём у Речного вокзала и проживём здесь ещё год с небольшим. Я сейчас, пока ещё живы впечатления лета, стараюсь всё время, которым располагаю, отдавать живописи: это в основном круги – пейзажи (хотя есть желание заняться портретом в круге) – и горизонтальные, и вертикальные вытянутые композиции – фрагменты сферического пространства. Занимаюсь много и фотографией.

Встречаемся время от времени со всеми ребятами. Все сейчас много работают.

Несколько раз заходили к Эрику [Булатову] и Олегу [Васильеву], у них интересные и очень разные новые картины. Ваня [Чуйков] и Лёня [Соков] тоже побывали у них в гостях.

Последние работы Вани мне кажутся очень интересными (параллелепипеды). Они чрезвычайно эстетичны по цвету (даже изысканны), оригинальны по замыслу и даже интереснее мне своими пространственными задачами. Вот, пожалуй, и всё. <...>

Целуем. Оля и Серёжа

Чуйков – Шелковскому 17.12.77

Игорь, дорогой, здравствуй!

<...> Видели J. [Жака Мелконяна]. Он много рассказывал о тебе и Biennale. Здорово, что ты смог туда съездить (получил вашу совместную открытку). J. говорил, что ты имел успех на выставке – это прекрасно. Вообще, насколько я могу судить по каталогу, мне всё это нравится, хорошо организовано, наконец-то хоть как-то рассортировано и т. д. Конечно, общее впечатление не слишком сильное, но ведь единственный критерий отбора – неофициальность, в то время как любые другие выставки отбирают соответственно какому-то принципу или профессиональному уровню. Поэтому её нельзя сравнивать с другими выставками. Это всё равно, что выставить всех французских художников (что, конечно, немыслимо ввиду их количества), вот тогда, наверное, и там всплывет много скверного и слабого.

К сожалению, мы здесь совсем не имеем доступа к прессе о выставке, а ведь она должна быть. <...>

Игорь, что происходит с нашими уехавшими? Неужели советская закваска так сильна даже и у тех, кто как будто внутренне не принимал ничего этого? Неужели Homo Sovieticus везде остаётся собой?

Читал «Аполлон» и вырезки из русских иммигрантских газет. Можно не соглашаться с оценкой ис-ва как такового, но реакцию приличных людей старого воспитания на беспардонную, провинциально невежественную и наглую саморекламу вполне понимаю. И почему они все ссорятся, делят что-то (уж не наследство ли неофициальной славы)?

А в общем-то мы здесь мало чего знаем, а судить всегда легко.

Наши общие дела понемногу двигаются, но со столь ограниченным штатом в 1,5 человека (А. [Сидоров] – 1 чел., а 0,5 – это все остальные) трудно ожидать быстрых результатов. Впрочем, А. подготовил тебе отчёт объёмом в тетрадь.

Здесь у нас в основном всё по-старому, вот только последнее время суета заела.

В связи с публикацией и выставкой появился новый интерес – всё время кто-то обращается, просит фото, слайды и тексты, а так как здесь всё это делается очень не просто, а всё через жопу, то отнимает массу времени и энергии. Как раз сейчас, когда включился в работу и голова полна идей, приходится отрываться и заниматься этой суетой. А я всегда мог хорошо делать только одно дело за раз – поэтому всё время нахожусь или в депрессивном или во взвинченно-нервном состоянии, дёргаюсь, боюсь что-то не успеть, забыть и т. д. Надо как-то кончать с этим и спокойно работать.

Все ребята пишат тебе сами, так что о них ничего не пишу. Что слышно о Саше Косолапове? Жаль, что он не участвовал в выставке, а ведь его работы (те, что он вывез отсюда), мне кажется, прозвучали бы очень хорошо, судя по успеху Л. [Сокова].

Игорь, я уже плохо помню, что именно из моих работ есть у тебя в слайдах: т. е. я знаю, что отсылал тебе всё, но вот на чём это кончилось, помню неуверенно. Напиши мне, сколько у тебя их всего (не слайдов, а по работам, ведь некоторые в 2-х слайдах) и какие последние.

Пиши нам о себе, своих делах, о других художниках, кого знаешь. Нам всё интересно. <...>

Соков – Шелковскому 18.12.77

Дорогой Игорь!

Получил от тебя открытку. Наташа передала твои вопросы и просьбы насчёт «Чёрного моря» и «Байкала». По поводу «Чёрного моря» и «Байкала» я сейчас предпринимаю всё, что могу. Напиши, к какому конкретно времени нужно! По поводу других вещей я тебе написал в 2-х письмах. Может быть, нужно что-то ещё?

План свой я не изменил (конкретно я написал в тех 2-х письмах), ещё более конкретно я пишу в большом письме, которое придёт к тебе с оказией.

Я тебе не звоню, потому что по телефону ничего конкретного не скажешь, а когда слышишь знакомый голос – после очень трудно успокоиться. Все более или менее хорошие художники или уехали, или уезжают. Проводили Соц. Art. Напиши, пожалуйста, твоё мнение о качестве моих последних слайдов.

По поводу моей работы: закончил цикл в штук 15-20 работ. Очень трудно начинать новый, нужны механизмы, которых не купишь и не достанешь, нужны материалы, которых не найдёшь. Изгаляюсь, как могу, и нахожу подножные материалы.

Саша Косолапов последнее время совсем не пишет. От этого создаётся впечатление, что ему труднее и хуже, чем нам здесь, – на мой взгляд, это невозможно. На мои письма отвечает очень редко.

Рады за тебя, что у тебя всё успешно – помогай Бог. Поздравляю тебя с днём рождения и желаю тебе больших творческих успехов, и желаю увидеться с тобой в будущем году. Поздравляю также с наступающим Новым годом.

Получил от Эдика Зеленина письмо, в котором он выражает свою готовность помочь мне. Я отправил ему письмо – не знаю, дойдёт ли. Передавай ему от меня большой привет. При случае я тебе отправлю письмо, где опишу подробно и гиперреалистически мои желания и мою ситуацию, чтобы ты не сомневался по поводу моих планов.

Обнимаю тебя, твой Лёня

Косолапов – Шелковскому 18.12.77

Здравствуй, дорогой Игорь!

Спасибо за письмо. О Вашей выставке в Венеции я узнал ещё от Эрнста [Неизвестного]. Он показал мне каталог, многочисленные отзывы. (В Экспрессо Italia⁴² видел твою фотографию.) И наконец, в воскресном N. Y. таймсе отчёт о выставке с фотографией твоей работы. Эту вырезку из газеты я тебе посылаю в письме. Я рад, что эта выставка состоялась, что в ней участвовали ты, Лёня [Соков], Ваня [Чуйков]. Это необходимо для жизни художника (я с тобой совершенно согласен). Кроме того, репутация без подобных выставок не приходит. Это я, как говорится, чувствую по себе. У нас информации, кроме той, что я имел от тебя, практически не было. Я послал Кулакову слайды в Рим, но, по моим сведениям, они вроде не застали адресата. Может, всё к лучшему. Работы были, как мне сейчас кажется, слабые.

Что сказать о нас здесь. Действительно, выставок здесь у нас не происходит. Внимания к русским особенного нет. Но главное не это. Наблюдается огромная дистанция в том, что понимается под искусством у европейцев (я отношу к первым себя) и у американцев. Заинтересовать в N. Y. галерею никому из русских ещё не удалось (исключение Меламид, Комар).

Я не могу никуда лезть пока. Начну, может, но когда? Вообще, это очень сложный вопрос, различие Европы и Америки. Хочется съездить в Европу, посмотреть на Ваши галереи. (Здесь чудовищная конкуренция в искусстве.)

Теперь об участии в выставках. Игорь, я, конечно, принимаю твоё предложение и рад бы был такой возможности, но как преодолеть техническую сторону. Пересылка займёт: 1) время, 2) деньги. Слайды я пришлю, узнаю, сколько займёт времени и сколько стоит пересылка работ.

О Лёне [Сокове] я думаю всё это время. 2,5 года я бился, чтобы сделать ему вызов. Мне это не удалось. Что-то мешает, что – я не могу понять. Эрнст [Неизвестный] прикладывает огромные усилия также. Мы бессильны, где-то не работает; возможно, из-за Лёниной фамилии в Израиле, может, блокируют в России. Единственная надежда, я думаю, уезжать, женившись на еврейке. Но я знаю, как всё это безумно сложно. В общем, в этом вопросе, как это ни странно, только Лёня может найти выход. Если у тебя есть идеи, надо ему сообщать. У нас регулярной переписки нет. Он сильно обижается на меня. Я его понимаю – мы ему кажемся всеильными, и если нет результатов, то это наша личная вина. В Израиле у меня надёжных людей нет. Из N. Y. я буду прикладывать усилия по тем же каналам, но уверенности в успехе у меня нет.

У меня лично всё благополучно. Я работаю, обживаю мастерскую. Как мне кажется, потихоньку оживаю в работе. Лучше стал понимать художественные явления в Америке. Разница с Москвой в миллионы лет – разные мегагалактики.

Ребята там, как я вижу сейчас, пребывают в счастливом неведении. Да и откуда нам было знать, что аксиомы здесь иные. У меня, Игорь, как у тебя, нет близких по художественным устремлениям. И так же, как и у тебя, большое различие во взглядах с русскими художниками, которых здесь немало. Это болезненно, но здесь, на Западе, это удел многих художников. (Я имею в виду одиночество.) Хотя, когда я вижу хороших художников, то ощущаю естественную связь, которая одна и реальна в искусстве.

В этом сезоне много очень хороших выставок. Из последних, запомнившихся: Балтюза (это парижский художник), Тамайо, Магритта, Джаспера Джонса. Как здесь открывается кругозор!

Я и Люда шлём тебе поздравления с Новым годом. Желаем успешной работы, здоровья, удачи.

⁴² L'Espresso – итальянская еженедельная левоцентристская газета.

Слайды я пошлю, как сделаю копии, – в будущем письме.
Не забывай. Твои Люда, Саша

Шелковский – Сидорову 19.12.77

Дорогой Алик!

Вдгонку первому пишу второе письмо. Я как-то неуверенно написал насчёт «Молока». А сейчас мне хочется подтвердить и сказать, что это было б очень желательно. Конечно, если к тому будут возможности. Кроме того, все вещи Фёдора Васильевича [Семёнова-Амурского], все маленькие рисуночки мне дороги как память. Если представится случай, то пришли мне их, также мой фотоархив.

Как я уже писал, «Молоко» и Лёнино «Чёрное море» нужны срочно, до 14-го января. 15-го вернисаж выставки.

Сегодня виделся с Жаком и Иолантой. Они улетают на 3 недели куда-то в Южную Америку, на какие-то острова (кажется Галапагосские?), отдыхать, загорать на яхте.

Получил от них шикарный подарок на день рождения (кожаный то ли портфель, то ли чемодан!). Боюсь этому верить, но, кажется, уже в начале января у меня будет прекрасная мастерская в 20 минутах езды от Парижа, в специально переделанном помещении бывшей фермы.

Мы обсудили с Жаком все дела, и он мне обещал финансовую помощь.

В Москве он будет в конце января. Ты мне давно не звонил по телефону. Все ответы со станции, что абонент не снимает трубку, что никто не отвечает, – это ложь. Почти все дни я был дома, а те дни, когда Жак был в Москве, я специально не выходил из дома по утрам. Надеюсь, что в следующем году я смогу звонить отсюда.

Я ничего не знаю о твоей теперешней жизни. Почему ты не воспользовался приездом Жака, чтобы послать мне письмо? Не получил также письмо Ивана [Чуйкова], о котором он мне говорил по телефону.

Свяжись с Серёжей Есаяном, у него есть возможность посылать письма не по почте. Я всё время эгоистично прошу тебя о чём-то и совсем ничего не знаю о вашей жизни там. Какие трудности? Были ли какие-нибудь неприятности с дармоедами?

Раздай эти фотографии по авторам, остальные оставь себе. Обнимаю вас с Лидой, целую. С Новым годом! С Рождеством!

Алик, раздай или разошли все посылаемые письма. Это поздравления с Новым годом.

Ваш Игорь

Сидоров – Шелковскому 26.12.77

Дорогой И.! Собирался тебе написать о себе, да видимо не получится: необходимо внести некоторые поправки в письмо № 12. Речь идёт о некоторых изменениях по №, т. к. стержневой идеей, объединяющей материал этого номера, была выставка, а эта выставка – событие давнишнее (ко времени выхода нового номера будет почти 2 года), то получается, что мы живём позавчерашним днём. Меня долго мучила мысль, как сделать, чтобы материал был актуальным, сегодняшним, но за эти полтора года ничего особо интересного не было. И вот родилась идея! Необходимо устроить новую выставку в том же составе – шесть в Москве и один в Париже. Получается маленькая биеннале. Но так как эта выставка не поддержана другими (тогда их было несколько), то, чтобы её не разогнали, – это будет выставка по пригласительным билетам и только один день. Мы всё тщательно отснимем, возьмём интервью, составим каталог и пр., но уже учитывая нужды нашего журнала (т. е. это самая настоящая, но маленькая выставка по инициативе журнала), и тогда получается, что этот «мост» через два года встанет на двух опорах – материал будет дан в динамике. Без такой повторной выставки, получается, что писать не о чем, т. к. всё это было безнадёжно давно. Одновременно с московской ты там устраиваешь тоже выставку в поддержку, в знак солидарности. Саму эту синхронность можно использовать как самостоятельную концептуальную работу. Её проект (сценарий мы разрабатываем с Иваном [Чуйковым] или Герловиными и пришлём тебе). Выставку нужно устроить, когда уже весь материал по журналу у нас будет готов, т. е., как я думаю, в конце февраля. Т. к. ни я и никто здесь не представляет досконально тамошних условий, то ты сам напиши и разработай проект «своей» выставки. Главное, чтобы она была синхронна с московской, чтобы на ней были представлены другие работы и чтобы были сделаны хорошего качества снимки (3-5 шт.) (Можно подгадать к приезду Ж. [Жака Мелконяна] в Париж.). Итак, подвожу итоги. Ты напишешь мне, что ты думаешь по этому предложению, какие у тебя возможности (какое помещение, сколько работ, кто и каким образом будет приглашён и т. п.) и какие самостоятельные предложения. Мне кажется (но отсюда плохо видно), что лучше всего устроить её в каком-нибудь парке (не обязательно даже в самом Париже – это не имеет значения). Прямо на открытом воздухе (в конце февраля там не должно быть уже холодно); всего несколько часов и, наверное, необходимо написать плакат, прочтя который было бы ясно, что это за выставка и с какой целью она проводится. Ну а в целом я советов не даю, инициатива, исходя из возможного, должна принадлежать тебе. Имея материал такой выставки, мы можем тогда воспользоваться и материалом первой выставки. Получится некая «ретровыставка». Очень важно услышать твоё мнение по этому поводу.

О себе напишу скоро в № 14.

2. В целях удешевления печати русский и английский текст давать не параллельно (как хотели раньше), а выпускать два варианта – английский и русский по отдельности. Таким образом получается некоторый проигрыш, в частности на макете и клише, зато большой выигрыш в затратах на бумагу и печать. Есть ещё один вариант (ещё дешевле): русский текст печатать в качестве приложения на дешёвой бумаге, плотно размещённым и мелким шрифтом (как в журнале «Проект») и при брошюровке вшивать (или вклеивать) его в журнал. Количество экземпляров с приложением на русском языке устанавливается заранее и всегда может быть изменено в ту или иную сторону даже после печати журнала. Даже не обязательно вшивать, а можно просто вклеивать. Таким образом, мы можем сэкономить Ж. [Жаку Мелконяну] 25% от предполагаемых расходов.

3. К Наталии Кодрянской пока обращаться не нужно – я сам выхожу на неё. К тому же мне открылись некоторые обстоятельства, которые заставляют меня несколько повременить. Как я узнал точно, хорошую статью она написать не сможет, и к тому же есть идея собрать раз-

брошенные по разным книгам и альбомам многочисленные высказывания самого А. М. [Ремизова] и о природе изобразительного творчества, и о своих рисунках и альбомах, о каллиграфии, уставе и т. п. Это в сто раз интереснее статьи о нём. Но мне известно, что у неё есть (уже сделанные) клише для цветных и чёрно-белых рисунков А. М. [Ремизова] и что они с мужем заплатили за это около 100 тыс. fr., но издание так и не состоялось. Вот тут можно попробовать и попросить пяток – десяток. Адрес и рекомендательное письмо, как только я его выйду, – я тебе пришлю. Остальное будет зависеть от твоего обаяния и её скупости. Альбома, который находится здесь, я всё никак не могу увидеть (он в переплёте и ремонте). Хотя принципиальное согласие на публикацию я уже получил. Но самое главное – следующее: эту рубрику, в которой мы даём Ремизова, необходимо немного расширить и сделать её из двух частей – в одной наследство художников эмиграции (Ремизов, Кандинский, Бурлюк, Ланской, Цадкин, Архипенко, Шаршун, Эль Лисицкий, Пуни, Ларионов, Гончарова, Маревна, Рожанковский, Явленский и т. д.); во втором отделе – авангардисты и др. художники, чьё творчество не потеряло актуальности и сегодня и кот. жили здесь (Малевич, Татлин, Родченко, Филонов, Фальк и т. д., и т. д.); т. е. вместо одной публикации – необходимо делать две.

4. В том виде, в котором журнал спроектирован сейчас, он на журнал не тянет, а смахивает на монографию (о выставке и её участниках). Чтобы сделать его журналом, необходим ещё один раздел. Раздел хеппенингов. Готовить этот материал проще простого (фотографии и подписи к ним и больше ничего). А он придаст живости и динамичности. По № 1 я ещё не разобрал, но это очень сложно.

5. Есть у меня идеи и по самому главному материалу № 1 – философской статье, но я пока ни с кем идеей этой не делился и сам обдумал недостаточно хорошо (по последствиям и т. п.). Как прояснится, напишу.

6. Уже договорено, что статью о Ю. [Юликове] пишет Женя Б. [Барабанов].

P. S. Очень хотелось бы на будущее договориться о некоторых сокращениях

N – журнал, NN – последующие номера журналов № 1, № 2, № 3 и т. д. – конкретные номера журнала; → – послать от нас; ← – послать мне; # – статья, R – репродукция, Rc – цветная репродукция.

1978

Борис Орлов – Шелковскому 22.01.78

Игорь, дорогой, я так рад за тебя, за твои успехи, рад как за свои. <...>

Сейчас атмосфера в Москве среди нас весьма противная. Видимо, она всегда противная, когда идёт добыча и делёж славы. Бывшие друзья и приятели смотрят друг на друга с недоверием и стремятся сыграть на опережение, считая, что каждый должен, роковым образом обязан нагадить другому.

Прекрасно, когда художники – соперники в творчестве, но когда они соперники в гонке за 1-е место – это печально. Видимо, сейчас эпоха спорта, судя по разовому искусству. Хотя на секунду, но первым. Искусство уже не объединяет, а разъединяет, особенно самих художников. Художник художнику – друг, товарищ и волк. Или он — другой, недостаточно современен или глуп, или бездарен, или что-нибудь там ещё, что угодно лишь бы подорвать авторитет соперника в глазах других. Как же, не обругаешь, не выживешь.

Но есть и чудачки, которые сидят себе среди этой толкучки и скребут себе что-то самозабвенно. Таков Серёжа Шаблавин. Это удивительный художник и человек. Я всё больше его люблю. Совершенно негибаем в своей линии. Ясно, что в его творчестве происходит что-то очень серьёзное и глубокое. От вещи к вещи он делает всё более совершенные и цельные произведения, освобождает из себя некую чистую конструкцию мира. Как жаль, что ты не видишь последних его работ, они бы тебе очень и очень понравились. <...>

Крепко обнимаю. Боря <...>

Шелковский – Герловиным 22.01.78

Дорогие Римма и Валерий!

Пишу вам безо всякого повода. Сегодня в Париже идёт снег, поэтому настроение какое-то московское. Вспомнилась фраза из вашего письма: «В ходе обсуждения выявилась некоторая разница в понимании искусства между нами и Аликом [Сидоровым]. Надеемся, что это временно». А почему? Разве не может быть различного понимания искусства? И разве не может быть каждая точка зрения по-своему права? Считаете ли вы, что может быть только одно верное понимание и только одна верная точка зрения (разумеется, ваша)?

Этот вопрос более важный и более насущный, чем кажется с первого взгляда. Подобный принцип, перенесённый в другие сферы, и породил те ужасы, которые есть и от которых погибли и все те, кто его устанавливал (в том числе и многие художники). Что я подчёркиваю во всех письмах, это то, что здесь в Париже нет какого-то одного тотального направления в искусстве, на выставках вполне демократично сосуществуют все имеющиеся направления, в своём соседстве обогащая и дополняя друг друга. Разве жизнь не интересна именно своим многообразием? И только из непонимания этого, из фанатизма вытекает такое правило, как «кто не с нами, тот» и так далее. Узость, групповщина, разве не мешает это всё художникам, не прибавляет больших трудностей к уже имеющимся?

Чуйков – Шелковскому 25.01.78

Дорогой Игорь!

Спешу написать и отправить тебе с Николь записку.

Игорёк, открытку (повторную) я получил. Так что вся твоя корреспонденция пока, с накладками, но дошла. Правда, Серёжа Е. [Есяян] говорит, что ещё какие-то твои письма, в том числе и ко мне, лежат на имя его знакомого и могут быть получены только в феврале.

Как твои дела? Нам неизвестно, участвуешь ли ты в Лондонской выставке?

Виделся ли ты с Жаком [Мелконяном]?

Не соображу сразу, что написать.

Николь расскажет тебе о нас. О наших выставочных делах ты знаешь, наверное, больше меня. Сегодня или завтра должна открыться Горкомовская в-ка, но не знаю, откроется ли. С Рабиным я выставяться не стал и, видимо, правильно сделал. Римма и Валера [Герловины] тоже. Кстати, они, наверное, написали тебе о том, что сделать с их материалами. Если будешь показывать их, покажи и мои, ладно, но заниматься этим специально, ради Бога, не надо.

Сегодня вечером приедет Игорь Макаревич из Марокко. Ты ведь знаешь, что он там расписывал посольство месяца четыре. Жаль, что не устроили ему возврат через Париж, хотя сейчас только выяснилось, что это было вполне возможно. <...>

Галя, Иван

Шелковский – Чуйкову, Сидорову, Есаяну, Герловиным, Сокову 01.78

Дорогие Иван, Алик, Серёжа, Римма, Валерий и Лёня! Здравствуйте!

<...> После Солженицына мышление начало понемногу меняться. До этого рта нельзя было раскрыть с критикой Союза, многие это говорят. Бедную студентку, вернувшуюся из Москвы, обвиняли в клевете и называли фашисткой только потому, что она утверждала, что вход в общежитие МГУ по пропускам. Вопреки очевидному, левые интеллектуалы хотели верить, что «там» всё хорошо и иначе быть не может. Сейчас меньше неизвестности, иллюзии рассеялись и все надежды перенесены на Китай – уж там-то точно нет неравенства (их очень задевает, что есть богатые и не они). Возможно, это вообще свойственно человеческой натуре: верить, что где-то уж наверняка должно быть всё прекрасно, что где-то существует земной рай, где люди не стареют и всегда хорошая погода. В русском языке это отразилось в пословице: хорошо там, где нас нет. Любопытный пример я сейчас вам приведу. Год назад я немного дружил с одним американцем, мы вместе ходили на курсы языка в Альянс Франсез. 23 года, толстый, добродушный, в розовых очках, типичный американец, с широкими жемами и громким голосом. Кто-то из родителей – одесские евреи. Писатель, опубликовал пьесу, несколько эссе. В то время работал над большим романом из жизни Иисуса Христа. Моя московская одежда к тому времени немного поизносилась, и я нашёл на solde (распродажа остатков серии) в половину цены пиджак из вельвета, серо-зелёного цвета фирмы Lee. На следующий день встретились с Сильвером на лестнице. Ага, пиджак новый – сказал он. Отвернул лацкан, высунул язык и брезгливо поморщился: Американский. Вот!.. Сказал он с гордостью, показывая на свой синий и тоже из вельвета, – польский. Я уже третий такой покупаю, всегда хорошего фасона и долго носятся. (Парень любопытный. Разговор был по-французски, но вообще-то он и по-русски немного знал и особенно всё, что касается мата. На родине свёл дружбу с поэтом Бродским и освоил все выражения. Употреблял их, не стесняясь, в классе и везде – всё равно никто не понимает, да и сам он, наверное, не понимал их толком. Встречаясь с молоденькой негритянкой из нашего класса, говорил ей громовым голосом: ты хорошая п..., чему та приветливо улыбалась. Было в нём много ребячливого. Очень стеснялся, что во время праздников ему нельзя есть ни хлеба, ни печенья. Носил с собой повсюду коробку мацы. Пробовали мы с ним обмениваться уроками английского и русского, но немного.) <...>

Постоянный ваш вопрос: какие отношения между русскими художниками? Скверные, хуже и не придумаешь. По французскому выражению – корзина с крабами. Откуда такая жажда власти, первенства, стремление подмять всех под себя? Что это – советское или татаро-русское? Где же элементарная интеллигентность, и в традиционном русском, и в нашем теперешнем московском понятии? Никаких целей, кроме узко эгоистических. Отсюда кланы, интриги, подслеживание, взаимовредительство. Лейтмотив всех разговоров Нусберга со мной после знакомства в Вене – ниспровержение Шемякина. Разумеется, на трон предполагал поместить себя. Главные военные операции начались за несколько недель до биеннале, во время её подготовки в Венеции, куда Нусберг прибыл тайком от остальных. Результатом маневров было то, что ни одна работа Шемякина на выставке так и не появилась, а весь центр зала был увешен довольно убогими старыми гуашами с обтрёпанными краями. Без рам и паспарту, они были прилеплены к стене простым скотчем и просторность развески доходила до степени разжиженности. Великий корифей, бывший генеральный художественный директор русской выставки в Пале де Конгре в Париже прибыл вскоре на биеннале в сопровождении своей свиты и не считал нужным сдерживать свой справедливый гнев, обозвав публично всех устроителей говном и ничего не понимающими в русском неофициальном искусстве. После чего уехал и организовал в одной

из галерей выставку отверженных⁴³ (здесь шутят «диссиденты от диссидентов»), на которую где-то набрал такой махровый сюр, что уж дальше и ехать некуда. Почувствовав свою силу и значительное влияние на итальянское искусствоведение, авангардист Нусберг заблокировал для Шемякина и две другие выставки. Не помогло даже вступление в бой такой тяжёлой артиллерии, как Глезер (коллекционер и директор Русского музея современного искусства в изгнании), с его серией энергичных протестов. Один из них, что «работа Кабакова и др. будут даны на выставку только в том случае, если на ней будут выставлены следующие авторы...», вызвал возмущение итальянцев: «А чего он нам указывает? Мы делаем выставку». Противно всё это писать. Это так, а выглядит как какие-то сплетни. А сплетен здесь и так много всякого сорта. Той откровенности, которая из него изливалась в Вене, Нусберг очевидно теперь не может простить себе, а заодно и мне. После нескольких случайных встреч в Париже он безо всяких видимых причин перестал со мной здороваться, на биеннале демонстративно отворачивался. Смешнее всего было в Лоди во время обеда, когда он, завладев бутылками, разливал всем вино, мой стакан оставляя пустым (перед этим мы ехали в одном поезде, но в разных вагонах). Вот так. Пустил слух, что я стукач. Когда Глезер мне сказал об этом, я даже не нашёлся, что ответить. На следующий день вспомнил, что то же самое мне говорил про Глезера ещё в Москве Лёня Талочкин. И даже приводил доказательства. Но о нём самом я слышал то же и т. д., господи, как скучно всё это.

Наверное, весь этот сюжет занимает в письме непропорционально большое место. Потому что в жизни я вижусь с кем-либо из русских (теперешних советских) крайне редко, раз в несколько месяцев, да и то случайно. Рабина, хоть он и в Париже, я ещё ни разу не видел, а когда попал однажды к Целкову, то тот весь вечер эгоцентрично говорил о своей будущей карьере. Ни о чём другом не было сказано ни слова, не проявил никакого интереса к дальнейшему знакомству, даже не записал телефон, хотя бы так, на всякий случай.

Возобновил знакомство с Володей Слепяном, который в Париже живёт уже 20 лет. Очевидно, он один из первых эмигрантов третьей волны, если не самый первый. Нас сближает наша прошлая дружба и одинаковая судьба наших родителей. Уезжал он как художник, сейчас оставил живопись и пишет стихи, пьесы уже по-французски. Время от времени приглашает меня провести вечер в кафе Клозери де Лиля [La Closerie des Lilas] известном тем, что там всегда сиживал Хемингуэй и многие другие. К столикам привинчены медные дощечки: Аполлинер, Ленин и т. д. Сейчас там собираются литераторы новой генерации. Парижская жизнь очень засасывающая, если ей поддаться, то можно всю жизнь так провести, ничего не делая, может, лишь слегка зарабатывая, по разным кафе, мастерским, компаниям и т. п. Знакомятся здесь очень легко, сразу начинают на ты, нет никакой кастовости, компании большей частью интернациональные. Вспомнил ещё, что как-то были в гостях с Лидой Мастерковой. Она за этот вечер изругала всех здешних русских знакомых и незнакомых, как Собакевич у Гоголя («один губернатор хороший человек, да и тот, по правде говоря, настоящая свинья»). Сама потом смеялась. Неизвестный сказал: «у вас там в Париже клоповник». И он прав, но и в Нью-Йорке, наверное, не лучше. Кажется, нет более недружной нации, чем русские (бывшие советские).

Теперь о вопросе количества работ. Здесь каждый преуспевающий художник – это не только качество (и даже не столько), сколько количество. Хорошо это или плохо – это другой вопрос, но иначе здесь просто нельзя, если ты хочешь вести жизнь профессионального художника. (Кто-то, ещё в Москве, говорил про Пикассо: весь ушёл в количество. У русских, особенно полупризнанных, полуподпольных, как Филонов, Фаворский, Семёнов-Амурский, была другая страсть – работать годами, никому не показываясь. Выложить всю свою философию, всё

⁴³ «Salon des reprouve's. Les Peintres russes non officiels. Complement a la Biennale de Venise 77». Организатор – художественный совет «Музея современного искусства в изгнании». Париж. Galerie Hardy (19 января – 24 февраля 1978 года).

своё мировоззрение на пяти квадратных сантиметрах поверхности и оставить потомству: пусть любят, поминают.) Любой здешний успех художника (если только он не посмертный, как у Моранди), в том числе успех коммерческий, связан всегда с большим количеством, с устройством одновременно выставок по всем странам, по разным галереям. Из русских художников это хорошо усвоили Шемякин, Рабин. Шемякин тиражирует свои гравюры, его жена их раскрашивает, таким образом, он может снабжать одновременно несколько галерей в разных городах. Рабин был настолько продуктивен, что в каждом крупном городе в Европе, наверное, есть с десяток его холстов. Во всяком случае, те, что выставляются в Лоди, все взяты из Милана (из частных коллекций). В то же время я, кажется, писал вам про это, перед началом биеннале мне задали вопрос: у кого в Европе можно получить работы Чуйкова и Сокова? Западный художник работает как фабрика. Энди Уорхол регулярно выбрасывает на рынок свои серии увеличенных и подкрашенных фотографий. Кажется, он и делает это уже не своими руками. Говорят, что уже давно и Вазарели и Хартунг и др. ставят только подписи. Это уже как крайний пример. Если работа не продаётся, то художнику не на что жить, нечем оплачивать мастерскую, автомобиль, виллу и пр. пр. Если же работа продаётся – то она исчезает и для автора и для других. В музей она попадёт через десятилетия или столетия. Пока же она оседает где-нибудь в частной коллекции или запаснике маршана. Володя Слепьян, когда приехал сюда, продал много своих холстов. Сам или через кого-то. Сейчас он не знает, где они, что с ними, каким образом их можно было бы увидеть ему самому. Какая бы удачная идея ни пришла художнику – на неё не проживёшь, нужны физически существующие вещи в объёме, в сантиметрах. Если сейчас покупают Ван Гога, то покупают Ван Гога. Сам же Ван Гог продавал (вернее стремился продавать) именно пейзажи, натюрморты, портреты, т. е. физически существующие живописные объекты. <...>

Среди эмигрантских разговоров, большей частью среди художников, можно выявить две противоположные точки зрения. Одни считают, что они призваны и здесь развивать русскую неофициальную культуру, у которой есть неоспоримые моральные, духовные преимущества над культурой западной, разлагающейся (такой точки зрения придерживается Глезер и др.). Вторые говорят, что на Западе нужно быть западным художником, надо включиться в здешнюю художественную жизнь и постараться забыть про всё, что было с нами там. Первые ведут себя соответственно: не учат язык, общаются в своей среде; вторые, конечно, наоборот. Сам я не разделяю полностью ни первую, ни вторую точки зрения. Я не стремлюсь быть всё время в русской среде, да это и не так интересно, с другой стороны, я не считаю, что я должен забыть, что я русский, всю свою прошлую жизнь, поставить крест на прошлом. Самые интересные книги для меня – русские книги. И даже та толстая книга по-французски, которую я сейчас читаю, – это перевод с английского «Русские» [The Russians, 1975] Хедрика Смита. Интересных же книг здесь столько, что читать не перечитать. <...>

Римма, Валерий, ваши работы с успехом выставляются в Лоди и Беллинзоне (там я не был)⁴⁴. Пишите, как живёте, получили ли мою открытку от 22-1-78 с башней Монпарнас? <...>

Алик! Мне очень хотелось бы теперь наладить регулярную переписку и чтобы наши письма в обе стороны шли быстрее, а не 2-3 месяца. Может, это можно будет сделать с помощью П. [Поль], я очень надеюсь. Здесь она была единственным человеком, которому я мог доверять полностью и во всём. <...>

Игорь

⁴⁴ «Aspetti e documentazione degli artisti non conformist dell' Unions Sovietica». Италия, Lodi. 5–26 февраля 1978 года; «Rossegna sul dissenso cultural nell' Est europa». Швейцария, Bellinzona. 17 февраля – 14 марта 1978 года.

Шелковский – Чуйкову 05.02.78, Лоди

Дорогой Иван! Итак, очередная выставка в маленьком городке Лоди, в 30 км от Милана. Публика изысканная, никакой провинциальности, а городок чем-то похож на все маленькие городки: Загорск, Ростов ярославский. Торговые ряды, соборы. Только церковная архитектура разных стилей, здесь – романский. Из твоих работ выставлены все новые фото. «Виртуальные объекты» осуществить не удалось. Потолок на высоте 12 метров, сводчатый, в центре большой расписной плафон. Всё – в стиле барокко. За час до отъезда получил твои письма от 31/X (!) и 17/XII. Читал их очень внимательно, пока ехал в поезде, так же как письма А. [Алика Сидорова]. Интересная деталь: в том же поезде ехали Зеленин и Нусберг. Но в мой вагон не зашли. Принципиальный отказ от общения. Вот так. Хотя с Эдиком у нас отношения нормальные. Сегодня здесь детский карнавал, и по всему городу дети в масках, длинных платьях, париках, с набеленными лицами, во всяческих карнавальных костюмах. Пришлю каталоги. Обнимаю и целую тебя, Галю, Женьку. Игорь

Соков – Шелковскому 21.02.78

Дорогой Игорь!

Пишу тебе письмо, не получив ответа на посланные письма. Числа с 23 по 28 февраля ты должен получить кое-что от меня. Это для Ж. [Жака Мелконяна] – он знает. При случае передавай ему эти повторы. «Рубль» и «Газета Правда» – работы. При okazji опишу, что и как. Оставь их себе для показа. <...>

Заходил Серёжа Ес. [Есаян]. Очень тепло о тебе проговорили целый вечер. У него всё в порядке. Ждёт. Ваня Ч. [Чуйков] получил от тебя открытку. Мы не понимаем – какая выставка? Пишу быстро, сумбурно. Пишу для того, чтобы ты не удивлялся, когда получишь от меня оказию. «Чёрное море» никак пока не могу. У тебя ли «Озеро Байкал». Напиши. Обнимаю тебя, Лёня

Шелковский – Сидорову 24.02.78

Дорогой Алик!

Прочёл твои письма № 12 и № 13 очень внимательно и постараюсь тебе сейчас подробно про всё ответить. Во-первых, скажу тебе сразу, что я почти во всём с тобой согласен. Согласен, что такой № нельзя делать всем скопом. Слишком много будет разногласий, каждый будет тянуть в свою сторону, тормозить дело, у каждого свои идеалы и представления и своя ревность по отношению к другим. Именно это я говорил Ж. [Мелконяну] при первом обсуждении, а не наоборот. Здесь ты имеешь все преимущества перед остальными, как человек стоящий над партиями, способный оценивать всё более объективно, объединять и согласовывать разные течения. Пусть все помогают тебе по мере сил, ты принимай и прислушивайся ко всем мнениям, но какие тут могут быть вето, одевание с уходом и пр. Зачем это? Это должно быть делом общим, в котором должны доминировать надличностные интересы.

Совершенно согласен, что он должен быть информативным, а не декларативным. Декларативные издания хороши при других условиях, когда их много, когда они дополняют друг друга, спорят и соревнуются друг с другом. В данном же случае это не будет интересно никому, кроме узкой группы участников и их родственников. Различная декларативность может входить в № как часть общей информации. Это будет вполне уместно и оживляюще. Что же касается теоретической части, то моя точка зрения такова, что она вполне может быть, если будет интересный материал, если будут статьи, написанные интересно, квалифицированно и по существу. Сам я не особо верю в какие-либо теории, на мой взгляд, они также нужны художнику как костыли для не калеки. Если их создают сами художники – то обычно потом, задним числом и не всё в их творчестве вмещается в эти теории, практика всегда интереснее, многообразнее. Но если статья написана нескучно и наводит на размышления, то отчего бы не почитать её? Но, всё же, ввиду отсутствия большого количества интересных авторов, как ты пишешь, задаваться большими претензиями в этой части не следует. Если будет получаться в этой части – то хорошо, если нет, то, что поделаешь, основной смысл начинания должен быть не в этом.

На мой взгляд, журнал должен по возможности полно и объективно отразить всю неофициальную художественную жизнь с некоторым упором на наиболее новые явления в этой области. Именно в этом качестве он может быть интересен наиболее широкому кругу людей, интересующихся искусством и там и здесь. Так как такое издание единственное в данной области (в отличие от литературы), то оно просто не должно себе ставить меньших задач, превращаться, например, в «Вестник фотоконцептуализма». Хотя это само по себе могло бы быть тоже интересно. И даже при таком широком охвате, я не думаю, что запасы материала будут чрезмерно обильными, учитывая бедность московской художественной жизни. (К. [«Континент»]⁴⁵ завален рукописями и другие издания тоже.) Для искусства изобразительного особенно важно правило, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому особый упор нужно будет делать на материал иллюстративный, а не текстовый. Маленькая 3 × 4 см репродукция даёт большее представление о художнике, чем несколько столбцов текста. Я считаю удачной идеей посвящать в основном № какой-то определённой теме. Это придаёт каждому № некоторую конструктивность.

Очень интересная тема пространство, очень ёмкая. Может быть на № 3 можно было бы взять тему: цвет. (Иван: «меня цвет не интересует – деревья зелёные, небо синее». Павел: «цветом лечить можно. Утопить цвет в цвете». Чем не контраст?)

⁴⁵ «Континент» – литературный, публицистический и религиозный журнал, издаваемый первоначально (1974–1992) в Париже, с 1992 года в Москве. Основатель журнала – Владимир Максимов.

Допустим, каждый пятый № можно было бы посвящать тем, кто уехал и работает здесь (а таких, наверное, скоро будет половина). Этим уж пришлось мне бы заниматься. Всё-таки была бы некоторая разгрузка для тебя. Но чему бы ни был посвящён отдельный №, наверное, какая-то часть, может 1/3 или 1/4, не должна зависеть от общей темы, а быть более-менее актуальной. Может, нужно давать подборку небольших фотографий на тему «последние работы» (надо придумать название этого раздела). Появление такой маленькой репродукции не будет означать, что к этой вещи нельзя будет вернуться ещё раз, дать большую репродукцию, статью и т. д. Во всём издании, и в этом разделе в особенности, не надо бояться некоторого винегрета – это естественно, так и должно быть. Информативный журнал, так же как и газета, должен быть с некоторой долей винегретности, пёстрости. Если они все посвящены одной теме, то они не выполняют своей функции. И чем более разнообразен будет этот материал, чем неожиданней будут сопоставления – тем лучше.

Я предлагаю исходить из предложения, что мы не знаем, что такое искусство (а это так и есть), что этот вопрос будет решаться в далёком будущем и, возможно, какая-то доля искусства окажется во всём, во всех явлениях. Сейчас, например, французы спохватились, что они как-то упустили из своего внимания русских передвижников, что в Лувре нет ни одной картины этих художников. Харитонов и здесь, в Париже, смотрится как один из самых интересных художников, и не понимаю, исходя из каких критериев Рабина нельзя считать за художника? Объективности ради, надо отразить всё, что есть (всё будет зависеть от пропорции), упомянуть даже Шемякина. Хотя бы для того, чтобы не быть на него похожим. (Когда он давал интервью относительно выставки в Пале де Конгре, на вопрос, какие интересные художники будут там представлены, он ответил так: «Шемякин, Доротея Шемякина и Эрнст Неизвестный»).

В этом разделе «Новые работы» можно будет не обращать внимания на количество фотографий, здесь важнее документальность и новизна материала. Я думаю, в дальнейшем сами художники должны будут обеспечивать приток фотографий, это в их интересах. Что касается статей, то моё мнение таково, что они всё же должны быть написаны понятным языком. Я сторонник того взгляда, что об искусстве надо говорить простыми словами. Всё остальное от лукавого, т. е. от ума, а он всегда тщеславен. К тому же заумная статья в переводе может выглядеть совсем как абракадабра. Кстати, все переводы, наверное, проще и легче делать здесь. Это снимет с тебя множество ненужных хлопот, а качество от этого только улучшится. Вся техническая сторона дела тоже будет решаться здесь («Аполлон» набран на специальной машине, а не фотоспособом). Пусть это тебя особенно не заботит, как и все вопросы стоимости, дешевизны и пр. Вся экономия начнётся потом, пока об этом совсем не надо думать. Представим пока идеальный вариант (в моём представлении, «идеальный» не обязательно «дорогой»). Я против деления поровну всего текста и фотографий. Для некоторых статей 10 фотографий слишком много. Обычно здесь иллюстрируется текст тремя-четырьмя. Если же фотографии меньше, то можно дать и 15.

Как я себе здесь представляю этот журнал, особенно первые его номера? Как издание предельно скромное, небольшое по объёму (чтобы не выдохнуться на первых №№), содержательное, непретенциозное (что портит «Аполлон»), объективное, по мере сил, главная цель которого – помочь художникам, стать для них подобием маленького зеркала, в котором они могли бы увидеть свои достоинства и недостатки, отчасти заменить им недостающие выставки (у меня сам собой изобрёлся афоризм: художник без выставки – как женщина без зеркала). Побочным результатом будет то, что кто-то сможет здесь лучше познакомиться с тем, что делается там. Но это не должно быть главной задачей, и на большой эффект здесь рассчитывать не приходится. Во Франции, как мне сказали, около 150 журналов по современному искусству. (Из тех, что потоньше, я иногда получаю по почте бесплатно, один экземпляр с предложением подписаться. Чаще всего это какие-то группки художников, которых я не знаю и плохо различаю.) Наверное, 50–70 в Бельгии, по сотне в Италии, Германии, Англии. А сколько в Аме-

рике? 500? Тем не менее если наш журнал рассылать бесплатно в некоторые галереи – это может принести какую-то пользу. (Мне рассказали про один такой журнальчик. Тираж 1000. Подписчиков 250. Остальные номера частично расходятся, распродают в розницу, частично уничтожаются. Для существования журнала достаточно 180 подписчиков.)

Про название мне сказал Жак [Мелконян], что ж, за ненахождением лучшего можно оставить и это. Возможно, фонетическое звучание «А-Я» будет останавливать внимание (хотя здесь уже есть такие Акс (Ахе) и У (Ои – где?). Но это только для русского варианта, потому что А-Z здесь уже есть – кулинарная энциклопедия. Для других языков остаётся более объясняющее, а также достаточно нейтральное – «тетради по искусству».

Относительно обложки ты мне обещал в начале письма сказать в конце, но так этого и не сделал. У меня есть некоторые идеи. Первые свои два варианта я уже забраковал, а третий нужно доработать. Но мне хотелось бы знать сначала, как вы себе это представляете? При самом первоначальном обсуждении с Ж. я предложил делать цветные репродукции в размер почтовой открытки с тем, чтобы потом с этого же клише печатать какой-то тираж открыток. Но это больше подходит для работ в живописи, графике и меньше для работ концептуальных, фотографий. Хотя можно сделать открытку с десятком маленьких фотографий, это может быть интересно. Я до сих пор считаю открытку наилучшим способом популяризации художника.

Из всех тех журналов, которые я здесь просмотрел, возможно, чуть ближе к нам, чем другие, находится журнал «Леонардо». Все статьи в этом журнале пишутся самими художниками о себе или о других художниках. Все цветные репродукции (по одной к каждой статье) помещаются на отдельной странице. Недостатком журнала является излишняя академичность, сухость (хотя я его не читал и сужу только по внешнему виду). Недостатком всех здешних журналов по искусству является излишняя забитость рекламой, через которую иногда трудно продрасться к содержанию номера.

Что касается публикаций различного художественного наследия, то, на мой взгляд, это всё увлекательно, но делать это нужно только тогда, когда есть действительно интересный материал. Чтобы не было как у Глезера, который для заполнения номера использовал старые анекдоты. Ремизова уже публиковал Шемякин, может, чтобы не повторять, сделать это не в первом №?

Теперь, что касается первого номера, то, во-первых: не имеет никакого значения, что наша выставка была 2 года назад. Ведь дело не в выставке (это же не репортаж), она только повод взять этих семь художников, а не других (другие будут в других №№). В данном случае этот выбор облегчает начало дела. К тому же что ж это за искусство, если за 2 года оно безнадежно устарело? И надо рассчитывать не только на тот узкий круг знакомых, которые всё знают и без журнала, а на круг гораздо больший.

Вместо одновременной выставки вашей там и моей здесь (мне не хотелось бы её делать, потому что это будет, по сути, моей первой выставкой здесь, а я к ней ещё совсем не готов, мне сейчас совсем не до этого). Я бы предложил следующее. Когда № будет готов и отпечатан, я могу попытаться сделать небольшую и хотя бы однодневную выставку всех в какой-нибудь небольшой галерее. Каждый будет представлен 2-3 или большим числом работ и фотографиями. У меня нет здесь, к сожалению, ни одной работы Серёжи Ш. [Шаблавина] и Саша Ю. [Юликова]. И не представляю, как их можно было бы переслать. Эта выставка была бы одновременно и ознакомление публики с новым журналом. Выставка здесь не помешала бы вам сделать в тот же день и час выставку там.

Не представляю, что ты можешь написать про меня. Пиши короче. А фотографий достаточно 3-4, тем более что хороших и вполне меня удовлетворяющих ещё нет. Физиономия журнала будет выявляться из номера в номер, если будет изобилие материалов, то можно будет увеличить объём. Это не проблема, но в начале надо исходить из реального.

Желаю успехов. Жду с нетерпением результатов работы. Обнимаю. Игорь

Шелковский – Орлову 25.02.78

Дорогой Боря!

Получил твоё письмо № 1 с фотографией. Фото очень удачное, мне приятно смотреть на ваши лица, каждый вышел в своём наилучшем виде. Очень радует твоя фраза, что «жить интересно». Как это ценно, что вы все вместе, собираетесь на чай, разговариваете (об искусстве!). Мне остаётся только завидовать вам. Я один. И Саша Косолапов тоже один. И каждый художник в Париже один (их здесь русских, активно работающих, человек 30). Если говорят между собой – то о деньгах (далее в этом письме я тоже буду о них говорить). Разговоры об искусстве здесь как-то не получаются.

«Злое» письмо ты мне всё-таки пришли. В спорах, даже злых, больше пользы, чем если мы будем друг друга по головке гладить. Я всё думаю, чем я мог тебя разозлить, не тем ли, чем Марину Р. [Романовскую], – рассуждениями о провинциальности и пр.? Год назад меня очень занимал этот сюжет, сейчас уже меньше. Сейчас на повестку дня всплыло «количество». Количество чего? Работ, разумеется. Смешно? Конечно. Но мне не до смеха. Мне бы хотелось сейчас любую мою работу иметь в 10-ти экземплярах и больше. Ты спрашиваешь, смогу ли оплачивать свою мастерскую, а я пока об этом никакого понятия не имею. Очевидно, весь первый год жизни в ней мне придётся жить в долг. Вот и я пишу о деньгах, а что поделаешь, в Москве я был блаженным любителем, а здесь мне надо материально за всё отвечать. Как-то на закате в Абрамцево мы готовились совершить велосипедную прогулку, и я крикнул тебе через шоссе: Боря, что такое искусство? – А онанизм – ответил ты – приятненько и ладно. Закинул ногу на велосипед и поехал.

Счастливые были времена, и хорошо, что они всё-таки были. И хорошо, что мы меняемся, и жизнь меняется. Лет 10 назад я постоянно держал в голове абзац из китайского трактата об искусстве: «Надо столько похоронить стёршихся кистей, чтобы из них образовался маленький могильный холмик. Только тогда ты станешь мастером, т. е. человеком свободным. А до этого надо следовать законам». А как теперь всё расширилось, изменилось, переместилось. Что понимать под кистями? Годы, месяцы, события? И из чего тогда надо холмик образовывать? А мастерство – что такое? Я убеждаюсь, что всё меньше и меньше знаю на этот сюжет.

Два стихотворения [Д. Пригова] уже увидели свет, и ещё несколько появится в ближайшем будущем. А также проза. Видишься ли ты с Андреем Г. [Гросицким]? Как он живёт, какие новые работы сделал? Слава Л. [Лебедев] опять молчит. Или не получил моего письма или ленится писать. <...>

Орлов – Шелковскому 13.03.78

Игорь, дорогой, как ты там, как дела с мастерской?

Получил ли ты моё письмо с фотографией?

Недавно Саша прислал мне длиннющее письмо. После него рассеялись многие неверные домыслы о его судьбе. Всё идёт хорошо. Но по тону чувствуется, что он перенёс тяжёлую травму. И только сейчас встаёт на ноги. И как бы начинает жизнь сначала. Америка не принимает ничего инородного, и ничем другим, кроме американского, не интересуется. Америка упоена собственной молодостью и, видимо, для молодых.

Поискал также фотографии своих работ. Несмотря на размеры и явное улучшение качества, я расценил всё это по сравнению с последним московским периодом как шаг назад. Но московское никому не нужно и неинтересно. Я бы, наверное, не смог так отступить.

«Русские, – говорит, – жрут друг друга, как крысы в бочке. Клевета, грязь, людоедство». Он с ними и не общается. Ты тоже, как мне показалось, не очень с ними ладишь. Дима [Пригов] достиг Пушкинского возраста и двадцатилетия со дня творческой деятельности. По этому случаю состоялась читка его стихов при большом стечении народа. Успех был явный. Его не отпускали ещё долго после окончания его программы. Чтение прерывалось аплодисментами. Это была полная противоположность той весенней читке 76 года. Это были избранные стихи за последние 5 лет. Самые. Самые. И что самое главное – очень разнообразные. <...>

Боря

Есаян – Шелковскому 16.03.78

Дорогой Игорь!

Подходит к концу 3-й месяц ожидания ответа из ОВИРа (мы подали 29 декабря 1977 г.). Ждать тяжело и доживать здесь тяжело.

Ты пишешь в письме (к Сокову) об утрате своего целостного мира на Сретенке в Москве. А он с каждым днём распадается, этот мир. Для меня этот распад начался давно, с отъезда Анри [Волохонского], а твой отъезд довершил картину руин. Вот отъезжает даже наш благополучный Вадим К. [Космачёв] и десятки не очень известных сверстников.

В Москве сейчас мода на посредственность. Откапают какую-нибудь пыльную личность, которая на ВДНХ прославляла сталинское животноводство, а по воскресеньям писала маслом, и носятся с ней, точно это новый Матисс. Какая-нибудь девица из текстильного института спрашивает: «Как, разве Вы не знаете Х.? Он же гениальный живописец 30-х годов!» Вот так. А в музей ходят только на выставки – постоять в очереди.

Заезжий Након сообщил, что в Париже будет огромная выставка Малевича⁴⁶ в Помпиду – вот это здорово!

Если я не поспею, опишите мне всё подробно. Я люблю твои письма (хоть и получают их другие чаще) – они просты и несентиментальны... Я не привезу тебе в Париж сколок с нашего прежнего бытия. Скорее, сложим вместе два одиночества.

Бесконечно рад, что так удачно вышло у тебя с мастерской. Оставь мне кусочек стены – для моей картины. <...>

Напиши мне хоть два слова сразу по получении письма – я ведь не знаю, сколько времени у меня есть, – на адрес Франсуазы – лектриссы.

Обнимаю тебя, Бог даст, до встречи. <...>

⁴⁶ «Malevitch: exposition rétrospective». Centre national d'art et de culture Georges Pompidou, Musée national d'art moderne, Париж. 14 апреля – 15 мая 1978 года (куратор Ж.-Ю. Мартен).

Косолапов – Шелковскому 18.03.78

Здравствуй, дорогой Игорь!

<...> Я полагаю, что дистанция между художественной Москвой и N. Y. – дистанция, больше, чем океаны, и что универсального искусства, пригодного для всех географий, нет. Искусство – «губка» (по определению Пастернака) – живёт всё же соками, впитанными в реальных и конкретных условиях. (Извини за отступления, можно со мной и не согласиться).

В N. Y. очень трудно с улицы попасть в галерею. Очень много художников. Нужно время вживания в эту среду (чтобы тебя знали, примелькался, биологическое отторжение чужого). У Вас, я полагаю, тоже самое (и в Париже та же игра). Но сравнить художественные идеи всё же интересно и необходимо.

Можно, я думаю, найти галерею, город, страну, которые ближе твоей ментальности. О поездке в Европу. Я думаю, она реальна (пока для одного). Мы собираемся немного подкопиться для этой цели. Обмен информацией о художественной жизни необходим. Перед нами есть выбор, и грех его не использовать. Если, Игорь, у тебя будет возможность приехать, то у нас можно жить (и есть). Я постарался бы показать тебе то, что знаю. You welcome!

Лёня Соков мне сообщил все изменения его данных. Поскольку его дела не двигаются, а я из N. Y. помочь не в силах, то я «изобрёл» приманку для тех, кто мог бы сделать вызов, но не знает Лёню и не слишком заинтересован возиться. Я хочу заплатить 500\$ любому, кто сделает ему бумагу. Чек пошлю, как только Лёня подтвердит получение. Так что можно дать мой телефон <...> мой адрес, а я могу подтвердить и дать какую угодно гарантию. Хорошо бы сообщить это в Израиль, может, там люди так сделают. У меня нет рычагов в Израиле. Сейчас вызов можно сделать только оттуда. Разницы в географии в Москве не знают.

Лёня с благодарностью сообщает, что ты много помогаешь ребятам в выставках и прочем. Я в этом смысле ничем им помочь не могу, так как и для себя пока ничего сделать не сумел да и интерес к русскому искусству нулевой. Вообще здесь мы поставлены в условия, когда надо побыстрее снять с себя национальную принадлежность. Более того, скажу, что если бы и была бы русская выставка, она бы с треском провалилась. Я лично не очень вижу кого-либо здесь хорошо смотрящегося. Очень-очень много различий в понимании и подходе. Эрнст [Неизвестный], к примеру, я не говорю о художественных качествах (несмотря на все свои европейские регалии), не может выставиться здесь. Да, я думаю, это, может, и счастье, а то ему бы ещё выпала критика. (Я не имею в виду коммерческие галереи, которые выставляют что угодно.) В N. Y. есть установка не очень считаться с признаниями в других столицах. Отчасти это верно, то, что хорошо для Парижа, не найдёт себя здесь и наоборот. (Большую роль играет стиль, направление. Этой классификации держатся галереи. Пример: Шемякин.) Трудностей в этом вопросе много. Я ещё не всё понимаю. Хочу объяснить то, что понял.

Русских художников, близких по духу, подходу к искусству, я здесь не нашёл. Неудача наша общая. Одиночество духовное не слишком способствует работе. Обретение среды, нужной среды и единомышленников, необходимо, и время поможет. Всё сразу обрести нельзя. <...>

До свидания. Твои Люда, Саша

Шелковский – Сидорову 21.03.78

Дорогой Алик!

Очень меня это удручает – отсутствие постоянной надёжной связи между нами. Я послал тебе один толстый конверт с письмами (одно для тебя и другое для тебя и других) и два пакета с каталогами и журналами. В письме я просил сразу же, по этому же каналу, сообщить о получении, но до сих пор не имею никакого ответа. Виделся ли ты с Поль, познакомились ли вы, удалось ли вам подружиться? Это было б очень и очень важно, если б она помогла нам в нашей переписке. Поговори также с Серёжей Е. [Есаяном], пусть он передаст тебе тот канал, которым пользуется сам. Отсюда так горько видеть и твою беспомощность, и эгоистическую изолированность, и сосредоточение лишь на своих интересах всех остальных.

Все сведения о наших делах я имею лишь на то состояние их в конце декабря, когда ты писал своё большое письмо. В своём ответном письме я писал о том, как можно было бы некоторые вещи упростить (не переводить, не гнаться за объёмом и т. д.). Название чем дальше, тем больше мне нравится. Я уже и не представляю лучшего. Да потом, очевидно, дело не в названии: привыкают к любому и ассоциируют с содержанием. Какая разница, зовут мальчика Альфред или Вова, важно какой он человек. Чем «Да – да» хуже «Голубых всадников» и прочие примеры. Все не говорящие по-русски утверждают, что звучит хорошо. Я сделал макет обложки. Очень простой, но сколько же вариантов перебрал перед этим и отверг. Стремился попасть в точку на пересечении скромности и шика. Решение – в первом, техническое исполнение должно быть во втором. Мне очень хотелось бы, чтобы вам всем понравилось. Мысленно я представлял всех участников первых и последующих №№ и стремился к тому, чтобы не было дисгармонии между содержанием и упаковочным покрытием. Предусмотрено также некоторое видоизменение из № в № за счёт цвета при той же графической композиции. Впрочем, я не знаю ещё ваших предложений и философии на этот счёт. То, что я остановился на этом, может быть, на первый взгляд странном и маловыразительном варианте, обусловлено знакомством со множеством аналогичных или параллельных изданий, среди которых я так и не нашёл удовлетворительного примера (может только кроме Carte secrete – посмотри у Серёжи Е. [Есаяна], у него есть один №). Но это только как общий ход мысли, потому что наша вещь будет совсем другой.

По латинской поговорке – начало половина дела, поэтому очень и очень важно начать, сделать первый №, остальное будет намного легче. Много будет утрясаться, формироваться по ходу работы, физиономия будет выявляться постепенно, а в первых 5-7 можно экспериментировать, менять разделы, можно посвящать отдельные №№ отдельным художникам, не целиком №, но в основном. Например, было бы хорошо 3 или 4 № сделать о Кабакове – это будет интересно всем, и здесь и там, будет нужно и своевременно. Отсутствие всякой связи с тобой вселяет в меня тревогу и беспокойство, я уже и не знаю что думать. В голову приходят тревожные мысли. <...>

Нет времени дописать письмо. Алик, прошу тебя, хотя бы маленькую открыточку от тебя, от Лиды, чтобы я знал, что вы живы, здоровы и всё в порядке. <...>

Игорь

Шелковский – Сокову 23.03.78

Дорогой Лёня!

Получил твои серии «Палец», «Очки» и «Часть лица». Для выставки в Турине⁴⁷ и Германии⁴⁸ сделал второе и третье по одному экземпляру (фон и рама). С «Пальцем» сложнее – нужны механизмы. Сегодня позвонил Ж. [Мелконян] и сказал, что у него есть размеры для фона. Оказалось, что я сделал несколько большего размера. Я понимаю, что тем самым нарушаю твою авторскую волю, но что поделаешь, время не терпит. Если переписываться по каждому пустяку, то все сроки прозеваешь. Поверь мне, получилось очень хорошо, и дух твоих работ полностью сохранён.

Все твои просьбы выполнил, соц-артам [Комару и Меламиду] написал. Теперь дело за ними.

Твой «Рубль» дошёл несколько попорченным. Нужно его реставрировать, а у меня нет под руками ни гипса, ничего другого. Если успею отреставрировать, то дам его в Турин. «Рубашку» и другие работы пока не прислали. Всего тебе хорошего. Работай. Обнимаю.

Игорь

⁴⁷ Италия, Турин. *Gazetta del Popolo con la collaborazione della Biennale di Venezia/Palazzo Reale*. «La Nuova arte Sovietica» (коллекция Глезера; апрель 1978 года).

⁴⁸ Германия, Saarbrücken. «Russische Maler der Gegenwart Peretz-Auktion 76» (коллекция Глезера; 25 мая – 6 июня 1978 года).

Шелковский – Сидорову 23.03.78

Дорогой Алик!

Очень тороплюсь, поэтому буду писать очень кратко. Самое важное сейчас: связь, связь и связь. Я потерял все контакты с тобой и другими. Я ничего не знаю о состоянии наших общих дел. А время не терпит, нужно торопиться. Я ничего не знаю, получил ли ты то, что я посылал? Письма и две бандероли.

Всё, что ты мне посылаешь, – и письма, и фото – всё должно быть минимум в двух экземплярах, второй экземпляр должен оставаться у тебя. Так как нет никакой гарантии, что посылаемое не пропадёт (вспомни своё первое толстое письмо!). Для меня многое осложнится с переездом в мастерскую. Я буду реже бывать в Париже. Но ничего, надеюсь, наше дело сдвинется с мёртвой точки. Мне не терпится увидеть первый №.

Пришли мне через кого-нибудь прозу Димы [Пригова]. Старую, что была у меня в мастерской, и новую, если есть. <...>

Игорь

Шелковский – Герловиным 23.03.78

Дорогие Римма и Валерий!

Следующая выставка в Турине. Посылаю туда все ваши последние работы, а также кубики и конструкторы. Фотографии «Яйцо», «Прогулка» и др. перефотографируют и увеличат. Но, наверное, было бы экономичнее, если бы вы вместе с фото присылали негативы, сдублировав их предварительно и оставив один экземпляр себе.

Ещё один Flash Art выходит с вашими работами. Наверное, я также дам вашу серию «Дерево жизни» для выставки в Германии. Её организуют через Глезера, я ему мало симпатизирую, но какая разница. Вам надо как можно больше выставляться. К тому же обещают хороший каталог.

Получили ли вы тексты вашей миланской выставки? Все по-итальянски, но, может, вам это кто-нибудь переведёт. Я посылаю также каталоги выставок в Лоди и Беллинзоне. Получили ли?

Кажется, пока все новости. Очень тороплюсь. Послал большое общее письмо. Опять же не знаю, дошло ли оно до вас. Желаю вам хорошей работы. Обнимаю. Игорь

Соков – Шелковскому 30.03.78

Дорогой Игорь!

Получил от тебя открытку, письмо с Ж. [Жаком Мелконяном] тоже получил. Как я понял, ты получил «Байкал», 25 шт. из серии и, как сказал Ж., «Рубашку», «Руку», «Нос», «Сердце» и т. д. – всего шт. 10 из Норвегии. Так ли это? Если так, то очень хорошо. По возможности, я буду стараться, но ты сам знаешь возможности. Проблема для меня даже сделать слайды с новой серии работ. Насчет «Рубля» и «Газеты», которые в сумках, именно в сумках прозрачных, это я не имел случая объяснить тебе 2 вещи из цикла «Ностальгическая скульптура», у меня ещё 2. Не знаю, представляют ли они интерес в отдельности. Ты и Ж. очень, как я понял, переживаете за фон и рамки для «мальти», опасаясь «нарушить мою волю». Уверяю, Игорь, тебя, что, на мой взгляд, это не столь важно. Так что ты совершенно прав, что переделывать, если на 2 см больше, ни в коем случае не надо. В общем, Игорь, поступай с работами по своему усмотрению. Я абсолютно не знаю ситуации. Алик [Сидоров] собирается тебе звонить, я хочу к нему присоединиться, чтобы поговорить насчёт некоторых вопросов.

Много сил отнимает моя проблема. Я суюсь во все щели – изучил этот вопрос профессионально. Несколько раз отправил письма соц-артам [Комару и Меламиду]. Постоянно повторяю мои просьбы через других. На это уходит уйма времени. Кроме прочего, надо зарабатывать деньги, чтобы делать свои вещи. В большие заказы мне не хочется влезать, а маленькие, и выгодные для исполнения, не так легко найти. Тут потратил месяца 2 на эскизы, и вот провал – жалко времени, сам виноват – хотел для завода «Динамо», для столовой сделать 2-метровые сэндвичи из крашеного дерева. Много времени занимает язык.

Делаю новую серию – при случае пришлю слайды. Стал делать фотоработы, тоже проблема в фотографиях и в возне, во времени.

Серёжа Е. [Есяян], Миша Рогинский и В. Кос. [Вадим Космачёв] сидят, ждут. Остаётся всё меньше и меньше худ., с которыми общаешься.

Прочитал твоё огромное письмо – листов на 12. Все, как были здесь, так и остались там. Кто был художником, тот им и остался, а интриганы и гешефтеры перенесли игру на другую почву.

Саша К. [Косолапов] пишет. Он очень обеспокоен моим нынешним положением, но сам сделать ничего не может. Он обещал взять мои вещи у Эрнста [Неизвестного]. Игорь, ни в коем случае не пересылайте работы, я и ему написал. Это очень накладно, да и работы старые. Эрнсту не пиши. Ты прав – у него своих проблем навалом, да и не тот это человек, который думает о ком-нибудь, кроме себя. Игорь, очень благодарен тебе за все твои усилия, чтобы помочь нам. Надеюсь, вскоре увидимся.

Твой Лёня

Орлов – Шелковскому 05.04.78

Игорь, дорогой, только что получил твою открытку с видом на Сену с птичьего полета. Снимок восхитителен. Не город, а какая-то изумительная по красоте скульптура. Эта фотография спровоцировала у меня десяток мыслей. Письмо (№ 11) с фотографией мастерской я получил. Очень приятно получать фотографии, как будто имеешь личную встречу. Ах, как бы хотелось с тобой повидаться! Я до сих пор никак не переживу твой отъезд. Твои и Сашины работы всегда возбуждали во мне соревновательный зуд. И вдруг вас нет рядом.

С Аликом [Сидоровым] мы дружим и встречаемся довольно часто. С Ваней [Чуйковым] тоже. У Вани прорезался фонтан идей, но очень жаль, что он бросил свои кубы с пейзажами. Голубой куб с морем, на мой взгляд, его шедевр. Тут бы забить эту тему, сделать серию, но он остывает к этой теме. А как жаль!

В Москве прошли на днях две выставки. Одна на Грузинской улице⁴⁹, другая – на ул. Вавилова⁵⁰. На Грузинской выставлялись 20 сюрреалистов. Воняло таким провинциальным самодовольством, что я сбежал оттуда через 5 минут. Потребитель в восторге. Толпы людей стоят по 4 часа в очереди.

На Вавилова выставлен Вейсберг, народу нет. Висит около сорока картин. Натюрморты из гипсовых геометрических фигур, портреты, голые дамы. Зал отливает перламутровым отсветом. Прекрасная тишина, пронзительно чистая атмосфера, как во время первого снега. Мысль высказывается предельно просто и ясно. Почти формула. Я давно не испытывал такого сильного переживания. И странно. Я относился к нему прежде довольно равнодушно, как к давно съеденной пище.

Я наконец взялся за съёмку своих работ. Пришлю тебе фотографии как новых, так и старых работ.

Пока, Игорек. Пиши. Боря <...>

⁴⁹ 1-я выставка группы «20 московских художников» в Горкоме графиков на Малой Грузинской улице (6–20 марта 1978 года).

⁵⁰ В выставочном зале МОСХа на улице Вавилова, 65, экспонировались работы В. Вейсберга, М. Иванова, К. Мордовина, П. Никонова.

Чуйков – Шелковскому 12.04.78

Игорь, дорогой, здравствуй!

<...> С нашим проектом [журнала] теперь дела должны резко двинуться. Материалы ведь собраны и переведены (только кое-какие мелочи, поправки, детали остались). Нас задерживало незнание некоторых технических параметров издания – ведь и макет, и практически всё мы собирались делать здесь – только печатать там, у вас. Теперь Жак [Мелконян] и твои письма убедили А. [Алика Сидорова] в том, что это было негибко, сложно, непрактично и неудобно. Я это чувствовал, но А. почему-то очень боролся за экономичность, а я спорить с ним особенно не мог – ведь он делает, я же лишь помогаю. Так что теперь ждите материалов. <...>

Ты знаешь, что у нас была выставка в Милане. Сам по себе факт хороший, но, как мне сказал Ж. [Жак Мелконян], со слов Габриэллы Монкада, эту выставку вряд ли кто смог посмотреть. Она сама ходила несколько раз, но каждый раз галерея была закрыта. Какая-то задрипанная галерея. Правда, в каталоге есть что-то вроде статьи – это хорошо. <...>

Ждём писем. Иван. Галя. Женя

Герловины – Шелковскому 21.04.78, Москва

Здравствуй! Игорь Шелковский.

Большое тебе спасибо за великолепный подарок, это самое интересное в настоящее время для нас – пластинки. Наверное, Сюзанна тебе посоветовала, она знает, что «Дженесис» – наша любимая группа. Она нам прислала письмо, где сообщила, что вы вместе ходили в общество Харе Кришна. Мне было очень странно слышать о подобном интересе с твоей стороны (хотя и приятно). Периодически Иван [Чуйков] и Алик [Сидоров] дают читать твои письма к ним, так что мы более или менее представляем твой образ жизни. <...>

26 мая (Валере в этот день исполнилось 33 года) должна была открыться выставка кинетистов (Инфантэ, Колейчук, Дорохов, Котов), Ивана [Чуйкова] и нас⁵¹. Участвовать в выставке пригласил нас Слава Колейчук, о чём кинетисты сразу же пожалели, особенно прагматичный Инфантэ, который не хотел излишних осложнений и, дьявол его знает, ещё чего. Ни о каких организационных делах нам не сообщали, а мы особенно и не настаивали. Каждый добывал для себя документы. Однако в последний момент мы узнали, что Пацюков даёт нам рекомендательное письмо от Дома народного творчества, и мы снова невольно стали участниками выставки.

Иван с самого начала занял странную и опечалившую нас позицию – отчуждения, т. к. он, во что бы то ни стало, хотел выставку, а из-за нас могло не получиться. Если бы хоть один из них сказал нам, точнее попросил, не принимать участия, а не отмалчивался и не избегал, мы бы и не ввязывались. За день до открытия пришла комиссия (МОСХ, Минист. культуры и местные боссы) и была от нас в ужасе, а всех остальных пропустили. Наше искусство назвали антисоветским, провокацией. Как точно они догадались – это действительно провокация, но не в том узком смысле слова, как подразумевали они, а провокация к размышлению, самоанализу и определению своей т. з. на мир. Мы выставили последние альбомы и игры. В то время, пока ходила комиссия, в Доме учёных проходил «Университет миллионов», нечто вроде политучёбы. И все эти «миллионы» столпились вокруг наших работ и азартно дискутировали, довольно доброжелательно и с большим интересом. Просили у нас телефон. Увидев это, администрация ещё больше перепугалась, стала гасить свет, требовать, чтобы мы немедленно сняли работы, а те, которые ещё висят, перевернули к стене. Что мы и сделали без всякой боли и тоски, уже готовые к подобной реакции. Альтернатива комиссии снять только наши работы или всю экспозицию была встречена художниками с некоторым недоумением. Ни один из участников не только не сожалел, но облегченно вздохнул про себя. Никто даже не помог собирать работы, уже делили освободившуюся стену.

Возможно, тебе это покажется слишком чувственным отступлением, но, на мой взгляд, только на внутренней порядочности и взаимном уважении должно держаться братство художников, которое здесь такое же гнилое, как и у Глезера. И это страшно! В данном случае говорю не столько о нашем плачевном примере, сколько об общей ситуации. Мы никогда бы не приняли участия в подобной выставке, если бы знали, что будет подобная комиссия. Пацюков намеренно или случайно затянул организацию, и выставка, вместо того чтобы быть мероприятием Дома народного творчества (а их не проверяют никакие комиссии), стала, соответственно плану на май в Доме учёных, выставкой московской, которая и потянула за собой этот скан-

⁵¹ Выставка называлась «Наука и искусство» и проходила в Москве, в Доме учёных Академии наук СССР на Кропоткинской улице (29 мая – 5 июня 1978 года). В ней участвовали: Михаил Дорохов, Франциско Инфантэ, Вячеслав Колейчук, Юрий Котов и Иван Чуйков. После того как три художественно-идеологических комиссии признали концептуальные работы Герловиных провокативными и вредными советскому обществу, уже отпечатанный плакат был изъят, а во всём тираже приглашённых билетов их имена были выскоблены бритвой ручным способом одним из участников этой же выставки. Документация этого события (билеты до и после их «чистки») приведена в книге Герловиных «Russian Samizdat Art» (New York: Willis & Locker, 1986).

дал. На следующий день, в пятницу 26 мая, должно было быть открытие, но явилась повторная комиссия. А на улице стояла огромная толпа, мы тоже были и принимали поздравления с концептуальным вернисажем. Комиссия потребовала снять все фотографии Инфантэ и три Ваниных [Чуйкова] работы. Вот тут-то ребята, я имею в виду прежде всего Ивана, сделали очень грубую ошибку, что согласились выставляться в таком кастрированном виде. Здесь было важно дело принципа. В художественном отношении выставка пострадала, т. к. Инфантэ был представлен старыми, всем известными живописными картинами. В Иване до сих пор борется какое-то московское мышление с новым, независимым, творчеством и соответственно способом его демонстрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.